

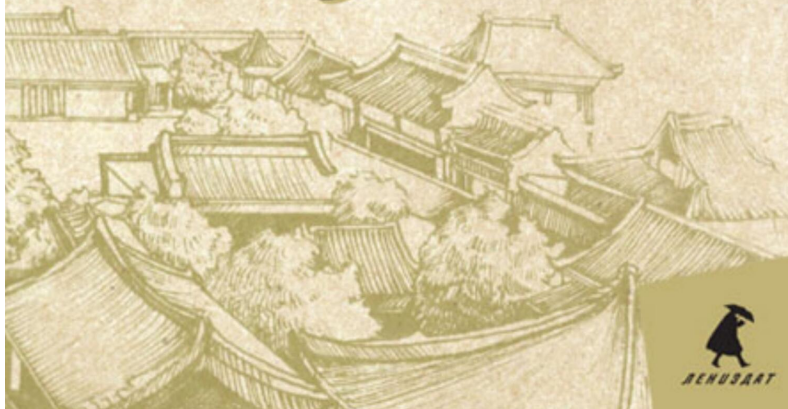
Фань Сяоцин

КРАСНЫЙ
ДРАКОН

Улица Гуйсян

RENUART

Сяоцин Фань

Улица Гуйсян

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69965611

SelfPub; 2023

Аннотация

«Улица Гуйсян» Фань Сяоцин – яркий образец современной китайской социальной прозы, направленной на формирование приоритета морально-этических и нравственных критериев над материальными благами и деньгами. Это книга о взрослой, состоявшейся женщине по имени Линь Юхун. Женщине, которая с поста виде-президента крупной компании уходит на общественную работу – становится председателем комитета жителей района. Книга о том, что никогда не поздно начать сначала и окунуться в то, что, казалось бы, совершенно тебе не подходит. Книга о том, что иногда прошлое не отпускает, и о том, как важно идти в будущее, храня в сердце то, что случилось с тобой.

Содержание

Предисловие	4
Глава I. Линь Юхун и Цзян Чунъян	11
Глава II. О кухне и жизни	59
Глава III. Кто такая председатель Цзян?	86
Глава IV. Скандал у дверей	108
Глава V. Линь Юхун покупает продукты	154
Глава VI. Пропавшая лапша	187
Глава VII. И снова председатель Цзян	213
Конец ознакомительного фрагмента.	233

Сяоцин Фань Улица Гуйсян

Предисловие

История, которой посвящена эта книга, произойдет на улице ароматных османтусов – Гуйсян. С этого, пожалуй, и начнем.

На этой улице стоит громадный дом – долгое время он принадлежал семейству Пань, одному из старинных родов Наньчжоу, известным тем, что многие его представители занимали чиновничьи должности. Так, во времена, когда в Китае существовала система кэцзюй¹, бесчисленное множество членов семейного рода получили такие чины, как чжуаньюань² или таньхуа³. Ли Хунчжан⁴ так описывал семейство

---

¹ Кэцзюй – система государственных экзаменов в императорском Китае, неотъемлемая часть системы конфуцианского образования, обеспечивавшая соискателям доступ в государственный бюрократический аппарат и их социальную мобильность.

² Чжуаньюань – этот титул дословно переводится как «образец для подражания во всем государстве» и подразумевает обладателя лучшего результата среди получивших высшую степень.

³ Таньхуа – дословный перевод этого титула – «избранный талант», подразумевает обладателя третьего результата среди получивших высшую степень.

Пань: «Семья, в которой деды и внуки, отцы и сыны, дяди и племянники, старшие и младшие братья достойны звания ханьлиньского академика⁵». Самый выдающийся из рода, Пань Сюэлань, принимал участие в столичных экзаменах. Его выдающиеся знания не остались незамеченными – экзаменаторы оценили их по достоинству. Пань Сюэлань претендовал на то, чтобы блестяще сдать экзамены, однако по ряду никому не известных причин упустил эту редкую возможность – судьба распорядилась так, что он не смог вовремя прибыть в Зал Сохранения гармонии⁶ для сдачи дворцовых экзаменов. Люди, вспоминая Пань Сюэланя, цитировали строки великого поэта Ду Фу: «Сын Неба его пригласил к себе – он на ноги встать не смог». Мало кто удостоивался подобной чести.

На самом деле Пань Сюэлань не был гением, как принято считать. Если бы Сын Неба пригласил его себе, разумеется, он прибыл бы вовремя. Дело в том, что мир полон коварных, завистливых людей. Именно они, следуя недоброму умыслу, запутали Пань Сюэланя, сообщив ему неправильное время. Так он и опоздал на экзамен. Злые языки похоронили его карьеру. В конечном итоге Пань Сюэлань получил пост мелко-

---

⁴ Один из самых влиятельных сановников Цинской империи XIX века. – Прим. ред.

⁵ Высшая ученая степень в Китае до 1911 года.

⁶ Один из трех залов Внешнего двора Запретного города в Пекине. Он использовался для репетиций церемоний, а также был местом проведения заключительного этапа императорского экзамена. – Прим. ред.

го чиновника, что, конечно же, было далеко от того, к чему он стремился. Но Пань Сюэлань ни о чем не жалел. На протяжении нескольких лет он честно служил государству, а потом решил вернуться домой. На родине он с головой погрузился в чтение книг и коллекционирование редких изданий, писал стихи, занимался живописью и наслаждался жизнью. Разве кто-нибудь знает, чем закончилась бы история, если бы Пань Сюэлань вовремя прибыл на экзамен в Зал Сохранения Гармонии? Время шло. Пришла пора его племяннику, Пань Гуйфэню, сдавать экзамены. Парень усердно учился, расширял кругозор, вовремя прибыл в Зал Сохранения Гармонии, где снискал расположение императора и получил титул чжэгуй – его присуждали тем, кто лучше остальных сдал дворцовые экзамены и получил степень цзиньши⁷. Иероглиф «чжэ» означает «срывать», а «гуи» – «османтус». В древние времена экзамены проводились осенью, когда расцветали цветы османтуса душистого, поэтому титул чжэгуи, что дословно означает «тот, кто сорвал османтус», даровали тем, кто получил степень цзиньши.

Дом, что принадлежал роду Пань, раньше не носил гордого имени Сад османтусов. В прошлом вся его огромная территория была засажена другими цветами и деревьями. Однако Пань Гуйфэнь, получивший от императора титул чжэгуи, по возвращении домой поспешил высадить во внутреннем

---

⁷ Цзиньши – обладатель высшей степени на экзамене, проводившемся в столице раз в три года.

дворике несколько небольших, но прекрасных османтусов. Так дом рода Пань стал известен как Сад османтусов. Старшие представители семьи сидели во дворе в тени деревьев и цитировали строки из древних стихов: «Нет в саду лучше османтусов, что расцвели на Праздник Луны» Ли Цинчжао⁸ или «К великому счастью, османтусы цветут на просторах Лунного дворца» Бо Цзюйи⁹. Глядя на небольшие деревья, посаженные во дворе, семья Пань чувствовала себя счастливой. Османтус цвел на юго-западе страны и не был распространен в Наньчжоу. Пересаживая деревья, Пань беспокоились, что они не приживутся – в Наньчжоу другая почва и вода. Однако, несмотря ни на что, два дерева все же укоренились.

Каждую осень густой и в то же время легкий аромат османтуса наполнял улицу. Семья Пань широко открывала ворота, чтобы соседи могли зайти во двор, насладиться ароматом и срезать слишком разросшиеся цветы, освободив место для новых, которые непременно расцветут в следующем году.

Имя, которое в прошлом носила улица Гуйсян, не соответствовало реальности. Осенью она утопала в аромате османтусов, от чего и получила современное название. Лю-

---

⁸ Китайская поэтесса Цы времен династии Сун. Псевдоним – Иань Цзюйши. – Прим. ред.

⁹ Китайский поэт, одна из знаковых фигур эпохи средняя Тан. Его эссе характеризуются краткостью и особой остротой. – Прим. ред.

ди Наньчжоу влюбились в их нежный запах, потому старались высаживать эти деревья, а цветы стали добавлять в кондитерские изделия и легкие закуски. Так на улице Гуйсян открылись многочисленные лавочки и лотки, где можно отведать лакомства с осман-тусом. Гости не только с Наньчжоу, но и со всей страны стремятся сюда, чтобы попробовать местные угощения.

Один из сынов семьи, Пань Босюань, родился осенью 1947 года. С молоком матери он впитал аромат османтуса. К тому времени, когда ему исполнилось два или три года, он мог с помощью слуг приготовить всевозможные закуски, блюда, сладости и напитки с добавлением османтуса, включая цветочные бисквиты, клецки, клейкий рис на пару, засахаренные цветки, вино, чай, соус и мед. В те годы дом, во дворе которого цвели эти деревья, так и называли – «Османтус».

До реформы в отношении частных домов семья Пань проживала в Саду османтусов, радушно принимая у себя дальних родственников и семьи своих слуг. В 1957 году дом семьи Пань утвердили для сдачи комнат в аренду. Старшие и младшие представители семьи ютились в двух флигелях, остальные постройки были переданы государством в аренду тем, кто находился в затруднительной материальной ситуации и не имел крыши над головой. Члены семьи Пань привыкли жить в роскоши и не умели зарабатывать упорным трудом. И стар и млад оказались совершенно беспомощны – так вся семья практически лишилась заработка. Перед нача-

лом реформы они могли жить на деньги, получаемые с личной сдачи построек в аренду, но после лишились этого дохода. Один из дядей Пань Босюаня скитался по паркам и играл на эрху¹⁰, получая мелочь, чего было недостаточно, чтобы прокормить семью. Он был почти что нищим. Другой дядька Пань Босюаня выживал за счет продажи старых вещей, что принадлежали семье, и тоже влачил весьма жалкое существование. Несмотря на упадок семьи, Пань Босюань рос достойным сыном – так или иначе он был отпрыском знатного и могучего рода. В свои 13-14 лет он был крепким, рослым и высоким и выглядел, как парни 17-18 годов от роду. Усовершенствовав свои таланты в кулинарии и скрыв имя и возраст, Пань Босюань нашел работу, получив возможность содержать семью. У него была младшая сестра, родившаяся в 1949 году, которая взяла себе новое имя – Пань Хунци. Она пошла по стопам брата, что был на два года старше ее, и решила стать поваром. Все говорили, что удача на её стороне. Однако удача – дама капризная, она любит приходить и уходить по своему усмотрению. Когда Пань Хунци училась в первом классе средней школы старшей ступени, ее отправили работать в деревенскую производственную бригаду. Старший брат, усердно работавший, чтобы содержать семью, смог остаться в городе, поскольку занимался этим уже давно.

Трудясь в рядах бригады, Пань Хунци влюбилась в моло-

---

¹⁰ Старинный китайский смычковый музыкальный инструмент с двумя металлическими струнами. – Прим. ред.

дого человека по имени Цзян Цзо – представителя образованной молодежи, который отправился в деревню в рамках движения «Ввысь в горы, вниз в села». Беспokoясь о будущем, они не посмели придать свои чувства огласке, не говоря уже о браке. Чуть позже в судьбе Пань Хунци произошел резкий поворот: она очаровала сына секретаря производственной бригады. Сын и его отец сделали все, чтобы завоевать расположение Пань Хунци, однако она и её возлюбленный, Цзян Цзо, отчаянно желая сохранить любовь, зачали ребенка. Сын секретаря и отец были вынуждены признать поражение на любовном фронте. Ребенок, зачатый вне брака, родился в Чунь-ян – в праздник двойной девятки, поэтому ему дали звучное имя – Цзян Чуньян. Сын рос крестьянином, но когда ему исполнилось шесть, его жизнь резко изменилась. Образованная молодежь получила возможность вернуться из деревень в города, и Пань Хунци и Цзян Цзо наконец-то вернулись в Наньчжоу, а Цзян Чуньян последовал за ними. Пань Хунци нашла работу на хлопкопрядильной фабрике, а Цзян Цзо стал трудиться на заводе по производству транзисторов. Жизнь шла своим чередом. Цзян Чуньян вырос, выучился, поступил в университет, влюбился.

Глава I. Линь Юхун и Цзян Чунъян

Любовь, что рождается в университете, бывает разной. Каких только чувств не испытывают студенты, чего только не случается в это прекрасное время! Конечно же, их не обходит стороной и то, что происходить не должно. Вопреки всему, любовь, соединившая сердца Линь Юхун и Цзян Чунъяна, подобна величественному, но пугающему урагану, что грохочет и оглушает, пока буйствует. Временами она напоминала океан, волны которого захлестывают и поглощают, а иногда казалась бездной, куда бесконечно падаешь, падаешь, падаешь... В конечном итоге героини истории были обречены пожертвовать собой во имя любви. Они горько вздыхали, сетуя на то, что любовь проходит, ибо ничто не вечно под луной, и одновременно пытались понять, почему же так вышло. В конце концов, все пришли к следующему выводу: это было предопределено с самого начала. Все дело – в характере. Линь Юхун и Цзян Чунъян были похожи, как две капли воды. Люди, что по нраву отличаются, могут взаимно дополнять друг друга, но Линь Юхун и Цзян Чунъян – исключение. В моменты ссор они рассыпались в обидных ругательствах. Оба были упрямы, как ослы, готовые в любой момент взорваться, и презирали даже мысли о том, чтобы сдаться, а потому были полны решимости идти до победно-

го конца. К несчастью, их вспыльчивый нрав принес немало боли: некогда влюбленные стали заклятыми врагами, что страстно желают друг друга уничтожить, превратить в пыль, стереть с лица земли. Каждый раз, сцепившись в очередной ссоре, они не желали уступать и изрыгали друг на друга раныщащие в самое сердце проклятия.

Линь Юхун решила действовать напролом и надавить на больное:

– Цзян Чунъян, тебя родители в детстве вообще учили быть человеком? Такое ощущение, что тобой не занимались, раз тебе недостает семейного воспитания.

Цзян Чунъян, задыхаясь от злости, ответил тем же:

– Линь Юхун, напомни-ка, а кто твои предки? Представители высшей интеллигенции? Уважаемые профессора университета? Светила науки? Как они только умудрились воспитать такую базарную бабу?

Линь Юхун язвительно процедила:

– Ах да, как же я могла забыть?! Твои родители даже себя-то воспитать не смогли, не говоря уже о тебе. Как я помню, кого-то из них уволили, а у кого-то даже не хватило мозгов поступить в университет. Очевидно, что они могли воспитать только такого отвратительного бездаря, как ты.

Цзян Чунъян не мог сдаваться – не имел права, а потому упрямо ответил:

– Не спорю, мои родители попали под сокращение, зато родственники по бабушке, между прочим, были уважаемы-

ми людьми! У меня знатные, образованные предки! Они были теми, кто гулял по Южному кабинету¹¹ и мог верхом ездить по территории Запретного города¹²!

Линь Юхун так и прыснула от смеха:

– Ха-ха-ха! По Южному кабинету? И где же он находится? Тогда должны быть и Северный кабинет, и Восточный, и Западный!

В действительности понятие «гуляющий по Южному кабинету» обозначало должность, которую в прошлом занимали члены Ханьлиньской академии. Этот термин никак не был связан с передвижением по Южному кабинету или обладанием права собственности на него. Но откуда Линь Юхун могла об этом знать? Даже сам Цзян Чунъян не имел понятия, что сказал. Родители Цзян Чунъяна трудились в полях, когда он научился понимать на слух речь и различать слова и интонации, поэтому ему был знаком исключительно сельский говор. Он прислушивался к тому, как родители обсуждали, кто и сколько заработал трудоединиц за год, сколько продовольствия они получают по окончании сельскохозяйственных работ. Ко времени их возвращения в город роскошный дом, что принадлежал семье Пань, обветшал так, что нельзя было смотреть без слез. В комнатах ютились

---

¹¹ Южный кабинет – дворцовый зал для работы членов Ханьлиньской академии.

¹² Запретный город – это главный дворцовый комплекс китайских императоров начиная с династии Мин и до конца династии Цин.

несколько десятков семей, отчего постройки, некогда объединенные общим стилем, изменились до неузнаваемости. Несмотря на то что мать Цзян Чунъяна, Пань Хунци, была из известного старинного рода, она так и не смогла вернуться в родной дом.

Цзян Чунъян не успел вырасти и познать горький вкус тоски по родине, почувствовать, что такое дом, которому ты принадлежишь, когда Сад османтусов исчез с лица земли.

В начале 1980-х годов на города обрушилась ревитализация¹³. Из-за своего расположения Сад османтусов принял на себя первый удар и был снесен. На его месте, источавшем аромат, построили первый в истории Наньчжоу универмаг.

Два дерева во дворе дома семьи Пань пересадили в парк неподалеку от улицы Гуйсян, где они до сих пор пышно цветут. В некотором смысле Цзян Чунъян не имел никакого отношения к Саду османтусов и долгое время даже не знал, что его мать когда-то жила в том роскошном доме, где цвели эти деревья. Можно предположить, что он понимал это в детстве, когда в возрасте шести лет вместе с родителями вернулся в город и оказался у дверей того самого дома на улице Гуйсян. Они заглянули за створку ворот, но так и не смогли войти внутрь: дом уже не принадлежал семье Пань.

Неудивительно, что воспоминания о тех временах не со-

---

¹³ Ревитализация в контексте урбанистики обозначает процесс воссоздания и оживления городского пространства. Основной принцип заключается в раскрытии новых возможностей старых территорий и построек.

хранились в памяти Цзян Чунъяна, поэтому он не был уверен в том, что действительно видел старинный дом. Время шло, дни летели стрелой. Иногда мать рассказывала Цзян Чунъяну о доме семьи Пань – о двух деревьях османтуса, усыпанных цветами, и о «гуляющих по Южному кабинету». Естественно, Цзян Чунъян, как и Линь Юхун, думал, что Южный кабинет находится в Саду османтусов и он непременно должен быть огромным – все-таки невозможно гулять по тесному помещению.

Как назло, в разгар ссоры Цзян Чунъян исчерпал весь запас аргументов, оскорблений и нападок, и потому заговорил о Южном кабинете, которого никогда не существовало в его жизни. Линь Юхун глумилась над ним как могла. В момент отчаяния Цзян Чунъян придумал, как поставить девушку на место, решив, что нет ничего лучше старой поговорки:

– Самый тощий верблюд все равно толще лошади! – заявил он, назидательно поднимая палец вверх.

Линь Юхун язвительно фыркнула:

– Пф! Самый тощий верблюд вообще не может сравниться с лошадыю! Более того, Цзян Чунъян, ты должен четко понимать, что у тебя нет никакого тощего верблюда – ни скелета, плоти, крови или даже шкуры. Ты каким-то образом решил приплести к нашему разговору несуществующего верблюда. Да ты бредишь!

Спор был совершенно бессмысленным и перестал иметь хоть какое-то отношение к их любви. Оба были слишком

упрямы, чтобы уступить. В конечном итоге разговор ушел не в то русло – совсем как лошадь, сорвавшаяся с уздечки и умчавшаяся далеко-далеко.

Одногруппники украдкой хихикали, наблюдая за спором двоих людей, ошибочно принимавших равнодушие за любовь, а скуку – за серьезное отношение друг к другу. Одни в их действиях и словах видели себя, другие скрепя сердце внимательно наблюдали за происходящим, выжидая время. Издавна известно, что наблюдающие со стороны видят больше, чем те, кто крутится в центре событий. Наслаждаясь перепалкой, Линь Юхун и Цзян Чунъюан продолжали словесный бой.

Цзян Чунъюан решил сменить тактику и отступить, чтобы атаковать:

– Линь Юхун, ты не должна уступать мне, во что бы то ни стало. Все-таки взрослый мужик, как-нибудь переживу твою истерику.

Линь Юхун язвительно ответила:

– Нет, Цзян Чунъюан, это ты не имеешь права уступить мне. Все-таки я – маленькая слабая женщина.

Цзян Чунъюан не упустил возможности парировать:

– Это ты-то маленькая и слабая? Ты способна вывести из себя взрослого мужика.

На это Линь Юхун презрительно протянула:

– Ну раз уж я могу вывести тебя из себя, значит, не такой уж ты и взрослый.

Они действительно не хотели сдаваться: одна мысль о том, чтобы уступить другому, бросала в липкий пот. Цзян Чунъян снова решил сменить тактику и мягко спросил:

– Линь Юхун, не могла бы ты быть со мной поласковее, пожалуйста? Быть такой дерзкой тебе не к лицу.

Линь Юхун побледнела и прошептала:

– Понятно. Значит, тебе нужен кто-то поласковее. Есть у меня на примете такая знакомая. Познакомлю вас.

Цзян Чунъян ехидно протянул:

– Да, познакомь, будь добра. Очень надо.

Он думал, что Линь Юхун не осмелится выполнить свое обещание, но ошибся.

У Линь Юхун была однокурсница и по совместительству лучшая подруга – Юй Сяо, которая все это время стояла в стороне и наблюдала за перебранкой. Линь Юхун схватила Юй Сяо за руку, подтолкнула ее к Цзян Чунъяну и едко бросила:

– Вот, пожалуйста. Забирай. Как ты и просил – поласковее.

Цзян Чунъян на глазах у всех крепко обнял Юй Сяо. Хрупкая тоненькая девушка скрылась в его медвежьих объятиях и, кажется, пропала из виду. Линь Юхун думала, что Цзян Чунъяну не хватит смелости. Теперь ошиблась она.

Робкая Юй Сяо обмякла в объятиях Цзян Чунъяна и горько зарыдала от страха. Больше всех на свете она любила Цзян Чунъяна, но это было тайной для всех. Линь Юхун, старо-

ста группы и круглая отличница, была умной, талантливой, яркой, доброй, прямолинейной, отзывчивой и любопытной. Юй Сяо всегда оставалась в тени подружки, словно молчаливая, свернувшаяся в клубок у хозяйских ног кошка. Разве могла Юй Сяо сравниться с Линь Юхун?

Все вокруг думали, что Линь Юхун и Цзян Чунъян дурачились. Никто не знал, что собой представляет любовь. Сегодня они расстанутся, завтра помирятся. Сегодня они отчаянно ругаются, споря изо всех сил, и ненавидят друг друга, а завтра наступят безмятежные дни, полные счастья. Так происходит со всеми влюбленными. Сейчас же, кажется, все вышло из-под контроля. Когда речь идет о Линь Юхун и Цзян Чунъяне, речи о стандартных финалах не идет. Оба одинаково сильные и упрямые, и ни один не горит желанием первым склонить гордую голову. Так было, есть и будет. С тех пор как Цзян Чунъян обнял Юй Сяо на глазах у Линь Юхун, они не обменялись ни словом и старались вести себя как совершенно незнакомые люди, когда изредка сталкивались в коридорах университета.

В конце концов другая одногруппница Линь Юхун, Чжао Цзинцзы, не выдержала. Она совершенно не верила в любовь, похожую на детский сад, и потому презирала такие чувства. Она спросила:

– Линь Юхун, это правда?

Линь Юхун будто полоснули ножом по сердцу, но она не показала вида и лишь упрямо ответила:

– Сама реши, что правда, а что нет.

Глаза Чжао Цзинцзы покраснели, в уголках блеснули слезы.

Линь Юхун фыркнула и спросила:

– Ты чего расчувствовалась тут?

Корабль любви, которому все пророчили счастливое плавание, внезапно сменил курс и поплыл в противоположном направлении, стремительно удаляясь от прошлого.

Те, кто не знают правды, могут подумать, что Цзян Чунъян втайне от всех любил Юй Сяо, но сердца двух людей, которым посвящена наша история, чисты, как зеркало. Если Юй Сяо и правда была тайной любовью Цзян Чунъяна, то Линь Юхун сама докопалась до истины, когда схватила ее и толкнула в объятия того, кого сама любила больше всех на свете. Разве Линь Юхун могла знать, что тем самым разобьет свое сердце на мелкие кусочки? Она была слишком самоуверенна и искренне считала себя правой. До самого конца она верила в то, что Цзян Чунъян не будет вместе с Юй Сяо. Он любит Линь Юхун – это аксиома, то, что никогда не изменится. Скандалы не испортят их отношений, и даже если Юй Сяо станет частью их истории, это будет лишь одно из испытаний, не более того. Линь Юхун всегда побеждает. И этому есть лишь одна причина: она любит только Цзян Чунъян, а он – ее.

Но она ошиблась. Слово «только» здесь оказалось лишним и потеряло свое значение.

Последним воспоминанием о Цзян Чунъяне, что осталось в сердце Линь Юхун, стала та роковая сцена: он крепко сжимает Юй Сяо в объятиях, а она плачет, прячась в его надежных руках. В то время Линь Юхун даже не представляла, что Цзян Чунъян был из родовитой семьи Пань. Но даже если бы знала об этом, что с того? Линь Юхун было суждено стать женщиной, для которой любовь никак не связана с происхождением. Если вы не интересуетесь происхождением своего избранника, не пытаетесь выведать все о трех поколениях его семьи, значит, вам будет невдомек, что именно с молоком матери вобрал в себя ваш любовный интерес, какие испытания и сюрпризы преподнесет его характер. Цзян Чунъян на два года старше Линь Юхун. После окончания университета он начал работать в муниципальном управлении по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных препаратов. Когда Линь Юхун наконец получила диплом, Цзян Чунъян уже занимался отбором кандидатов для своей организации. Линь Юхун прекрасно училась и потому никогда не боялась такого страшного зверя, как экзамен. Ее успехи позволили выбирать, где она хотела бы работать. Чжао Цзинцзы знала, на какие вакансии откликнулась Линь Юхун, и спросила ее, почему она не выбрала то же управление, что и Цзян Чунъян. Линь Юхун поняла, что Чжао Цзинцзы ни о чем не подозревает и специально спрашивает ее об этом. Она уже собралась огрызнуться, но Чжао Цзинцзы сразу же поняла, что ее замысел разгадан, и поспешно спросила:

– Ты думала, что Цзян Чунъян по-прежнему там работает?

Прошло уже два года. Имя возлюбленного задело Линь Юхун за живое. Совладав с эмоциями, она заглушила ноющую в сердце боль и, скрывшись за маской безразличия, спросила:

– Кто-кто? Не знаю такого человека.

Чжао Цзинцзы вздохнула и рассказала, что два месяца назад Цзян Чунъяна перевели в городскую администрацию.

Пристально посмотрев на Чжао Цзинцзы, Линь Юхун усмехнулась и спросила:

– Ты очень много знаешь о нем. Может быть, ты заняла место Юй Сяо?

Чжао Цзинцзы не желала уступать и с холодной улыбкой ответила:

– Я думаю, что у тебя прекрасные шансы выбрать достойную профессию. Ты не должна сдаваться и довольствоваться чем придется. Разве муниципальное управление по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных препаратов – не самый лучший вариант?

Терпеливость Чжао Цзинцзы и ее холодная улыбка заставили Линь Юхун залиться краской и побледнеть, и все же она прислушалась к совету подруги и подала заявление на работу в управление. Когда она пришла в подразделение, ее привели в отдел контроля качества пищевых продуктов, где стоял пустой стол. В глубине души Линь Юхун знала, что

раньше за ним сидел Цзян Чунъян.

Некоторое время спустя до нее дошли новости о свадьбе Цзян Чунъ-яна и Юй Сяо. Приглашение принесла Чжао Цзинцзы. Не дожидаясь вопросов, она поспешила рассказать, что у Цзян Чунъяна и Юй Сяо возник конфликт из-за того, приглашать Линь Юхун или нет. Цзян Чунъян не хотел приглашать бывшую возлюбленную на праздник, но Юй Сяо настояла. Они так и не пришли к согласию, и Юй Сяо тайком попросила Чжао Цзинцзы передать приглашение подружке.

Линь Юхун в ярости разорвала его на мелкие кусочки и бросила их на пол.

Чжао Цзинцзы, как и тогда, не удержалась и спросила:

– Линь Юхун, это правда?

Та лишь холодно усмехнулась:

– Сама реши, что правда, а что нет. Ты что, думаешь, я до сих пор его люблю? Он даже...

Линь Юхун осеклась, прекрасно понимая, что врет сама себе. Чжао Цзинцзы это понимала. Нет нужды говорить, когда сердце разбито на тысячи осколков.

Чжао Цзинцзы знала мысли Линь Юхун, как свои пять пальцев, и с горечью сказала:

– Ты прекрасно знаешь, что он всегда любил тебя, поэтому не хочет, чтобы ты присутствовала на его свадьбе. В его сердце по-прежнему ты и только ты, Линь Юхун. Почему ты такая упрямая? Почему так любишь причинять себе боль?

Глаза Чжао Цзинцзы покраснели.

Линь Юхун сердито воскликнула:

– Чжао Цзинцзы, что с тобой? Ты кого жалеешь? Меня? Цзян Чунъя-на? Или, может быть, себя?

За день до свадьбы Юй Сяо неожиданно пришла к Линь Юхун. Как только они встретились, Юй Сяо разразилась рыданиями. Линь Юхун ехидно заметила:

– У тебя свадьба на носу. Ты, должно быть, от счастья плачешь. Хм. И правда ведь есть люди, которые начинают реветь, стоит им обрадоваться. Впервые такое вижу. Спасибо за расширение кругозора.

Юй Сяо, всхлипывая и утирая слезы, спросила:

– Ты все еще любишь его? А он тебя? Это же невозможно. Это не может быть правдой. Линь Юхун, умоляю тебя, скажи мне, что это неправда!

Она заметила, что подруга не хочет отвечать, и поспешно добавила:

– Мне сказала об этом Чжао Цзинцзы, но я ей не верю. Не хочу и не могу. Если же это правда. Что же мне тогда делать? Я. Я не смогу так жить.

Юй Сяо заливалась горькими слезами. Она плакала и никак не могла остановиться.

Так в разговоре наметилась жирная точка.

Линь Юхун и Цзян Чунъян – два человека, которые так же умны, как и уперты. Все, что имели на сегодняшний день, они получили по заслугам, но так и не смогли стать друг другу чужими. В университете они изучали одну и ту же

специальность, и в будущем их ждет множество недоразумений. Чжао Цзинцзы начала карьеру в санатории для кадровых работников, где занималась проверкой качества продуктов, Юй Сяо же с самого начала не любила эту специальность и потому решила стать руководителем в одной из гостиниц. Сложности в отношениях трех лучших подруг не закончились, а, возможно, только начались.

Появление Сун Лимина в жизни Линь Юхун стало подарком свыше. Кажется, небеса решили компенсировать девушке ее страдания. Сун Лимин по характеру очень отличался от Цзян Чуньяна – был мягким, великодушным и всепрощающим, всегда терпим к людям, не ставил себя выше других, не настаивал на своей абсолютной правоте. Лишь одно всегда оставалось ясным и постоянным – его отношение к Линь Юхун: Сун Лимин безропотно слушался девушку и всегда был готов ей уступить. Линь Юхун казалось, что с началом отношений с Сун Лимином душевные раны, нанесенные ею самой себе, постепенно затягиваются, и жизнь налаживается.

Спустя несколько лет упорной работы она доросла до заместителя руководителя отдела контроля качества пищевых продуктов. В Наньчжоу подобное было редкостью: нечасто столь молодые люди получали такое повышение.

Карьера Линь Юхун развивалась благополучно, а в семье царили умиротворение, стабильность и гармония. Сун Лимин, как всегда, во всем потакал Линь Юхун, а смышленная

и хитрая дочка лучше всего на свете умела угождать матери. Говорят, что женщины рожают дочерей для мужчины, и две женщины способны его испортить. Но семья Линь Юхун – исключение. И муж, и дочь во всем уступают ей, радуют и обеспечивают. У нее было все и даже больше, разве могла она хотеть чего-то еще? Однако у судьбы были другие планы. Жестокая реальность свалилась на Линь Юхун, как снег на голову, вырвав из плена семейной неги. Руководителя Ли внезапно перевели в провинциальное управление по контролю качества пищевых продуктов и лекарственных препаратов. Ожесточенная конкуренция застала двух заместителей руководителя – Линь Юхун и старика Сюэ – врасплох. У Сюэ было преимущество по старшинству, но Линь Юхун была лучшей, когда дело касалось результатов. На самом деле у Сюэ не было даже мыслей о том, чтобы соперничать с Линь Юхун. Он был стар, а руководитель Ли намного моложе его. На что старый Сюэ мог рассчитывать? Его воля к борьбе давно ослабла – через два-три года он ожидал увольнения. Но приказ о переводе руководителя был подобен грому среди ясного неба. Сюэ пребывал в замешательстве. Смешанные чувства испытывала и Линь Юхун.

Разумеется, душевное смятение не могло сбить Линь Юхун с пути: так или иначе она была готова ко всему. В конце концов, неожиданный перевод руководителя Ли, о котором даже не предупредили, был, судя по всему, одним из способов решить проблемы предприятия. И Линь Юхун, и

старый Сюэ имели очевидные слабые стороны, поэтому вероятность рассмотрения кандидатуры из другого департамента была очень высока. В течение полумесяца Линь Юхун соперничала со старым Сюэ и анализировала потенциальных кандидатов на должность руководителя управления. Прошерстив предприятие от стены до стены, одних соперников она признала равными себе, других сбросила со счетов. Линь Юхун начала приводить в порядок отдел, действуя профессионально и зарекомендовав себя как хорошего руководителя. Должность руководителя не может занимать специалист с управленческим опытом, но без профессиональных навыков. Разумеется, получившие образование, но не умеющие управлять тоже не подходят на такую должность. Линь Юхун еще не успела разобраться с отделом контроля качества пищевых продуктов, как новый сотрудник уже приступил к выполнению своих обязанностей. Действовал он быстро и решительно.

Линь Юхун никогда не забудет тот осенний день. Через приоткрытое окно в кабинет ворвался ветер, разбросав листы бумаги по всему помещению. Как только Линь Юхун захлопнула створку окна, ее сердце подпрыгнуло и сделало сальто – в дверях, лукаво улыбаясь, стоял Цзян Чунъян.

Рядом с Цзян Чунъяном стоял начальник отдела кадров – руководитель Цзи. Линь Юхун сразу же поняла, что вот-вот должно произойти. Сердце так гулко стучало в груди, что она не слышала ничего, кроме его ударов. Главный орган чело-

веческого тела бешено прыгал где-то между ребер и все падал и падал в глубокую бездну. Цзян Чунъян и руководитель Цзи вошли в кабинет.

Не дожидаясь, пока руководитель заговорит, Цзян Чунъян решил начать разговор:

– Изначально меня должен был встретить руководитель предприятия или хотя бы его заместитель, но что-то пошло не так. Я не вытерпел, такой уж у меня характер, и пришел сам. Руководитель Цзи, примерно это я должен был сказать?

Начальник улыбнулся без каких-либо эмоций и мягко сказал:

– Начальник Цзян прибыл к нам из органов власти. Его стиль работы отличается от нашего. Он действует на опережение.

Цзян Чунъян рассмеялся:

– О, начальник Цзи зачастую критикует меня, обвиняет в том, что я не соблюдаю правила. Но у меня добрые намерения: я жажду погрузиться с головой в работу!

Линь Юхун сразу же поняла, почему Цзян Чунъян оказался здесь. Ее пожилой коллега Сюэ в силу возраста медленно реагировал на происходящее, ничего не понимал и, широко раскрыв рот от удивления, ждал объяснений от начальника.

Линь Юхун никак не могла смириться с этим. Пусть не она, не Сюэ, не другой сотрудник отдела, но, пожалуйста, только не Цзян Чунъян! Ее терзали два вопроса: «Почему именно он?» и «Кто, если не он?»

Цзян Чуньяна утвердили на должность руководителя отдела контроля качества пищевых продуктов. Так кто, если не он? Согласно правилам, руководитель Цзи должен был представить Цзян Чуньяну его будущих коллег, но тот прервал его, сказав:

– Не стоит! Я помню этих людей. Когда я только начал карьеру в отделе контроля качества пищевых продуктов, Сюэ был моим наставником. Многоуважаемый Сюэ, здравствуйте. Почему вы делаете вид, что не узнаете меня?

Старый Сюэ наконец-то понял, к чему все шло. Как только он заговорил, напряжение, витавшее в воздухе, спало. Смеясь, он сказал:

– А ты парень не промах! Я уже тогда знал, что если тебя хорошо обучить, помру с голоду. Высоко ты забрался – прямо мне на голову! Будешь руководить отделом?

Цзян Чуньян рассмеялся в ответ:

– Таков закон джунглей – выживает сильнейший.

Старый Сюэ ответил:

– Дьявольский закон. Ты молодец, всячески выкручиваешься, чтобы обеспечить себя. В органах власти даже поработал, наверняка золотом обжился. С тобой работа пойдет как надо.

Руководитель Цзи незамедлительно встрял в разговор:

– Да, точно. Я слышал, что до моего прихода в управление начальник Цзян два года проработал в нашем отделе. У него, должно быть, большой опыт!

Цзян Чуньян решил не церемониться:

– Да. Что касается возраста, я немного старше руководителя Цзи, поэтому буду здесь старшим.

Старый Сюэ фыркнул и решил приструнить Цзян Чуньяна:

– Ты? Старшим? Ты не больше чем ошметок тофу, что плавает в кипящем супе. Тоже мне, умник нашелся! – старик осекся и, ойкнув, спросил: – Мне вот что интересно: если ты так хорошо работал, почему вдруг ушел?

Цзян Чуньян ответил:

– Я всегда стремлюсь к большему, поэтому решение уйти в муниципалитет было неизбежным.

Сюэ, усмехнувшись, возразил:

– Не пытайся меня провести. Не думай, что если я думаю медленнее тебя, значит, я глупый. Я совсем не дурак и не так прост, как кажется, и давно понял, что ты ушел из-за нее, – сказал он, кивая на Линь Юхун.

Задыхаясь от злости, Линь Юхун прошипела:

– Не надо меня приплетать.

Старого Сюэ задело стремление Линь Юхун отобрать у него должность начальника. Он злорадствовал и ехидничал:

– О, посмотрите, как она заволновалась! Никогда не видел, чтобы ты нервничала. Ха-ха.

Цзян Чуньян увидел, что руководитель Цзи смотрит на них с некоторым подозрением, и взял на себя инициативу объяснить:

– Руководитель Цзи, это Линь Юхун. Вам не нужно нас знакомить. Мы вместе учились, я выпустился на два года раньше.

Старый Сюэ был так счастлив, что хлопнул себя по бедру и сказал:

– Точно-точно, вы же вместе учились. Помню, ты говорил об этом! Ничего не вышло, не так ли? Итак, ха-ха, я вспомнил. Значит, я правильно понял, что ты решил сменить работу, когда узнал, что Линь Юхун скоро начнет работать здесь? Уверен, что да! Но сегодня ты вернулся.

Старый Сюэ внезапно замолчал, почувствовав, что перегнул палку. До него всегда все доходило медленнее, чем до других, но взять свои слова обратно он не мог. Цзян Чунъян, не обращая внимания на проницательный изучающий взгляд руководителя Цзи, улыбнулся Линь Юхун:

– Линь Юхун, мы не виделись много лет. Почему бы тебе не поздороваться и не поинтересоваться, как дела?

В сердце Линь Юхун бушевали смешанные чувства. Она постаралась его уколоть:

– А тебе что, плохо жилось? Нужно, чтобы другие спрашивали, как у тебя дела, и тогда станет лучше?

Цзян Чунъян сказал:

– Эй-эй, хорошо я поживаю или нет – это мое личное дело. Тот факт, что ты при встрече не поинтересовалась, как у меня дела, отражает твои чувства.

Линь Юхун решила не щадить его самолюбие и продол-

жила:

– Не говори о том, что у меня на душе. У меня нет никаких чувств.

Цзян Чуньян поднял руку и словно отмахнулся от нее:

– Ладно-ладно, уговорила. Нет чувств – значит, нет. Не здороваешься – ну и не надо. Просто улыбнись мне как старому другу и достаточно.

Линь Юхун холодно ответила:

– Думаю, мне нет причины улыбаться.

Цзян Чуньян нарочно охнул и ехидно протянул:

– Ох! Прошло столько лет, а ты совсем не изменилась. Все такая же злая!

Линь Юхун повернулась на каблуках, чтобы выйти, и услышала, как руководитель Цзи спрашивает старого Сюэ:

– Между этими двумя действительно что-то было?

На что Сюэ ответил:

– Было, и не просто «что-то», а самый настоящий роман! Бурный, полный эмоций, трагичный! Первая любовь.

Руководитель Цзи рассмеялся и что-то сказал, только Линь Юхун уже не услышала этого.

Цзян Чуньян решил догнать Линь Юхун. Он настиг ее в коридоре и, посмеиваясь, спросил:

– Спусти столько лет ты все еще не хочешь сдаваться? Может, тебе нужно немного куриного бульона для души¹⁴? Воз-

---

¹⁴ «Куриный бульон для души» (англ. Chicken Soup for the Soul) – серия мотивационных историй, основанных на реальных событиях. Каждая книга включает

можно, подобреешь.

Заметив, что Линь Юхун по-прежнему хмурится, он поспешно поднял руки, словно сдаваясь, и сказал:

– Ладно-ладно, я уступлю. Сдаюсь первым. Честно говоря, отдел контроля качества пищевых продуктов – не лучшее место для работы. Сейчас ситуация с продовольственной безопасностью выходит из-под контроля. Работающие в этой области будут сидеть на жерле вулкана, что вот-вот взорвется. Поэтому я вызвался добровольно сюда вернуться. Ты же ведь знаешь, ради кого я это сделал, не так ли?

Линь Юхун смотрела на него с каменным лицом, изо всех сил стиснув зубы. Она не хотела признавать поражение и равнодушно процедила:

– То, что ты вернулся, не имеет ко мне никакого отношения.

Цзян Чунъян закатил глаза и сказал:

– Боже мой, честное слово, я вернулся ради тебя, ради продовольственной и твоей безопасности. Поэтому...

Линь Юхун бесцеремонно прервала его:

– Так, давай без «поэтому». Ты не мог вернуться ради меня, и я ради тебя ничего делать не буду. Мы друг о друге не думаем, не заботимся, и никем друг другу не приходимся.

Цзян Чунъян рассмеялся, озорно улыбнулся и возразил ей:

– Ха-ха-ха! Между нами так или иначе.... Как там сказал

руководитель Цзи? «Что-то было»? Время идет, все меняется. Любовь превращается в привязанность, она – в симпатию, а последняя – в. Хм. Надо подумать. Симпатия превращается в.

Увидев, что Линь Юхун побагровела от ярости, а ее глаза налились кровью, он поспешно сказал:

– Ладно-ладно! Между нами ничего нет. Однако прошло много лет, и сегодня мы наконец-то встретились. Как насчет того, чтобы простить друг друга? Почему ты такая упрямая и недалекая?

Линь Юхун сказала:

– Дело не в том, какая я, а в том, что мы с тобой – два заклятых врага, которые встретились на узкой тропе.

Цзян Чуньян оторопело уставился на Линь Юхун и снова разразился смехом:

– Линь Юхун, все знают, что ты веселая, приятная, добрая девушка, которая легко подстраивается под окружение. В чем проблема-то? Как только ты увидела меня, сразу же превратилась в мелочную и злую женщину, с которой невозможно разговаривать.

Линь Юхун развернулась на каблуках и стремительно ушла.

Цзян Чуньян, казалось, хотел преградить ей путь, но остановился в нерешительности и в конце концов отказался от этой идеи, пробурчав под нос:

– Ого! О чем это говорит? О том, что огонь еще пылает,

а обида все так же сильна.

Линь Юхун мысленно взревела: «Ну и о чем это говорит? О чем?!»

Цзян Чунъян сказал в спину удаляющейся Линь Юхун:

– Линь Юхун, не переживай. Несмотря на то что я твой непосредственный начальник, торжественно клянусь, что не буду тебя притеснять или обижать.

Слезы хлынули из глаз Линь Юхун. Она поспешно выбежала наружу.

Ветер крепчал, раздувая листья по земле. На дворе стояла поздняя осень. На плечи Линь Юхун была накинута тонкая ветровка: она согревала лишь в начале осени и была совершенно бесполезна в прохладные вечера. Линь Юхун попыталась двинуться вперед, но ноги словно приросли к земле. На мгновение она растерялась.

Куда она должна пойти? А куда могла бы?

Линь Юхун не ожидала, что, увидев Цзян Чунъяна спустя столько лет, будет так же сходить с ума. Ее сердце по-прежнему гулко стучало.

Какое-то время она топталась в конце улицы. В сердце бушевал ураган, но разум был чистым. Взяв такси, она поехала прямо в санаторий для кадровых работников, чтобы поговорить с Чжао Цзинцзы. Увидев его, Линь Юхун, не обращая внимания на других людей в кабинете, спросила:

– Почему он вернулся? Что это значит?

Чжао Цзинцзы поспешно вытащила Линь Юхун в коридор

и сказала:

– Говори, пожалуйста, тише и объясни, что случилось. Ну вернулся и что с того? Ему нельзя было возвращаться?

Линь Юхун показалось, что Чжао Цзинцзы знала о возвращении Цзян Чунъяна. Неужели все, что происходило между ними, она видела, как на ладони? Линь Юхун даже представить не могла, что Чжао Цзинцзы все знала. Все ее мысли занимали лишь два слова: «Цзян Чунъян». Неожиданно для себя, она сказала:

– Если он пришел, значит, я должна уйти.

Чжао Цзинцзы некоторое время буравила Линь Юхун взглядом, а потом спросила:

– Что, черт возьми, между вами происходит? Как в итоге все должно закончиться? Он сбежал с работы, пока ты не появилась, уступил тебе место. А теперь что? Он вернулся, и на этот раз ты хочешь сбежать?

Линь Юхун побагровела и бесцеремонно спросила:

– Как ты можешь говорить, что он уступил мне, а я ему? Разве это уступки? Ты думаешь, я смогу спокойно работать, находясь целыми днями с ним в одном кабинете?

Чжао Цзинцзы тоскливо вздохнула:

– Прошло столько лет. Вы оба обзавелись семьями. Неужели вы все еще связаны друг с другом?

Линь Юхун категорично отрезала:

– Чжао Цзинцзы, сначала думай, потом говори. Кто с кем связан? Бред какой-то.

Чжао Цзинцзы, что всегда была мягкой и уступчивой, в этот раз решила не сдаваться и сказала:

– Если между людьми нет никакой связи, значит, они просто знакомые или случайно столкнувшиеся прохожие. У них нет нужды убегать друг от друга. Линь Юхун, все видно по твоим глазам! Ты не умеешь скрывать эмоции! Вы по-прежнему друг у друга в сердце!

Линь Юхун усмехнулась и язвительно процедила:

– О да, в сердце. Разумеется. Он впился в мое, как ядовитые шипы, которые я намерена вырвать.

Чжао Цзинцзы побледнела и ответила:

– Линь Юхун, не надо. Небо порождает дождь, а человек – беды. Прости его. Тебе станет легче.

Со стороны казалось, что Чжао Цзинцзы умоляет Линь Юхун – так жалобно звучали ее слова. Линь Юхун смутилась – происходящее казалось ей странным. Она сказала:

– О чем ты волнуешься? Или правильнее: о ком? Ты беспокоишься из-за того, что я сделала? Так я ничего не сделала.

Чжао Цзинцзы твердо сказала:

– Пока что ничего не сделала, но, зная тебя, обязательно сделаешь. Цзян Чунъяна перевели не просто так. Его повысили, порекомендовали на должность, на которой он теперь будет работать. Ты лучше меня знаешь это. С его характером было бы трудно претендовать на карьерный рост в органах власти. Должность начальника – его предел. И сейчас

он получил прекрасную возможность работать, во-первых, по специальности, а во-вторых, на более серьезной должности. Линь Юхун, не важно, что между вами происходит. Ты должна помнить, что не имеешь права вмешиваться и как-то влиять на его карьеру.

Линь Юхун резко побледнела, потом покраснела от злости и пронзительно закричала:

– Чжао Цзинцзы, ты чья лучшая подруга?! Неужели он тебе дороже и важнее меня?

Чжао Цзинцзы глубоко вздохнула и сказала:

– Говори что хочешь. Если ты и правда думаешь, что не сможешь работать с ним вместе, значит, уходи.

Линь Юхун хмыкнула:

– Ну что же, ладно, Чжао Цзинцзы. Ты сможешь ему меня выгнать?

Чжао Цзинцзы уже давно привыкла в моменты ссор обвинять Линь

Юхун. Ей не хотелось спорить или препираться с этой упертой, как осел, девушкой. Она решила перевести разговор в другое русло и поделиться с Линь Юхун новостями. Известная американская продовольственная компания «Ляньцзи» открыла единственное предприятие с одним учредителем в материковом Китае на территории Наньчжоу и сейчас активно ищет сотрудников. Услышав эту новость, Линь Юхун, не говоря ни слова, пошла подавать заявление.

В кабинете для собеседования стояли столы, за которыми

сидели семь менеджеров по подбору персонала, шесть из которых – китайцы, одетые в костюмы европейского образца. Линь Юхун бросило в дрожь, стоило ей посмотреть на их лица – суровые, строгие, безэмоциональные. Седьмой менеджер был иностранцем, он занимал место в углу кабинета. На его плечи был наброшен пиджак, выглядел он непринужденно и располагал к дальнейшей беседе. Не стремясь сидеть, как натянутая струна, он вальяжно развалился на стуле. Одна нога выглядывала из-под стола. С момента, как Линь Юхун зашла в кабинет, иностранец так и не открыл глаз. Очевидно, он спал, а его рот был слегка приоткрыт. Линь Юхун украдкой бросила на него взгляд. Он раздражал. Что это за человек? С какой стати он позволяет себе спать? Хорошо хоть не храпит и не пускает слюни.

Конечно, сначала Линь Юхун сдерживалась, как могла – в конце концов, она пришла на собеседование и не могла вести себя грубо по отношению к менеджеру. Остальные были серьезны и напряженно работали. Вопросы были довольно сложными, поэтому Линь Юхун нужно было сосредоточиться. Она пыталась сконцентрироваться, однако, следуя внезапному порыву, то и дело бросала взгляд на спящего иностранца. Линь Юхун не могла себя контролировать. Ее глаза словно примагнитились к этому... идиоту. Чем больше она смотрела, тем больше злилась. Каждый приступ гнева очищал ее мозг от всех полученных знаний. В итоге Линь Юхун не смогла ответить на два вопроса и получила ноль баллов.

Менеджер, с которым она разговаривала, начал терять терпение и напомнил, что если она не ответит на следующий вопрос, ее исключат из списка кандидатов. Это отрезвило Линь Юхун. Усилием воли она оторвала взгляд от иностранца, сосредоточилась на беседе и внимательно выслушала вопрос. Тема, о которой они говорили, была достаточно сложной и подразумевала высокий уровень профессиональных знаний. Но Линь Юхун ничего не могла с собой поделаться. Она почти забыла, зачем пришла сюда и потому бесцеремонно заявила:

– Очень извиняюсь, но вопрос, который вы мне задали, построен некорректно.

Китайские менеджеры, кажется, никогда раньше не встречали таких кандидатов, как Линь Юхун – она казалась им заносчивой и невежественной. Конфликт поколений во всей красе – непонятно, кто кого должен был бояться. Поэтому они накинулись на Линь Юхун, бесперебойно повторяя:

– Пожалуйста, осознавайте свое положение. Помните, зачем вы пришли. В этом кабинете только у нас есть право задавать вопросы. Пожалуйста, отвечайте на них и воздержитесь от комментариев. Пожалуйста...

Можно ли сказать, что китайские менеджеры не имели права предъявлять Линь Юхун требования и разбрасываться своими «пожалуйста»? Конечно же, нет. Она пришла подать заявление о приеме на работу и пройти собеседование, а не проверять, как работают менеджеры и анализировать, как

составлены вопросы. Однако пути назад уже не было. Спящий заморский гад раздражал ее, злил, выводил из себя. Она вскочила со стула, указала пальцем на спящего мужчину и, чеканя каждое слово, потребовала:

– Пожалуйста, разбудите его. В противном случае я не буду отвечать.

Менеджеры удивленно уставились на Линь Юхун. Удивление в их глазах сменилось смятением, а затем недоумением. Они не понимали, что происходит, что на уме у этой девушки, поэтому застыли, не зная, как решить сложившуюся ситуацию. На самом деле Линь Юхун знала: со стороны казалось, что она пришла не на собеседование, а чтобы поскандальить. Она любила и ненавидела Цзян Чунъяна, не чаяла в нем души и презирала. Все эти чувства ураганом проносились в ее сердце и сейчас бурей выливались наружу.

Она взывала к собственному рассудку, напоминая, что пришла на собеседование, но так и не смогла взять себя в руки. Огонь, бушевавший внутри, пробился наружу, уничтожая все на своем пути. Она никак не могла взять его под контроль и потому решила довериться порыву, продолжая сыпать обвинениями:

– Думаете, что раз ваша фамилия Лянь, раз в честь вас названо предприятие, значит, вам все можно? «Ляньцзи» – мелкая продовольственная компания, ничтожная капля в море китайского бизнеса. Для чего вы сюда пришли?

Менеджеры оцепенели. Один из них нерешительно ска-

зал:

– Вы перегнули палку. Не стоит так пренебрежительно относиться к компании «Ляньцзи».

Второй сурово добавил:

– Вы чересчур увлеклись. Ваша забота – отвечать на наши вопросы. Точка.

Линь Юхун закипела от гнева. Она снова вскочила со стула и бесстрашно возразила:

– Я пришла сюда на собеседование, полагаясь только на собственные навыки и умения, и не собираюсь вас умолять и подлизываться. Один из вас совершенно не уважает кандидата и нагло спит во время собеседования. Я поражена вашими неоправданным высокомерием и безосновательной заносчивостью! Сомневаюсь, что вы представители «Ляньцзи», а не какой-то шарашкиной конторы.

Ярость Линь Юхун вышла из-под контроля. Не дожидаясь ответа на свою гневную тираду, Линь Юхун продолжила возмущаться:

– Допустим, этот иностранец не понимает китайского языка, но это не дает ему права спать на собеседовании. Это неуважение не только ко мне, но и к вам, сотрудникам компании, проверяющим знания кандидатов.

Китайские менеджеры были в шоке. Они беспомощно переглядывались, потеряв дар речи. Внезапно иностранец открыл глаза и сказал на беглом китайском:

– Почему вы сказали, что я сплю? Я не спал, а слушал,

просто закрыл глаза. Мне не нужно на вас смотреть, достаточно слышать.

Иностранец и правда хорошо говорил на китайском. Линь Юхун была поражена до глубины души. По правде говоря, перед собеседованием она беспокоилась, что раз уж компания из Америки, значит, и вопросы будут задавать на английском. Она достаточно хорошо подготовилась к собеседованию на иностранном языке и была уверена в своих силах, но, к своему удивлению, обнаружила, что менеджеры по персоналу не говорили по-английски. Даже иностранец, что до этого сидел в углу с закрытыми глазами, очень хорошо говорил по-китайски, что оказалось для Линь Юхун полной неожиданностью.

От волнения в горле Линь Юхун застрял ком – ни проглотить, ни выплюнуть. Решив твердо стоять на своем, она продолжила:

– Предприятие, сотрудники которого не знают о важности взаимного уважения, не может называться хорошим. Не важно, насколько громкое у вас имя – я не куплю ни одного вашего продукта и никому не порекомендую. До свидания.

В отличие от Линь Юхун, иностранец сохранял спокойствие. Он широко улыбнулся, жестом предложил девушке сесть, достал из кипы бумаг, лежавших на столе, документы Линь Юхун и сказал:

– Итак, твоя фамилия Линь, а зовут Юхун. Здравствуй, маленькая Линь.

Линь Юхун незамедлительно ошестинилась:

– А вас как зовут?

Иностранец ответил:

– Меня зовут Мартин, но на китайском языке я называю себя одним иероглифом «Ма», что значит «лошадь». Поскольку я председатель совета директоров китайского отделения компании «Лянцзи» и, если кратко, занимаю должность президента, можете обращаться ко мне как «президент Ма»

Линь Юхун азартно заметила:

– О, так ваша фамилия Ма. Черт, я-то думала, что ваша фамилия Ян. Напомню: иероглиф «ян» означает «баран».

В этот момент менеджеры, пребывавшие в замешательстве, стали упрекать Линь Юхун, пытаясь поставить ее на место:

– Это председатель совета директоров китайского отделения компании «Лянцзи». Пожалуйста, относитесь к нему с уважением. Пожалуйста, будьте вежливее. Пожалуйста, ведите себя благоразумно.

Их раболепное «пожалуйста» сидело у Линь Юхун в печенках, и ее совершенно не волновали наставления менеджеров, поэтому, вторя манере речи иностранца, она съязвила:

– Президент Ма, здравствуйте. Рада знакомству. Однако хочу напомнить, что сочетание вашей фамилии и должности, «президент Ма», на официальном языке Китая, путунхуа, звучит как «Ма дун», и потому созвучно слову «матун»,

что означает «унитаз». Вы же не хотите, чтобы Ма дун стал матуном? Настоятельно советую не называть меня «маленькая Линь». Вы же не хотите, чтобы я называла вас «маленький Ма»?

Президент Ма усмехнулся:

– Боюсь, по возрасту я уже не маленький. Можешь называть меня старый Ма.

Президент Ма и Линь Юхун вничью обменялись любезностями. Дальнейшая часть собеседования прошла без каких-либо проблем.

Президент Ма положил резюме Линь Юхун на стол и, похлопав по бумагам ладонью, сказал:

– Так, мне все ясно. Я не приму тебя на работу сотрудником отдела технологий контроля качества. Ты будешь председателем комплексного отдела.

Президент Ма сказал это так легко, словно ему не пришлось обдумывать принятое решение. Линь Юхун открыла рот от удивления. Другие менеджеры тоже пребывали в шоке – никто не понимал, как президент Ма решил доверить Линь Юхун такую ответственную должность. Сияя от удовольствия, президент Ма сказал:

– Так-так, кажется, тебе не совсем понятно, чем ты будешь заниматься. Объясню. Отдел контроля проверяет качество продуктов, только и всего. Комплексный отдел проверяет сотрудников, которые, в свою очередь, эффективно контролируют качество продуктов. Теперь понятно?

Постепенно Линь Юхун успокоилась. Она обдумывала сказанное ей этим чертовым иностранцем и, чтобы не остаться в дураках, спустя какое-то время с несвойственной ей осторожностью спросила:

– Вы, возможно, невнимательно ознакомились с моим резюме. В университете я училась на направлении, связанном с пищевой промышленностью. Вы же предлагаете мне управлять людьми и финансами, вести совместную деятельность с другими сотрудниками и работать с людскими ресурсами. Думаете, что вы легендарный Бо Лэ¹⁵?

Президент Ма спокойно, но не без высокомерия заметил:

– Конечно же, я легендарный Бо Лэ! Если бы я не был им, чем бы занимался в этом кабинете? Спал?

Линь Юхун бесцеремонно отрезала:

– Пф! Как же вы в наполовину сонном состоянии смогли обнаружить во мне талант? Да вы, судя по всему, настоящий профессионал в выявлении способных кандидатов. У вас есть скрытые суперсилы?

Президент Ма рассмеялся:

– Ха-ха-ха! Дело не в моих суперсилах, а в твоём характере. Он особенный! Чем? Ну как вы, китайцы, говорите, «если собака ловит мышей, значит, занимается не своими делами». Ты любишь лезть куда не следует. Ха-ха-ха!

---

¹⁵ Бо Лэ – человек, живший в период Чуньцю, который прославился тем, что мог определить коня, способного пробежать тысячу ли. Так называют людей, способных открывать таланты других.

Как только президент Ма разразился смехом, остальные менеджеры немного расслабились и тоже засмеялись. В душе Линь Юхун закипал гнев, но в то же время она терзалась в сомнениях, поскольку не совсем понимала, к чему клонил президент Ма – иностранец, который говорил на ее языке и бросался китайскими пословицами. Неужели он и правда так хорошо им владел? Или брякнул просто так, не зная, что пословица означает?

Линь Юхун подумала и ответила:

– Лезть куда не следует – любимое занятие американцев. У нас, китайцев, есть и другая поговорка: полицейские, что охраняют Тихий океан, должны заниматься только своими делами.

Президент Ма радостно хлопнул в ладоши:

– Верно! Верно! Хорошо сказано. Главное, чтобы каждый занимался тем, чем должен, и не совал свой нос туда, куда не следует. Тогда бы мир...

Линь Юхун остудила его пыл:

– Однако, старый Ма, вам не следует забывать, что вы в Китае. Сейчас вы – китайский президент Ма, а не американский Мартин, и потому вынуждены играть по правилам нашей страны. Если вы так любите пословицы, позвольте рассказать еще одну. Помните, что каждый расчищает снег перед своей дверью, не заботясь об иное на крыше соседа.

Президент Ма снова хлопнул в ладоши:

– А, так вот почему в Китае я никак не мог найти челове-

ка, который, как и ты, любит совать нос не в свое дело! Сегодня наконец-то нашел! Как же я могу тебя отпустить?

Линь Юхун еще не до конца осмыслила происходящее, как президент Ма добавил:

– Конечно, дело не только в том, что ты дотошна и любишь обращать внимание на мельчайшие детали, которые тебя совершенно не касаются, но и в том, что не умеешь читать по глазам.

Линь Юхун наконец-то поняла, за что можно ухватиться, и незамедлительно возразила:

– Старый Ма, вот вы и показали себя. Думаете, что раз уж вы хорошо говорите на китайском языке, значит, прекрасно разбираетесь в нашей культуре? Не умеющий читать по глазам не годится для работы в комплексном отделе. Оглянитесь по сторонам. В нашем огромном мире председателей комплексных отделов так много, что не сосчитать. Полагаете, все они не умеют читать по глазам? Думаете, что все они не умеют вертеться, чтобы выжить?

Президент Ма снова засмеялся:

– Сильная сторона твоего характера – уверенность в себе. Почему же вся она исчезла, когда мы заговорили о том, как важно читать людей по глазам?

Линь Юхун – девушка со взрывным характером. Даже в разговоре с изнеженным иностранцем она не желала сдаваться, а потому немедленно огрызнулась:

– Откуда вам знать, что я не уверена в себе? Хотите ска-

зять, что ваши иностранные цветные глаза могут видеть меня насквозь?

Как старый конь борозды не испортит, так и старый Ма знал, как ответить девушке:

– На основании сказанного я могу сделать следующий вывод: твоей самоуверенности будет достаточно, чтобы эффективно работать на должности председателя комплексного отдела компании «Ляньци». Все, кто сейчас присутствует в этом кабинете, слышали о моем фирменном методе ведения разговоров с кандидатами. Я люблю нарочно дразнить людей. Ты, Линь Юхун, не промах, намеренно провоцируешь меня, а я охотно поддерживаю нашу беседу. Ха-ха-ха!

Китайские менеджеры обменялись озабоченными взглядами. Никто из них не понимал, почему президент Ма так себя ведет – его совершенно не раздражал кандидат, что вел себя крайне неуважительно и не знал элементарных правил приличия. Их смущало, что он не разозлился, не вышел из себя, но немедленно зачислил недостойного кандидата в штат и пообещал устроить на особо важную должность. К чему же это могло привести?

Линь Юхун не знала, что было в голове у президента Ма. Ее не волновали его идеи и дальнейшие последствия. Прямо сейчас судьба благоволила ей, и она не могла упускать шанс. Линь Юхун решила подчиниться, но не была бы собой, если бы не съязвила напоследок. Умение острить было у нее в крови, и она не могла контролировать себя. Даже ко-

гда настала пора создавать семью, быть терпеливой, нежной и снисходительной, Линь Юхун не могла удержаться от колкостей. Ехидно прищурившись, она сказала:

– Ого! Кажется, фамилия Ма вам не подходит. На мой взгляд, вам больше подошла бы фамилия Фань, что означает «рамки» и «ограничения».

Старый Ма снисходительно улыбнулся, понимая, к чему она клонит. В некотором смысле он был больше китайцем, чем сами китайцы. Президент Ма залился смехом и ответил:

– Ха-ха-ха! Если бы я носил фамилию Фань, меня звали бы Фань Цзянь, что иероглифами можно записать как «устаревшие ограничения». Компания «Ляньцзи» – одно из крупнейших предприятий в мире со славной репутацией. На огромном китайском рынке компания займет свою долю, опираясь на доверие со стороны народа и продукцию высочайшего качества. Компания будет расцветать с каждым днем, а ты, Линь Юхун, поможешь в этом.

Линь Юхун понимала, что сегодня на нее пролился дождь изобилия – работа в компании «Ляньцзи» сулила блестящие перспективы и прекрасное будущее. Прощай, Цзян Чунъян!

Долг обязывает идти до конца. Доблестный и честный Цзян Чунъян, что добровольно вернулся и уселся прямиком на жерло вулкана пищевой промышленности, должен был понимать, чем все закончится. Извержение началось.

Неужели его предсказание начало сбываться?

Не так давно отель «Цзиньхун», что находился под управ-

лением компании «Цзиньдин», оказался замешан в неприятном инциденте. Традиционно после дня образования КНР следуют длинные выходные дни. Компания занималась организацией свадебных банкетов и значительно превысила установленный бюджет. Людей катастрофически не хватало, из-за чего она была вынуждена обратиться в магазин готовой еды и приобрести партию закусок-нарезок из говядины. Никто не ожидал, что в мясе окажется повышенное содержание нитратов, что вызовет массовое пищевое отравление. Почти сто человек тяжело заболели, один и вовсе умер.

Изначально считалось, что в инциденте виноват исключительно отель «Цзиньхун», но впоследствии выяснилось, что муниципальный отдел продовольственной безопасности и питания в преддверии дня образования КНР выборочно проверял различные предприятия, и отель стал одним из объектов. Руководил проверкой не кто иной, как Цзян Чунъян. Его жена, Юй Сяо, была помощником генерального директора отеля. Цзян Чунъян не смог уйти от ответственности. Несмотря на все варианты решения проблемы, в конечном итоге его отстранили от должности, а это не то же самое, что стандартное увольнение, поскольку такой сотрудник может легко возобновить работу в любом другом месте. Отстранение от должности – это конец карьеры. Иными словами, годы тяжелой работы мгновенно сводятся к нулю.

Взрывной характер Цзян Чунъяна не позволил бы ему дальше работать. Он не стал дожидаться, пока вышестоящие

инстанции решат его судьбу, и сам при первой же возможности, подав заявление об увольнении, бесследно исчез. Никаких известий от него не было.

Как только Линь Юхун услышала эту новость, ей показалось, что ее сердце выпотрошили и выбросили.

Слова, сказанные Цзян Чунъяном в тот день, до сих пор эхом отдаются в ее ушах: «Тот, кто работает в этой области, будет сидеть на жерле вулкана, что вот-вот взорвется... Боже мой, честное слово, я вернулся ради тебя, ради продовольственной и твоей безопасности!»

Линь Юхун больше не видела Цзян Чунъяна. Чжао Цзинцзы рассказала, что вскоре после того инцидента он развелся с Юй Сяо, а примерно через год она вышла замуж за Пу Цзяньцю – руководителя компании «Цзиньдин». Спустя год они развелись. Что за хаос творился в жизни Юй Сяо?

Линь Юхун казалось, что она отделилась от самой себя, причем так сильно, что все стало казаться ей фальшью. Иногда, поговорив с Чжао Цзинцзы или Юй Сяо или же услышав слухи в кругах бывших однокурсников, она начинала думать, что у тех событий была тайная сторона. Это, однако, уже никак не проверишь. Да и ее саму совершенно не волновали дела минувших дней.

Работа в компании «Ляньцзи» стала новой страницей в жизни Линь Юхун. Все эти годы от Цзян Чунъяна не было ни слуху ни духу. Пустое сердце Линь Юхун наполнилось жизнью и счастьем. Проработав два года на должности пред-

седателя комплексного отдела, она стала вице-президентом. Никто не мог знать, что после того как Линь Юхун дорастет до этой должности, горе постучится и в двери компании «Ляньцзи».

Произошло извержение еще одного вулкана. Управляющий отдела закупок вступил в тайный сговор с зарубежным отделом маркетинга и импортировал большую партию зомби-мяса¹⁶. Конечно, компания «Лянь-цзи» не получила поставку, поскольку партия не прошла таможенный контроль, но информация об инциденте быстро попала в руки соперников, которые обнародовали новости и тем самым вызвали широкий общественный резонанс.

Заговор конкурентов, шумиха в СМИ и гнев масс продолжали нарастать, и конца этому не было видно. Инцидент с зомби-мясом породил другие, более абсурдные случаи. Клиенты начали искать корпоративные счета-фактуры, чтобы на законных основаниях осуществить возврат средств. Одни требовали, чтобы «Ляньцзи» компенсировала расходы на лечение, а другие подавали на компанию в суд, потому что их семьи распались из-за конфликтов, вызванных употреблением ее продуктов.

Даже старый Ма, который повидал в жизни многое, вся-

---

¹⁶ Зомби-мясо – китайский интернет-термин, обозначающий замороженное много лет назад мясо без гарантии качества и безопасности. В Китай мясо, замороженное в 1970-1980-е годы прошлого века, ввозили из Вьетнама более двух десятков банд контрабандистов. Пользователи соцсетей назвали уникальные мясoproductы зомби-мясом – после размораживания оно сразу же начинает гнить.

кий раз молил небеса о помощи, когда читал неприятные комментарии, оскорбления и неслыханные обвинения и заявления. Он поднимал глаза к небу и глубоко вздыхал.

Дело зашло слишком далеко.

Несмотря на то что муниципалитет Наньчжоу в конце концов опубликовал всеобъемлющий отчет о расследовании инцидента, принял соответствующие решения относительно компании «Ляньцзи» и попытался восстановить ее доброе имя, люди не доверяли правительству. Отчет о расследовании и принятые решения не только не урегулировали ситуацию, но и навлекли беду на него.

Поскольку виновником инцидента был управляющий отдела закупок, а не само предприятие «Ляньцзи», на котором лежали лишь регулирующие функции, власти не требовали закрыть компанию, а лишь издали приказ о приостановке деятельности на две недели для урегулирования ситуации. Несмотря на это, президент Ма принял решение уйти и вынес себе самое суровое наказание. Так мыслят все иностранцы: никаких углов, только прямые линии.

Президент Ма всегда говорил, что компания стремится к прибыли и всячески охраняет свое доброе имя. Если репутации нанесен непоправимый урон, компания потеряет доход. Даже если речь идет о потере репутации и денег, это не значит, что нужно сходить с ума наравне со всем миром.

Но все буквально свихнулись.

И президент Ма тоже.

Никто из руководства «Ляньцзи» не понимал безумного решения президента Ма. На компанию обрушилась очередная волна недовольств. Можно сказать, что все яростные противники проклинали ее, потому что решение президента Ма оставляло без работы многих и многих людей. И правительство, и белые воротнички, и рабочие, и служащие, и магазины, задействованные в цепи поставок, их сотрудники и руководители боялись подобного исхода. Все словно обезумели.

Теории заговора, что распространяются в обществе, не имеют никакого значения, равно как и дурная слава, что тянется через весь интернет. Недовольство ограничивается несколькими ругательными словами, безумие сменяется успокоением. Главное – отсутствие санкций со стороны правительства и обнародование правдивых фактов, остальное не столь важно. Люди поговорят и забудут. Спустя несколько дней появился бы очередной повод для недовольств, но компания «Ляньцзи» осталась бы на рынке.

Все известные продовольственные компании попадают в подобные ситуации. Сегодня кто-то выпустит мармелад из обувной кожи, завтра – ветчинную колбасу с добавлением рактопамина¹⁷, послезавтра – лапшу быстрого приготовления с маслом, сделанным из канализационных отходов, и так далее и тому подобное. Далеко не все из-за подобного позора

---

¹⁷ Рактопамин – вещество, используемое как кормовая добавка для увеличения мышечной массы у свиней и крупного рогатого скота.

закрываются. Некоторые продолжают работать и даже производят больше, чем обычно.

Однако старый Ма так не думал. Ему не пришлось долго размышлять перед тем, как принять решение. Не важно, как быстро компания оплачивает налоги и есть ли у нее рабочие места для белых и синих воротничков¹⁸, ему все равно. Президент Ма твердо придерживается одного принципа: репутация превыше всего.

Если репутация лишает людей работы и средств к существованию, нужно ли упираться и пытаться спасти некогда доброе имя?

Никто не мог понять президента Ма.

Линь Юхун много лет проработала со старым Ма. Она стала понимать, как мыслят американцы, и потому осознала, почему он принял такое решение. Характер президента Ма и принципы, которых он придерживался в бизнесе, ей тоже были понятны. Китайский филиал компании «Ляньцзи» закрыл свои двери.

Президент Ма, к счастью, не понес никаких убытков. Котировки А-акций¹⁹ и направление японских свечей²⁰ на

---

¹⁸ Синие воротнички – работники рабочего класса, как правило, занятые физическим трудом с почасовой оплатой. – Прим. ред.

¹⁹ А-акции – акции, котирующиеся в юанях на Шанхайской и Шэньчжэньской фондовых биржах.

²⁰ Японские свечи – вид интервального графика и технический индикатор, применяемый главным образом для отображения изменений биржевых котировок акций, цен на сырье и т. д.

дневном графике торгов компании остались неизменными. «Старый Ма, возвращайся домой, живи как американец, говори на любимом английском! – думала Линь Юхун, – не спорю, на китайском ты говоришь очень хорошо, но рано или поздно Китай перестал бы быть твоим домом».

Линь Юхун было очень жаль. Она много раз оставалась без заработка, в этом году потеряла надежную работу, сейчас же лишилась выгодной должности.

Все, что было у Линь Юхун, оказалось уничтожено. Президент Ма дал ей неожиданный совет:

– Нет ничего страшного в том, что в Китае, допустим, даже нет «Ляньцзи». Главное – всегда оставайся собой.

Линь Юхун уцепилась за возможность съязвить:

– Вы неправильно построили предложение. Китайцы так не говорят.

Президент Ма почесал голову, он не хотел ничего понимать:

– Я что-то неправильно сказал? «Допустим, даже» можно использовать в этом предложении, поэтому все верно.

Линь Юхун объяснила:

– Нет, неверно. Нельзя говорить «допустим, даже нет „Ляньцзи“». Нужно сказать «уже нет „Ляньцзи“». «Допустим, даже» и «уже» – это разные временные отрезки. «Допустим, даже» говорит о гипотетическом будущем, а «уже» – о том, что случилось. «Ляньцзи» уже нет.

Заметив, что ее доводы не убедили старого Ма, Линь

Юхун решительно заявила:

– Я помогу вам правильно составить предложение. Начните с «в Китае уже нет „Ляньцзи“».

Ее слова стали своего рода горько-сладкой пилюлей. Они попрощались навсегда.

Президент Ма ушел из ее жизни. Что ждало Линь Юхун в будущем? Разве можно найти целые яйца под опрокинутым гнездом? Однако дальнейшая история гласит, что вскоре после инцидента с зомби-мясом нашлись талантливые предприниматели, которые протянули Линь Юхун оливковую ветвь.

Как и сказал президент Ма, нет ничего страшного в том, что в Китае не стало «Ляньцзи». Главное, чтобы Линь Юхун оставалась собой.

Возможно, она и была тем самым целым яйцом, что не разбилось после падения?

Даже если и так, глядя вслед удаляющемуся президенту Ма, Линь Юхун испытывала светлую грусть и нежную привязанность. Все эти годы она и президент Ма бесконечно спорили друг с другом и язвили. Они были связаны, но не чувствами, а работой.

Линь Юхун наконец-то вернулась домой.

Конечно, после каждого рабочего дня в «Ляньцзи» она приходила к семье, но все это время ее сердце было далеко от дома.

Пришла осень. Дул легкий ветер. Линь Юхун собиралась

домой и вдруг вспомнила, что вот так же много лет тому назад осенью она потянулась закрыть окно, обернулась и увидела Цзян Чунъяна, который, улыбаясь, стоял в дверях кабинета.

В глубине души она безудержно рыдала, но в действительности не проронила ни слезинки.

Глава II. О кухне и жизни

Линь Юхун думала, что Сяо Гуй окажется дома, поскольку та подрабатывала домработницей, получая почасовую оплату, но, войдя в дом, никого не обнаружила. Тогда она вспомнила, что была пятница. Дочь Сяо Гуй ходила в старшую группу детского сада, а в этот день он закрывался раньше, поэтому после обеда она шла встречать дочку.

По пятницам дом охранял пес – Сяо Сюн. У него был очень хороший слух. По шагам, что раздаются далеко-далеко, он всегда слышал, как возвращается кто-то из членов семьи. По их звуку он мог точно узнать человека, поэтому, не дожидаясь, пока Линь Юхун достанет из кармана ключи и откроет замок, Сяо Сюн радостно прильнул к двери и стал поскуливать.

Как только Линь Юхун вошла в дом, Сяо Сюн сразу же бросился к ней в объятия. Он радостно прижимался к ее ногам и обнюхивал обувь. Линь Юхун любила носить юбки и всякий раз, возвращаясь домой, боялась, что Сяо Сюн порвет ее шелковые чулки. Защищаясь от нежностей собаки, Линь Юхун преградила ему путь сумкой. Сяо Сюн попятился. Не имея возможности прильнуть к человеку, он всегда разворачивается и уходит. Линь Юхун сказала:

– Сяо Сюн, привет, малыш. Я пришла.

Сяо Сюн завиллял хвостом в знак того, что услышал ее слова и выказывая привязанность и уважение. Это своеобразный талант Сяо Сюна. Он всегда так делает, когда видит кого-то, кто ему дорог. Чем дороже человек, тем радостнее он виляет.

Самый дорогой ему человек – вовсе не Сун Сяоси, а Сун Лимин. Задача Сун Сяоси – играть с собакой, Сун Лимин же ответственен за то, чтобы кормить, поить и выгуливать питомца.

Сяо Сюн очень взвешенно относится к людям, а взамен дает столько ласки и нежности, сколько получает. Если Сун Лимин дома, Сяо Сюн игнорирует всех остальных и не отзывается, когда Линь Юхун зовет его. В такие моменты Сун Лимин немного сердится и ругает собаку. Линь Юхун считает это забавным. Между Сун Лимином и Сяо Сюном существует крепкая связь. Быть может, Линь Юхун пора ревновать мужа к собаке?

Линь Юхун относится к Сяо Сюну как к собаке, не как к лучшему другу, а тот воспринимает ее как обычного человека. Он достойно ведет себя с людьми, особенно с теми, кого считает своей семьей. Линь Юхун – хозяйка всего дома, поэтому Сяо Сюн будет делать все, что требуется от собаки, например встречать ее и обнюхивать ноги, когда она возвращается домой. Если дома нет никого, кроме них двоих, он будет смотреть в глаза Линь Юхун и ждать команд. Он подбежит к ней, как только услышит «Ко мне!», поднимет лапу

и положит в руку, когда Линь Юхун даст команду «Лапу!» Если же она скажет «Другую лапу!», он сразу же поставит лапу на пол, поднимет другую и протянет ей. Если ему дать команду «Сидеть!», он сразу же послушно сделает это.

Все команды Линь Юхун дает по порядку, а Сяо Сюн с радостью их выполняет. Она не стремится сделать из него идеально дрессированного пса. Сяо Сюн любит Линь Юхун. После небольшой тренировки он, как правило, возвращается на место и ложится, прислушиваясь к суматохе на улице в ожидании, когда еще один хозяин вернется домой.

Линь Юхун села на диван и позвала его:

– Сяо Сюн, ко мне, малыш! Сидеть!

Пес послушно подошел к ней и сел на пол, но, посидев немного, вернулся на свое место. Линь Юхун улыбнулась ему и сказала:

– Мне нет места в твоём сердце.

Пес слегка вильнул хвостом в знак согласия.

Линь Юхун решила больше не давать собаке команд. Она удобнее устроилась на диване и открыла на телефоне мессенджер, пробежалась глазами по сообщениям, но так и не вникла в смысл. Линь Юхун чувствовала себя потерянной и беспомощной, словно зависла в воздухе и не могла спуститься вниз. Она не беспокоилась о своем будущем, не опасалась, что не найдет работу, не боялась двигаться дальше без протянутой руки помощи. Линь Юхун была достаточно уверена в себе и своих силах.

Линь Юхун задумчиво провела рукой по нижней части журнального столика – на пальцах остался слой пыли. Она давно поняла, что Сяо Гуй не умеет как следует прибираться – всегда протирает только то, что на виду, игнорируя углы, полки и труднодоступные места. Линь Юхун и Сяо Гуй редко общались. В годы, когда Линь Юхун работала в компании «Ляньцзи», у нее часто не хватало свободного времени, чтобы отдохнуть дома, но назвать ее невнимательной было нельзя. Если выдавалась свободная минутка, Линь Юхун всегда наблюдала за тем, что происходило – например, насколько ответственно Сяо Гуй относился к своей работе. Заметив, что та трудится спустя рукава, Линь Юхун поговорила с Сун Лимином и предложила ему напомнить ей о необходимости выполнять свои обязанности, что он и сделал, однако результата это не дало. Когда она попросила Сун Лимина поговорить с ней еще раз, он ответил: «Все в порядке, подожди немного, я позабочусь об этом».

Ответ Сун Лимина не обрадовал Линь Юхун. Сяо Гуй не делала свою работу должным образом, и Линь Юхун должна была указать на это. Муж пообещал ей, что в следующий раз поговорит с Сяо Гуй. Она решила махнуть на это рукой. Даже если она не была довольна работой Сяо Гуй, у нее не было времени искать ей замену.

В этом не было ничего страшного. Когда Линь Юхун работала в «Ляньцзи», она не владела собственным временем. Можно сказать, что семья к ней тоже никак не относилась.

Сяо Гуй всегда работает с двух часов после полудня и до пяти вечера. Она прибирает, стирает одежду и готовит часть ужина. Только потом она может уйти. После ужина Сун Лимин всегда моет посуду. Так было заведено в их семье.

До вчерашнего дня Линь Юхун не задумывалась о том, что будет, когда она вернется из мира работы в обычную жизнь. Линь Юхун не могла усидеть на месте, а потому встала и подошла к кухне, чтобы посмотреть, что будет на ужин. Сун Лимин, кажется, утром купил все необходимое. Поскольку Сяо Гуй по вечерам пятницам не работала, Линь Юхун могла сама приготовить ужин. Сердце взволнованно и счастливо забилось, когда она представила, как Сун Лимин и Сун Сяоси возвращаются, входят в дом, смотрят на готовый ужин и диву даются!

Как только Линь Юхун ступила на порог кухни, сразу же почувствовала, что тапочки словно приклеились к полу. Попыталась поднять ногу – услышала звук рвущейся ткани. Оперлась рукой о столешницу и поняла, что тоже вот-вот приклеится. Линь Юхун внимательно посмотрела на вытяжку и варочную панель – все было покрыто липким слоем жира. Линь Юхун разозлилась. Ну, погоди, Сяо Гуй! Ну, погоди, Сун

Лимин! Беспорядок поселился в доме благодаря безответственности одной и мягкосердечности другого. Линь Юхун чувствовала себя виноватой перед ними.

С другой стороны, Сун Лимину приходилось нелегко.

Каждый день он работал и решал отнюдь не легкие задачи. Весь дом держался на нем, а он безропотно нес ответственность. К тому же воспитанием дочери занимался тоже он. Линь Юхун подумала об этом и смягчилась. Сменив тапочки и вооружившись моющим средством, она пошла отмывать кухню. Жир не хотел поддаваться – он въелся в плиту, вытяжку и кухонный кафель, как универсальный клей. Линь Юхун целую вечность скребла щеткой. Руки ныли и болели, не желая слушаться.

Сяо Сюн, вероятно, почувствовав, что сегодня происходит что-то необычное, подошел к двери кухни и заглянул. Линь Юхун усмехнулась:

– Ты, должно быть, думаешь, что я ни на что не гожусь.

Пес на мгновение повернул голову и, ничего не понимая, ушел.

Линь Юхун пришлось отказаться от затеи с уборкой. Она решила приготовить ужин, чтобы Сун Лимин и дочка оценили ее блюда.

Сначала Линь Юхун помыла и порезала овощи. Все пошло так гладко, что она была довольна собой. «Оказывается, делать работу по дому не так уж и сложно! – подумала она. – У меня просто не было на это времени, поскольку я целыми днями пропадала в „Ляньцзи“. Думаю, я приготовлю несколько блюд. С этим не должно возникнуть проблем».

Она взяла все необходимые ингредиенты для супа, осталось только закинуть их в кастрюлю и поставить на огонь,

но обнаружила, что газ не включился – горелка плевалась искрами, которые никак не желали превращаться в огонь. Линь Юхун вздохнула, с силой повернула ручку плиты, и огонь загорелся. Стоило ей ослабить давление пальцев, как он погас.

Линь Юхун заволновалась и засуетилась. В работе она сталкивалась со множеством сложных ситуаций и проблем, которые, конечно же, были гораздо сложнее, чем капризы газовой плиты. Линь Юхун умела легко и спокойно справляться с трудными вызовами, так почему же на собственной кухне ее покинуло самообладание? Почему такое простое дело поставило ее в тупик?

Линь Юхун перевела дыхание и успокоилась. Если плита сломалась, значит, нужно вызвать мастера, который сможет ее починить. Это было очевидно. Сначала нужно позвонить по номеру 114, чтобы узнать телефон компании, которая занимается ремонтом плит. Наконец она дозвонилась до сервисной службы. Оператор вежливо пообещал, что в течение получаса мастер прибудет. Вскоре в дом Линь Юхун зашел молодой человек. Не задавая вопросов, он направился напрямиком на кухню и, подойдя к плите, попытался ее включить. Горелка с шипением изрыгнула несколько искр. Огонь так и не загорелся.

Молодой человек напрямую сказал:

– Не получается. Плита сломалась.

Линь Юхун решила объяснить ситуацию:

– На самом деле огонь можно зажечь, только ручку нельзя

отпускать. Он гаснет, если ослабить давление.

Она хотела подойти к плите и наглядно показать, в чем проблема, но парень хихикнул и спросил:

– Как же вышло, что вы только сейчас заметили, что плита сломалась? Купите новую.

Он развернулся и направился к двери. Линь Юхун догнала его и спросила:

– Вы не можете починить плиту?

Мастер ответил:

– Гарантийный срок еще не истек? У вас есть чек?

Откуда Линь Юхун могла знать, где лежит чек от покупки газовой плиты? Она на мгновение погрузилась в свои мысли. Парень, запрыгнув на электроскутер, умчался вдаль.

Линь Юхун ничего не оставалось, кроме как позвонить мужу. Она не хотела его беспокоить и отвлекать от работы, но ситуация не оставила ей выбора. Услышав о проблеме, он взволнованно спросил:

– Есть утечка газа? Ты чувствуешь запах? Поскорее открой окно, отойди подальше от плиты. Ни в коем случае не зажигай огонь. Будь осторожна.

– Дело не в утечке газа, а в том, что огонь не зажигается. Я уже звонила в сервисный центр, мастер приехал, осмотрел и сказал, что плиту уже не починить, лучше купить новую. Мне почему-то кажется, что мы купили ее совсем недавно.

Сун Лимин поспешно ответил:

– Зачем тебе потребовалось зажигать огонь? Не трогай

плиту, ты не умеешь ею пользоваться. Я скоро вернусь.

Линь Юхун раздражала его чрезмерная заботливость. Потеряв терпение, она сказала:

– Наверное, для того, чтобы приготовить? Скажи мне, как пользоваться плитой и все.

Сун Лимин категорично отрезал:

– Я уже купил все, что нужно для ужина. Вернусь и приготовлю еду. Это будет совсем скоро. Не трогай плиту.

Линь Юхун, погрузнев, попросила:

– Скажи, пожалуйста, как зажечь огонь. Что в этом сложного?

Сун Лимин промямлил в ответ:

– Но... Но... С плитой не возникает никаких проблем, когда готовлю я или же Сяо Гуй.

Линь Юхун укоризненно сказала:

– Ты намекаешь на то, что я даже газовой плитой пользоваться не умею?

Сун Лимин поспешно ответил:

– Нет, конечно! Что ты такое говоришь? Возможно, плита действительно сломалась. Сейчас я не могу это проверить. Тебе нужно связаться с домоуправлением. Иди к моему столу. Во втором ящике слева есть записная книжка, там найдешь номер.

Следуя указаниям мужа, Линь Юхун нашла небольшую книжку в синей обложке и увидела множество телефонных номеров: ремонт кондиционеров, холодильников, водо-

нагревателей; сантехник, электрик, интернет, кабельное телевидение, телефонная сеть, домоуправление. В глаза Линь Юхун бросились многочисленные счета. Она ошарашенно рассматривала их в записной книжке. Ее сердце дрогнуло: оказывается, для нормального существования маленькой семьи из трех человек требовалось огромное количество различных служб. Обычно домашними делами занимался Сун Лимин. Линь Юхун думала, что хлопоты ему совсем не в тягость. Сейчас же она поняла, как нелегко ему приходилось.

Линь Юхун нашла в списке номер домоуправления и позвонила, -но никто не взял трубку. К счастью, домоуправление находилось на цокольном этаже в доме у входа в жилой квартал. Она собралась и вышла из дома. В кабинете она увидела женщину лет пятидесяти. Та удивилась и спросила:

– Вы к кому?

Линь Юхун ответила:

– Я в домоуправление.

Женщина пожала плечами:

– Никого нет. Я не из домоуправления, меня просто попросили посторожить дверь.

Линь Юхун подумала, что это странно, и спросила:

– А где сотрудники? Они не работают?

Женщина ответила:

– У них забастовка.

Услышав об этом, Линь Юхун почти рассмеялась, но осеклась, когда поняла, что женщина говорила серьезно и не шу-

тила. Линь Юхун забеспокоилась:

– А что мне делать, если есть проблема, которую может решить только домоуправление?

Женщина не стала тянуть время и спросила, в чем она. Линь Юхун ответила:

– Что-то случилось с газовой плитой. Огонь можно зажечь, но он гаснет, стоит отпустить ручку. Я хотела попросить кого-нибудь из домоуправления посмотреть, что же произошло. Я позвонила, но никто не взял трубку, поэтому пришла сама.

Услышав ответ Линь Юхун, женщина посмотрела на нее и недоверчиво спросила:

– Вы только что переехали, не так ли?

Линь Юхун удивилась:

– Да нет, мы давно здесь живем. Мы одни из первых жильцов этого квартала.

Женщина выпучила глаза:

– Тогда это очень странно! Вы живете здесь так давно и не знаете, что творится в домоуправлении?

Конечно, откуда Линь Юхун могла знать, что происходило на территории ее дома? Она была так погружена в работу, что не замечала ничего, кроме компании. Линь Юхун застыла на месте, а женщина продолжила:

– Между домоуправлением и собственниками жилья произошел конфликт. Все кадровые работники решили устроить забастовку.

Увидев удивленный взгляд Линь Юхун, женщина поняла, что та ничего не знала о ситуации в домоуправлении, и поспешила добавить:

– Если хотите знать причину, я не могу сказать точно. Кажется, дело в том, что собственники жилья не оплачивают расходы на коммунальные услуги, не идут на контакт с домоуправлением. Насколько я знаю, конфликт касается и парковочных мест, зеленых насаждений и чего-то еще. В любом случае это оказалось громким делом, даже в новостях показывали. Вы не знаете об этом, потому что обычно не живете здесь?

Ее вопрос поставил Линь Юхун в тупик. Она так часто пропадала на работе, что, можно сказать, и не жила здесь. Все, что занимало ее внимание, – это рабочие дела. Как только она оказывалась дома, сразу же переставила прислушиваться и присматриваться к происходящему вокруг. Она не помнила, чтобы Сун Лимин рассказывал ей о конфликте между домоуправлением и собственниками жилья, но даже если и говорил, это вылетело у нее из головы. Когда она находилась дома, слова близких в одно ухо влетали, в другое вылетали. Линь Юхун чувствовала себя крайне неловко. Ей казалось, что многие годы она жила, будучи оторванной от дома. Она поспешила объяснить:

– Извините, пожалуйста. Дело в том, что...

Она собиралась сказать, что была поглощена работой в «Ляньцзи» и потому не обращала внимания ни на что, кроме

пищевой промышленности, но дело с зомби-мясом, участником которого стала компания, была настолько громким, что о нем знал каждый. Линь Юхун осеклась и сказала:

– Я часто бываю в командировках, поэтому не знаю, в чем суть конфликта.

Женщина сурово спросила:

– Теперь вы знаете, что происходит. Как у вас только хватило наглости сюда прийти, чтобы попросить о помощи?

Линь Юхун ошарашенно и даже жалобно ответила:

– Тогда. что же мне делать?

Женщина заметила, что Линь Юхун ничего не понимает, посочувствовала ей и сказала:

– Не волнуйтесь. Скоро проблема будет решена. Сегодня после обеда старый секретарь комитета жителей улицы Гуйсян будет проводить примирительную встречу.

Линь Юхун поинтересовалась:

– Думаете, у нее получится урегулировать ситуацию?

Женщина уверенно ответила:

– Когда секретарь берется за дело, оно обязательно увенчается успехом. Сейчас, боюсь, вы не сможете найти мастера, чтобы он помог вам с плитой. Даже если примирительная встреча пройдет гладко, придется подождать до завтра. Приходите завтра. Думаю, что все сотрудники домоуправления выйдут на работу, как это было всегда.

Женщина всячески пыталась успокоить Линь Юхун, но та была слишком взволнована и спросила:

– Но что же мне делать? Мне нужно готовить ужин. Боюсь, я не успею купить новую газовую плиту.

Женщина спросила:

– Почему вы так торопитесь с ужином? Гостей ждете?

Этот вопрос заставил Линь Юхун задуматься. Она не готовила уже много лет и сегодня вполне могла обойтись без этого. Сун Лимин сказал, что уйдет с работы пораньше, чтобы приготовить еду. Однако с тех пор как Линь Юхун решила приготовить ужин, она никак не могла перестать думать об этом. Неужели приготовление еды – это так сложно?

Линь Юхун даже не представляла, что столкнется с трудностями.

Женщина посоветовала обратиться в сервисный центр и вызвать мастера, и Линь Юхун ответила, что уже сделала это, мастер осмотрел плиту и пришел к выводу, что починить ее невозможно. Женщина покачала головой, как будто ничего не могла сделать, но через мгновение у нее появилась другая идея, и она сказала:

– Попробуйте обратиться в комитет жителей – он предлагает услуги ремонта.

У Линь Юхун затеплилась надежда – возможно, она сможет порадовать мужа и дочь ужином. Немного смутившись, она спросила:

– Извините, пожалуйста, не подскажете, где он находится?

Женщина посмотрела на нее, как на сумасшедшую, и, не удержавшись,

спросила:

– Вы кто такая вообще? Чем вы занимаетесь? Вы кадровый работник?

Линь Юхун неловко ответила:

– Нет. Я просто... просто... очень много работаю... Раньше не занималась домашними делами, поэтому.

Женщина решила войти в ее положение. Снисходительно кивнув головой, она указала на дверь и сказала:

– Нужно выйти за пределы квартала, пройти на юг, а когда перейдете дорогу, повернуть налево и дойти до комитета жителей улицы Гуйсян. Запомните, это – поворот налево.

Она похлопала Линь Юхун по левой руке, как будто думала, что та не различала право и лево. Линь Юхун навсегда это запомнила, понимая, что женщина хотела как лучше. Почему-то ее сердце жгла едкая обида. Кислота медленно закипала и переливалась внутри груди, обжигая внутренности, отдавая вкусом многолетней тяжелой работы в компании и сегодняшней беспомощности, когда Линь Юхун не смогла приготовить ужин. Ей было неприятно осознавать, что на самом деле много лет она была настолько занята. Казалось, что не было ни утра, ни вечера, ни свободного времени, чтобы понаблюдать, как живет ее семья. В действительности ей просто хотелось так думать. Множество раз она порывалась что-нибудь сделать, но Сун Лимин всегда останавливал ее, говоря: «Забудь. Я сам это сделаю. Подожди немного». Сяо Гуй тоже противилась: «Вице-президент Линь, не

надо, здесь слишком грязно. Не марайте свои руки». Даже дочь всегда говорила: «Мама, не надо. Отдохни. Это не твоя забота».

Линь Юхун направилась в комитет жителей улицы Гуйсян. Она шла и думала: «Пф! Не могу в это поверить. Даже с такой ерундой я не могу справиться. Какой кошмар!»

Дойдя до угла, она остановилась, на мгновение задумалась, а потом вспомнила, как женщина похлопала по ее левой руке, и повернула.

Линь Юхун оказалась на улице Гуйсян, известной в Наньчжоу своими закусками. Она была заполнена людьми. Кто-то спешил, кто-то слонялся без дела, рассматривая многочисленные лакомства. Всюду виднелись лотки со всевозможной снедью, некоторые продавцы даже удостоились чести открывать свои двери посреди улицы. Прилавки ломились от еды, от разнообразия которой разбегались глаза. Над улицей клубами вился пар – многие готовили горячую еду. Линь Юхун осторожно пошла по суетящейся, гудящей и галдящей улице Гуйсян. Она ловко уворачивалась от идущих напролом прохожих с жареными блюдами в руках, избегала мелких торговцев, что тянули за собой тележки, нагруженные сковородками. Асфальт улицы покрывали пятна от помоев. Линь Юхун сделала несколько неловких шагов и натолкнулась на яростно ругающихся людей.

Небольшое пространство перед фруктовым магазином было занято лоточниками, продающими жареные закуски,

мучные изделия и сладости. Они хотели сдвинуть столы, но владелец фруктового магазина решил вмешаться и громко закричал:

– Нет, нет, нет, нет! Так не пойдет. Вы мешаете мне продавать фрукты.

Лоточники проигнорировали его и продолжили возиться с приготовлением пищи и расстановкой столов.

Владелец фруктового магазина продолжал надирать:

– Это мое место. Слышите? Это мое место!

Кажется, он был настолько глуп, что знал только три слова: «Это мое место».

Один из лоточников мрачно сказал:

– Да, это место перед вашим магазином, но не забывайте, что сам дом, равно как и улица, вам не принадлежат. Так в чем проблема? Позвольте нам поставить свои лотки и дело с концом.

Владелец фруктового магазина начал разбрасываться угрозами:

– Если вы не уйдете, я за себя не ручаюсь. Я позову...

Лоточники разразились смехом и неустанно галдели, перебивая друг друга. Фруктовый магазин и все вокруг погрузились в хаос. Лоточники насмеялись над владельцем фруктового магазинчика:

– Зовите, зовите. Можете позвать своего отца.

– Или дедушку!

Были и те, кто пытался решить спор мирным путем, при-

вода разумные аргументы и всячески пытаюсь убедить владельца фруктового магазинчика:

– Пожалуйста, найдите меру. У вас уже есть свой магазин, и вы хотите занять нашу территорию?

Кто-то добавил:

– Да-да! У вас есть целое яблоко, но вы не даете нам даже сердцевину догрызть.

Владелец фруктового магазинчика взвыл:

– Боже мой! Боже мой! Почему вы считаете, что это ваша территория? Кто вам это сказал? Сегодня, к вашему счастью, здесь нет представителей муниципального управления. Если бы они пришли, вы как миленькие ушли бы отсюда.

Стоило ему упомянуть муниципальное управление, как отовсюду раздалась крепкая брань.

– Муниципальное управление – сборище самых настоящих ублюдков.

– К черту пусть идут.

Беспрерывная ругань и галдёж преследовали поспешно уходящую Линь Юхун.

За годы работы в компании «Ляньцзи» Линь Юхун так и не довелось посетить хотя бы один ресторанчик или закусочную на улице Гуйсян. Об этом гастрономическом рае Наньчжоу слышал каждый местный житель. Гости, приезжавшие издалека, тоже знали, что улица Гуйсян была одной из визитных карточек города. Ресторанная индустрия Наньчжоу и местные деликатесы известны по всей стране, а улица Гуйсян

стала главной особенностью благодаря бесчисленным разнообразным закускам. Здесь всюду пестрят вывески магазинов и ресторанов с многолетней историей.

В прошлом люди, побывавшие в Наньчжоу, посетившие улицу Гуйсян и попробовавшие местные закуски, написали бесчисленное множество хвалебных од. Кто-то восхвалял пейзажи Наньчжоу, кто-то – закуски. Так были созданы многочисленные стихи и афоризмы, которые впоследствии стали украшать вывески и двери столетних магазинов.

«Нежные руки в огне плавят масло, из которого рождается ароматный хрустящий хворост».

«Сладкие клецки таят в себе цветы османтуса и грецкий орех. Колодезная вода оmyвает рис, подобный бусинам жемчуга».

«Кунжутные лепешки вкусом словно из Киото. Свежеиспеченное тесто хрустит на зубах».

«Внутри ароматных сладостей – плоды финика, сладкие настолько, что каменный лев, стерегущий врата, пускает слюну и облизывается».

Все это было написано в далеком прошлом.

Сегодня улица Гуйсян, безусловно, более оживленная, чем раньше, и кардинально отличается от того, что было когда-то. Нет больше ни языков пламени, горящих за бамбуковыми занавесками, ни тонкого голоса флейты, звучащего в ночи, ни осеннего аромата ветра, ни осушенных до дна чарок тех, кто спешит забыться во вкусе вина.

Какой же тут творится хаос!

Теперь на улице Гуйсян можно увидеть как изысканные рестораны, так и передвижные лотки с закусками. Здесь так много магазинчиков со столетней историей или же новых лавок, что глаза разбегаются. Их владельцы используют тротуар перед дверями для собственных нужд – сооружают навесы, громоздят бесчисленные картонные коробки. Некоторые работают исключительно на улице и до начала работы выносят столы, стулья и даже плиты для готовки. В рядах владельцев передвижных лотков царит настоящий бардак. Торговцы занимают тротуар улицы Гуйсян по своему усмотрению. Те, кто приходит слишком поздно, чтобы занять место тротуаре, устанавливают свои прилавки в самом центре улицы. На улице Гуйсян вы можете отведать не только традиционную кухню Наньчжоу. Здесь можно выпить пива, посетить уличные лотки, продающие жареное мясо с закусками, пахучий тофу, куриные лапки, местные лепешки с начинкой, вонтоны²¹, маленькие баоцзы²² и так далее. Вокруг бесчисленных лавочек и лотков беспорядочно припаркованы электроскутеры и велосипеды – прохожие вынуждены лавировать между ними, чтобы случайно не врезаться.

Линь Юхун шла по улице и не могла поверить своим гла-

---

²¹ Разновидность пельменей в китайской кухне. – Прим. ред.

²² Небольшой пирожок, приготовляемый на пару. Тесто, как правило, дрожжевое, а начинка может быть из мясных или растительных продуктов или их сочетания. Чаще всего используют свиной фарш с капустой. – Прим. ред.

зам: неужели это та самая улица Гуйсян, которая помнилась ей цветущей, усыпанной ровными рядами лавочек и лотков, оживленной, но в то же время спокойной?

Налетевший порыв ветра поднял разбросанные всюду бумажные обертки и предметы одноразовой посуды. Улица, что славится своими закусками, превратилась в мусорную свалку. Линь Юхун хотела поскорее миновать ее. Внезапно ее оглушил пронзительный звук бензопилы, невыносимо давя на барабанные перепонки. Линь Юхун поинтересовалась:

– Насколько я помню, мы на улице закусовых. Зачем же вы ставите взломостойкие решетки?

Резчик не услышал ее вопроса, и Линь Юхун так и не получила ответа. Опустив взгляд, она заметила, что стоит в грязной луже: кто-то посреди улицы мыл повозку, что крепится к велосипеду. Линь Юхун снова не удержалась и осуждающе спросила:

– Это улица закусовых. Почему вы моете здесь свою повозку?

Молодой человек засмеялся и сказал:

– Она настолько грязная, что если положить сверху хрустящий хворост, вы, изнеженные горожане, даже не притронетесь к закускам, поэтому лучше вымыть ее, и таких проблем не возникнет.

Другой человек, что стоял неподалеку, услышал разговор и решил добавить:

– Если он не помоеет повозку, тогда муниципальное управ-

ление выпишет штраф. Негоже возить грязные повозки по улице, где кругом одни закуски.

Мимо проходили люди, они зажимали носы и спешили как можно скорее убраться отсюда. Впереди виднелась длинная очередь, вытянувшаяся перед магазином. Линь Юхун посмотрела туда, где стояли люди, и ее сердце дрогнуло: двери были выкрашены в цвета компании «Ляньцзи».

Сеть магазинов компании раскинулась не только в Наньчжоу, но и в других уголках Китая. В те славные времена, когда бизнес процветал, каждый месяц открывались десятки новых магазинов, двери и вывески которых были оформлены в едином стиле. Уникальные цвета компании можно было увидеть на каждом углу в любом городе: темно-красный, перемежаемый оранжевыми оттенками.

Несмотря на то что компания «Ляньцзи» вынужденно закрылась, ее продукция не была изъята и не утратила популярности. Запасы магазинов и складов были распроданы за нескольких дней. Президент Ма был готов ко всему, но только не к трем предсмертным наставлениям Чжугэ Ляна. Независимо от того, как пытался выкрутиться президент Ма, был ли он жив или мертв, компания «Ляньцзи» исчезла.

Линь Юхун непонимающе смотрела на длинную очередь: с одной стороны, люди ругали и презирали компанию, с другой – отчаянно хотели купить напоследок ее продукты. Она шла и не могла отвести взгляд от очереди. Кто-то остановил ее и закричал:

– Не лезьте без очереди!

Линь Юхун попятилась и сказала:

– Я не буду ничего покупать.

На что человек раздраженно спросил:

– Не будете? Чего же тогда глазеее?

Линь Юхун не могла поверить своим глазам, даже когда оказалась у дверей магазина, не удержалась и спросила:

– Неужели вы все хотите купить продукты «Ляньцзи»?

Все наперебой кинулись ей отвечать:

– А зачем бы мы тогда стояли в очереди?

– Конечно, мы хотим купить продукты «Ляньцзи», раз уж компания закрывается!

Кому-то показалось, что вопрос Линь Юхун очень странный. Этот человек бросил на нее подозрительный взгляд и спросил:

– А почему вы спрашиваете?

Его спутник оказался более снисходительным и добродушно протянул:

– Девушка, вы, как я понимаю, вообще не в курсе, что творится на рынке! И даже про «Ляньцзи» ничего не слышали?

Толпа оживилась. Люди восхваляли «Ляньцзи» и сетовали на то, что компания закрылась, а на складах остались маленькие партии товаров, и потому все стоят в длинной очереди, чтобы купить хоть что-нибудь напоследок – в Китае нельзя будет пойти в магазин и купить нужное.

Линь Юхун была в шоке. Она снова не удержалась и

неуверенно спросила:

– Неужели вы не боитесь зомби-мяса?

Все загалдели, услышав ее вопрос. Пожилой мужчина, который, кажется, не слышал о скандале с компанией, спросил, что это такое, и тут же несколько человек ответили ему, что не существует никакого зомби-мяса, что все это выдумки.

Одна женщина настороженно посмотрела на Линь Юхун, указала на нее пальцем и сказала:

– Ты специально распространяешь вздорные слухи? Ты откуда? Ты конкурент «Ляньцзи»? Это ты избавилась от компании?

Мужчина, стоявший в очереди за женщиной, оказался более вежливым и терпеливым. Он обратился к Линь Юхун:

– Возможно, люди просто поверили сфабрикованным слухам. Это точно происки конкурентов. «Ляньцзи» – большая компания, и она ни за что не стала бы продавать такое.

Другой пожилой мужчина с ним согласился:

– Да, дела у «Ляньцзи» шли слишком хорошо! Это не понравилось конкурентам, вот они и решили устранить компанию.

К диалогу присоединился еще один старик:

– Да. Какое безобразие!

Конечно, были и те, кто сомневался в честности компании. Они говорили:

– Если «Ляньцзи» обвинили несправедливо, почему же они тогда закрылись?

Тут же кто-то ответил:

– Дело в национальности. Американцев легко сбить с пути хитростями и интригами, им не сравниться с китайцами.

Тут же кто-то ошетинился и обвинительно сказал:

– Ты разве можешь себя называть китайцем? Ты на стороне американцев и всячески принижаешь китайцев. Ты – подстилка Америки!

Толпа загалдела. Люди захотели выгнать этого мужчину из очереди и обвиняли его в сказанном:

– Если ты так не любишь Америку, так выйди из очереди и не покупай ничего! Уходи отсюда, нечего здесь стоять.

Мужчина возразил:

– Не вашего ума дело, покупаю я или нет, ругаюсь на американцев или нет.

Очередь становилась все длиннее и длиннее. Люди, что стояли первыми, заходили в магазин за продуктами и выходили, еле волоча огромные сумки. Все старались купить как можно больше. Те, кто стоял позади, забеспокоились и закричали, что нельзя одному человеку продавать так много товара, иначе остальным не достанется ничего, поэтому нужно ограничить количество продуктов в одни руки.

Однако никакого решения об этом не поступало. Продавцы заметили, что товаров становится все меньше и меньше. Люди стали прорываться в магазин в надежде купить хоть что-нибудь. Начался настоящий беспорядок. Улицу заполнили люди, которые громко бранились. Приехала полиция,

но не смогла ничего сделать – покупатели, которые пришли за-купиться продуктами компании «Ляньцзи», не делали ничего противозаконного. У полиции не было оснований выписывать штрафы или предупреждения.

Директором магазина была женщина средних лет. Она суетилась так, что ее лоб покрылся испариной. Неизвестно откуда она достала громкоговоритель, вскочила на стул и закричала, обращаясь к покупателям:

– Не толпитесь. Мы уже связались со складом, там достаточно товара. Сейчас продукты не отгружаются в другие города. Хватит всем местным жителям. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие.

Некоторые сразу же выругались:

– Пф, не просите нас сохранять спокойствие. Так много товаров лежит на складах, но прямо сейчас мы не можем их купить. Когда запасы закончатся, где мы возьмем новые товары?

Кто-то пошутил:

– Придется лететь в Америку.

Ему ответили:

– Ну точно! Есть те, кто готов лететь в Японию, чтобы купить сиденье для унитаза. Продукты «Ляньцзи» уж явно будут лучше этого!

Толпа разразилась смехом.

Линь Юхун так и стояла, замерев и вытаращив глаза от удивления.

Она не могла найти слов. Если бы старик Ма увидел эту сцену, что бы он подумал или сделал? Наверное, ничего. Он следует своему пути.

Таков старик Ма. В этот момент сердце Линь Юхун, которая не могла оторвать глаз от толпы, отчаянно желавшей купить продукты «Ляньцзи», потеплело. Но не прошло и мгновения, как оно снова покрылось льдом. Она поспешила вырваться из суеты и шума. В глубине души она испытывала опустошение и скорбь по тому, что кануло в Лету.

Глава III. Кто такая председатель Цзян?

Линь Юхун поняла, что потерялась и не знает, куда идти. Она спросила дорогу у прохожего и узнала, что комитет жителей улицы Гуйсян находится неподалеку. Она успела пройти совсем немного, как внезапно столкнулась лицом к лицу с пожилой женщиной. Та, сжимая что-то в руках, мешала пройти Линь Юхун и взволнованно умоляла:

– Председатель Цзян, помогите мне, помогите!

Линь Юхун замерла на мгновение и поспешно сказала:

– Бабушка, вы ошиблись, я не председатель Цзян.

Старушка, прищурившись, посмотрела на Линь Юхун и упрямо сказала:

– Почему же? Вы и есть председатель Цзян, новый председатель комитета жителей улицы Гуйсян. Я видела вас в комитете несколько дней назад, почему вы отрицаете это и говорите, что вы – это не вы? Если не признаетесь, что вы – председатель, значит, не хотите мне помочь. А если вы не помогаете нуждающимся жителям, какой тогда из вас председатель?

Линь Юхун не удержалась и прыснула от смеха. Со стороны было заметно, что пожилой женщине уже много-много

лет. Несмотря на возраст, старушка была миловидной, выглядела очень здоровой, говорила четко и понятно. Она не была похожа на выживших из ума старух, но почему-то искренне верила в то, что Линь Юхун – это председатель Цзян. Линь Юхун решила спросить:

– Зачем вы ищете председателя Цзян?

Старушка поспешно протянула Линь Юхун то, что сжимала в руках, и сказала:

– Председатель Цзян, дело в том, что я хочу пойти в банк и обналичить счет, но он почему-то не позволяет мне этого сделать.

Старушка развернула бумагу, чтобы Линь Юхун могла лучше рассмотреть завернутое в нее, и продолжила:

– Председатель Цзян, посмотрите, вот моя банковская карта, вот удостоверение личности. У меня есть все, что нужно, и пароль я знаю. Я даже на всякий случай принесла с собой домовую книгу. Посмотрите, посмотрите...

Линь Юхун внимательно рассмотрела то, что показывала ей старушка. И правда, все было при ней – банковская карта, удостоверение личности, домовая книга. Она с любопытством спросила:

– Если у вас есть все, что нужно, почему банк не позволяет снять деньги?

Старушка ответила:

– Потому что сотрудники банка добрые. Сейчас куда ни глянь, кругом одни мошенники. Они боятся, что меня, ста-

рую женщину, могут обманывать.

Линь Юхун задумчиво протянула:

– Они поступают правильно, не позволяя пожилым людям переводить мошенникам деньги. Однако вы же пытаетесь обналичить счет для себя...

Старушка посетовала:

– Все верно! Я так и сказала, но сотрудники банка отказали мне под предлогом того, что я сниму деньги и отдам мошенникам. Председатель Цзян, скажите, пожалуйста, неужели я выгляжу такой глупой?

Линь Юхун подумала, что исключать обмана нельзя. Мошенничество в наше время процветает. Старушка, хоть и была наслышана о мошенниках, все равно могла бы оказаться обманутой. Линь Юхун решила ничего не говорить, но бабушка оказалась очень проницательной. Прочитав мысли Линь Юхун, она торопливо сунула ей другие документы и сказала:

– Послушайте, председатель Цзян, мне нужно обналичить счет не для того, чтобы отдать деньги мошенникам, а чтобы помочь моему старику сделать операцию в больнице. Нужно как можно скорее оплатить расходы на лечение. Врачи не будут делать операцию, если мы не оплатим счета. Это убьет его.

Старушка открыла медицинские карты и счета за лекарства и показала Линь Юхун.

Линь Юхун сочувствовала старой женщине. Она не могла

отвернуться от неё и спросила:

– Сотрудники банка рассказали, как можно обналичить счет? Что насчет ваших детей?

Старушка ответила:

– С моими детьми все хорошо, они живут за границей. Им далеко добираться, даже на самолете могут не успеть. В банке сказали, что если меня будет сопровождать кадровый работник комитета жителей, мне позволят снять деньги. Поэтому, председатель Цзян, я и прошу вас о помощи. Пожалуйста, помогите. Это вопрос жизни и смерти!

У Линь Юхун не было пути назад. Она согласилась:

– Хорошо. Я буду сопровождать вас.

Старушка была вне себя от радости и думала, что Линь Юхун пойдет с ней в банк. Неожиданно для нее та направилась в комитет жителей улицы Гуйсян – он был так близко, что виднелась вывеска. Когда они дошли до двери, старушка отказалась войти и спросила:

– Председатель Цзян, вы и есть комитет жителей, зачем вам сюда? Нам нужно в банк.

Линь Юхун пришлось оставить старушку и пойти одной.

Сегодня Линь Юхун впервые в жизни пришла в комитет. Как только она переступила порог, ее сердце невольно затрепетало. Комитет жителей объединяет сотни и сотни семей, живущих в разных домах, но она, главная кормилица семьи, даже не знала, в какую сторону открывается дверь и не представляла, что собой представляет комитет.

Теперь, оказавшись внутри, Линь Юхун увидела, что приемная – это длинная узкая комнатка с открытой зоной у входа, уставленной рядами столов, на каждом из которых стоял компьютер. Получалось своеобразное окно для работы с вопросами жителей. За компьютерами сидели две молодые девушки, а перед ними томились в ожидании несколько жителей. Было заметно, что они волновались.

Никто не проявил ни капли интереса и не стремился заговорить, когда Линь Юхун вошла в кабинет. Раньше она думала, что все члены комитета жителей приветливые и гостеприимные, а сейчас увидела равнодушные лица. Что ж, если гора не хочет идти к Магомету, значит, Магомет пойдет к горе. Линь Юхун решила спросить у девушек, работавших за компьютерами, где найти кадровых работников комитета жителей улицы Гуйсян.

Одна из них открыла рот, чтобы что-то сказать, но другая стукнула ее по спине. Она замолчала и, не говоря ни слова, показала на двери, что вели к другим кабинетам. Линь Юхун поблагодарила и пошла в указанном направлении. На каждой из дверей висели таблички, но Линь Юхун совершенно не волновало, что означали надписи на них. Ей не терпелось найти кадровых работников комитета жителей. Она поспешила заглянуть в кабинет слева. Внутри никого не было. В глаза бросился беспорядок, царивший в комнате. Линь Юхун решила не придавать этому значения и поспешно открыла правую дверь. К счастью, внутри оказались люди. Линь

Юхун заметила молодую девушку, которая уткнулась в книгу. Услышав, как кто-то вошел, она подняла глаза на Линь Юхун и с улыбкой сказала:

– Садитесь, пожалуйста.

Заметив, что Линь Юхун не собирается садиться, она повторила:

– Садитесь, пожалуйста.

Линь Юхун ждала, что девушка уточнит причину ее визита, но этого не произошло. Тогда она взяла инициативу в свои руки и начала разговор:

– Я ищу кадрового работника комитета жителей.

Девушка улыбнулась:

– Я тоже кадровый работник.

Линь Юхун обрадовалась и хотела было заговорить, как та подняла ладонь, помахала рукой и добавила:

– Я всего лишь помощница председателя комитета. Зачастую я говорю очевидные вещи, поэтому люди, как правило, не прислушиваются. Те две девушки, что сказали вам сюда прийти, тоже кадровые работники, но у нас одинаковые функции.

Линь Юхун спросила:

– Они тоже помощницы?

На что девушка ей ответила:

– В целом да, но они не так хорошо помогают в работе, как ожидается. Да, они сотрудницы, работают здесь, но если у вас возникнут проблемы, ничем вам не помогут.

Заметив, что Линь Юхун растеряна, девушка добавила:

– Не поймите меня неправильно. Все зависит от характера проблемы, с которой вы обращаетесь. Те девушки помогают жильцам оформлять различные документы, справки и так далее. Все остальное вне их компетенции.

Линь Юхун не ожидала, что деятельность комитета окажется четко поделена на определенные структуры. Ей было неловко уточнять, чем занимается девушка, с которой она разговаривала, по каким вопросам к ней можно обратиться. Однако Линь Юхун не могла отступить и потому спросила:

– Я ищу председателя по фамилии Цзян.

Девушка улыбнулась так широко, что ее брови приподнялись и изогнулись. Она уточнила:

– Председателя? Откуда вы знаете про председателя Цзян?

Линь Юхун подумала, что девушка задала очень странный вопрос. Что странного в том, чтобы знать о главе комитета? Разве это не цель кадровых работников комитета – поставить жителей в известность и позволить им обращаться к председателю?

Девушка не стала ходить вокруг да около и сказала:

– Да, в комитете есть председатель Цзян, но я не совру, если скажу, что ее нет. Она пришла в понедельник, сказала, что вступает в должность председателя комитета жителей улицы Гуйсян, проработала один день, а потом перестала появляться, и неизвестно, придет ли она снова.

Линь Юхун была в недоумении и растерянно спросила:

– Вот значит как. В конечном итоге у комитета жителей улицы Гуйсян есть председатель или нет?

Девушка честно сказала:

– Да, конечно, есть. Просто сейчас нет. Это временно. Кроме того, нам еще нужен секретарь. Нашему почтенному секретарю уже больше 80 лет, а она все еще трудится в комитете.

Линь Юхун показалось, что девушка шутит. Она внимательно посмотрела на нее и поняла, что та абсолютно серьезна. Линь Юхун уточнила:

– Правильно я понимаю, что если у меня есть вопрос, я могу обратиться к секретарю?

На этот раз девушка перестала улыбаться и, слегка нахмурившись, сказала:

– Да, но... В последнее время с ней, кажется, что-то происходит. Она стала скрытной – ни с кем не разговаривает, приходит на работу и быстро уходит.

Линь Юхун начала сердиться и суровым тоном она обратилась к девушке:

– А вы тогда чем занимаетесь?

Линь Юхун понимала, что задает слишком много вопросов. Как когда-то сказал президент Ма, она действительно любит лезть не в свое дело. Однако девушка оказалась учтивой и терпеливой и серьезно ответила:

– Я читаю книгу, ответственно готовлюсь к экзаменам,

чтобы начать карьеру на государственной службе. Вы, наверное, подумали, что я не гожусь для такой работы? Что я размышлялась и мне пора спуститься на землю?

Линь Юхун открыла рот, но так и не нашлась, что сказать. Девушка продолжила над собой насмехаться:

– Наверное, со стороны я похожа на слепую кошку, что пытается пойматьдохлуюмышь.

Она почесала голову и продолжила говорить сама с собой:
– Но если не сдам экзамен, что же мне делать потом? Неужели...

Наконец, заметив, что перед ней стоит человек, она осеклась и деловито сказала:

– Садитесь, пожалуйста.

Линь Юхун не удержалась и решила съязвить:

– Почему мне кажется, что вы совсем не похожи на кадрового работника комитета жителей?

Девушка залилась смехом:

– У вас такие злые глаза! Согласна, я совершенно не похожа на кадрового работника, хоть и работаю в комитете! Интересно, почему вы так подумали?

Линь Юхун ответила:

– Жители приходят в комитет, когда у них возникают проблемы. Вы даже не поинтересовались, что меня привело сюда, лишь постоянно предлагали сесть. Думаете, что мои проблемы исчезнут, если я сяду?

Девушка опять засмеялась:

– На самом деле нет нужды спрашивать, зачем житель пришел. Если у вас проблема, вы можете рассказать мне о ней. Не важно, спрашиваю я или нет, жители всегда рассказывают, что у них случилось, в противном случае попытались бы решить проблему самостоятельно. Обычно они начинают говорить как только перешагнут порог кабинета. Вы не такая.

Линь Юхун прервала ее:

– Я здесь впервые и не знаю, как вы работаете.

Девушка добродушно ответила:

– Пожалуйста, не сердитесь. Если хотите, чтобы я проявила инициативу, с удовольствием расспрошу о вашей проблеме. Вы думаете, что кадровый работник комитета обязан интересоваться у человека, зачем он пришел? Пусть будет по-вашему. Уточните, пожалуйста, цель вашего визита.

Это было просто невозможно. Линь Юхун задумалась, кто вообще принял эту девушку на должность кадрового работника. По правде говоря, сердиться на нее действительно не было смысла, равно как спорить и качать права.

Девушка была очень молодой и, скорее всего, не намного старше дочери Линь Юхун, однако очень вежливой и доброжелательной. Уважительное обращение на «Вы» многого стоит! Да, она разозлила ее, но тут же попросила быть снисходительнее и не сердиться. Линь Юхун не знала, что заставляет ее гневаться и раздражаться, не понимала, откуда у нее такой вспыльчивый характер, не знала, куда исчезают

ее манеры и воспитание, когда она начинает сердиться. Линь Юхун разразилась гневной тирадой:

– От вашего комитета ничего не дожدهшься и не допросишься! Моя газовая плита сломалась. Неужели так сложно найти в комитете работника, который сможет ее починить? Может быть, я чего-то не понимаю?

Девушка легкомысленно ответила:

– У вас сломалась газовая плита? Что же, это не такая большая проблема. Сегодня в комитете никого нет – все кадровые работники заняты делами. Вы можете дождаться возвращения секретаря или мастера Паня.

Девушка пожала плечами и замолчала.

Линь Юхун была так зла, что чуть не сказала, что девушку нельзя назвать человеком, раз она так общается с жителями. Она взяла себя в руки и, сменив тон, поинтересовалась:

– Я правильно понимаю, что комитет не всегда помогает жителям решать проблемы?

Девушка поняла, что на самом деле хотела сказать Линь Юхун, и потому поспешно объяснила:

– Конечно, я тоже человек. Я не только кадровый работник комитета, но и житель улицы Гуйсян. Извините, пожалуйста, что не могу решить вашу проблему. Я сейчас занимаюсь повторением изученного материала. Руководитель заинтересован в этом, поэтому я не могу отвлекаться на другие дела. Извините.

Линь Юхун язвительно процедила:

– О, ваш руководитель весьма великодушен, если разрешает сидеть просто так и не работать. Хотите сказать, что личные дела кадровых работников превыше всего?

Линь Юхун начала закипать от гнева. Девушка сохраняла спокойствие, не желая спорить с Линь Юхун, и продолжала доброжелательно улыбаться. Внезапно она поинтересовалась:

– Вы, должно быть, живете в квартале Лиду Хуаюань?

Линь Юхун не понимала, как девушка поняла, где она живет. Комитет жителей улицы Гуйсян – это большое объединение жителей, в его юрисдикции которого находится несколько новых кварталов среднего и высокого классов, здания времен династий Мин и Цин, коммерческие районы, а также старые кварталы, улицы и переулки, в том числе и знаменитая закусками улица Гуйсян. Девушка каким-то образом моментально догадалась, где живет Линь Юхун, а у той не было желания выяснять, как она это узнала. Все, что волновало Линь Юхун – это газовая плита и сегодняшний ужин, поэтому она поспешно сказала:

– Я пришла к вам, потому что слышала, что комитет жителей улицы Гуйсян может направить ремонтников для починки плиты.

Девушка широко улыбнулась и ответила:

– Да, но сегодня, боюсь, не получится. Все кадровые работники отсутствуют. Советую обратиться в домоуправление вашего квартала.

Линь Юхун взорвалась:

– Домоуправление отправило меня к вам, а вы меня посылаете обратно. Вы издеваетесь?

Девушка поспешила ее успокоить:

– Нет-нет, вас никто никуда не отправляет. Если секретарь вернется, он поможет решить вашу проблему. Да, она сама не сможет починить плиту, но способна оперативно найти нужного работника. И мастер Пань вам поможет. Он специализируется на ремонте. Вы наверняка видели кабинет по соседству – это его мастерская. В настоящее время он отсутствует, поскольку помогает одному из жителей. Кажется, у него сломался потолочный вентилятор. Мастер Пань не смог снять его с потолка, чтобы починить в своей мастерской, поэтому ремонтирует его на дому. Прошу прощения. Если бы вы пришли раньше, мастер Пань в первую очередь занялся бы вашей плитой.

Девушка долго извинялась, но даже не подумала о том, как решить проблему Линь Юхун. Заметив яростный взгляд Линь Юхун, она сказала:

– Что касается меня, я совершенно не обладаю знаниями секретаря и навыками мастера Паня, хоть и проработала почти два года в комитете жителей улицы Гуйсян. Я слишком молода и глупа и не могу помочь решить вашу проблему. Мне очень, очень жаль!

Она говорила от чистого и сердца и, кажется, была готова броситься в ноги Линь Юхун, если бы это было возможно.

Той ничего не оставалось, как развернуться и выйти из кабинета. Она услышала, как девушка сказала ей вслед:

– Не торопитесь, пожалуйста. Если у вас есть какие-то другие проблемы, скажите об этом. Комитет жителей призван помогать жителям.

Дойдя до двери, Линь Юхун увидела старушку, которая по-прежнему ждала ее и смотрела глазами, полными надежды. Пришлось вернуться. В порыве гнева она сказала:

– Согласна, поломка плиты – незначительная проблема. Не страшно, если вы не можете мне помочь. Но снаружи уже давно стоит пожилая женщина, она очень старая, и ей, должно быть, тяжело. Неужели вам все равно?

Девушка охнула и спросила:

– Почему же вы раньше об этом не сказали?

Линь Юхун подумала, что у этой девушки явный талант выводить людей из себя, и разъяренно переспросила:

– А какая разница вообще? Суть в том, что бабушка давно ждет, и не важно, говорила я об этом или нет.

Девушка поспешила ее успокоить:

– Да, никакой разницы. Я сейчас же приглашу ее в кабинет.

Линь Юхун саркастично процедила:

– Пригласите в кабинет, чтобы предложить ей присесть? Вы вообще умеете что-нибудь делать кроме этого? Хотите сказать, что жители приходят, чтобы им предложили присесть?

Линь Юхун показалось, что девушка решила прикинуться дуручкой, когда сказала:

– Такие тоже бывают! Многие жители в возрасте любят приходить в комитет независимо от того, есть у них проблемы или нет.

Линь Юхун закатила глаза и ответила:

– Та пожилая женщина пришла сюда не для того, чтобы посидеть. У нее очень срочное дело, ей нужно как можно скорее обналичить счет в банке. Это вопрос жизни и смерти. Буквально.

Линь Юхун чеканила каждое слово, надеясь надавить на совесть бессердечной работницы, но безрезультатно. Девушка поинтересовалась:

– Вопрос жизни и смерти? А что случилось? Она больна? Комитет жителей – это не больница. Мы можем помогать людям, но их спасение не в нашей компетенции.

Линь Юхун объяснила:

– Ей нужно обналичить банковский счет, чтобы оплатить расходы на лечение, но банк не позволяет этого сделать. Сотрудники требуют, чтобы её сопровождал кадровый работник из комитета жителей для того, чтобы...

Девушка посерьезнела и спросила:

– Уточните, пожалуйста, кем вам приходится эта женщина?

Линь Юхун сказала:

– Мы не знакомы. Она обозналась, подумала, что я – пред-

седатель Цзян.

Девушка засмеялась, подняла руку и несколько раз махнула ею в воздухе. Со стороны казалось, что она похлопала бы Линь Юхун по плечу, если бы та стояла рядом. Девушка вздохнула и сказала:

– Нужно быть осторожным, когда работаешь с жителями. Очень часто они резко реагируют на наши действия, а иногда бывают хитры и коварны.

Линь Юхун равнодушно бросила:

– Ну я-то не работаю с жителями, верно? Я шла сюда, по дороге встретила эту женщину. Она не хотела меня отпустить, поэтому я пришла в комитет, чтобы спросить, как ей поступить.

К удивлению Линь Юхун, девушка замолчала. Спустя мгновение она ответила:

– Благими намерениями вымощена дорога в ад.

Сказав это, она поспешно прикрыла рот, поморщилась и добавила:

– В любом случае я никак не могу помочь. Вы можете дожидаться возвращения секретаря или же...

Она пожала плечами и замолчала.

Линь Юхун больше не могла контролировать свой гнев. Несмотря на юный возраст, девушка все же была помощником кадровых работников комитета, но отказывалась брать на себя какую-либо ответственность. Линь Юхун не выдержала и спросила:

– Я все еще не понимаю, какие обязанности лежат на помощнике.

Девушка хихикнула и ответила:

– Дело в том, что я родилась в 90-е годы.

Линь Юхун ничего не поняла и потребовала объяснений.

– И что дальше?

Девушка быстро ответила:

– Поколение 90-х – это синоним к таким словам, как «безразличие», «эгоизм», «равнодушие», «себялюбие». Люди моего поколения ленивые и слабыхарактерные. Как думаете, насколько такое мнение обосновано?

Линь Юхун не понимала, как разговаривать с этой девушкой. В компании «Ляньцзи» было немало людей, родившихся в это время, но она не встречала таких наглых, самоуверенных, противных представителей этого поколения. Линь Юхун думала, что девушка – вовсе не молодая

девчонка, родившаяся в конце XX века, настолько нахальной она была. Линь Юхун не хотела тратить время на общение с ней, но думала о старушке, ожидающей у двери. Она была обязана дать ей ответ, а потому спросила:

– Я понимаю, что секретаря сейчас нет, но одному из жителей, за которого комитет в ответе, нужна помощь. Вы не можете сходить с пожилой женщиной в банк? В этом нет ничего сложного.

Девушка замотала головой из стороны в стороны и вскинула руки:

– Нет-нет-нет. Я слишком молода и совершенно ничего не понимаю. За что бы я ни взялась, чувствую, что не справляюсь с этим. Меня легко обмануть. Я...

Линь Юхун настолько была рассержена, что хотела засмеяться от бессилия. Эта девчонка. Она. Линь Юхун даже не могла подобрать слов, чтобы выразить негодование. Неужели она и правда такая, какой себя описывала?

Девушка понимала, что Линь Юхун была крайне недовольна происходящим, потому решила объясниться:

– На самом деле проблема в том, что мои способности не используются. Я окончила бакалавриат, работаю в комитете жителей улицы Гуйсян. Люди говорят, что меня недооценивают, и я с ними согласна.

Линь Юхун подумала: «Если бы у тебя, девочка, и правда были таланты, их оценили бы по достоинству». Она решила поинтересоваться:

– Какую специальность вы изучали на бакалавриате?

Девушка ответила:

– Пищевую промышленность. Я выпускница биологического факультета университета Наньчжоу. Получила диплом с отличием, была одной из лучших на курсе.

До чего же коварна судьба! Эта девушка выпустилась с того же факультета и университета, что и Линь Юхун. Быть может, они знакомы?

Линь Юхун принялась внимательно рассматривать ее, но так и не поняла, знакомы они или нет. Она чувствовала, что

есть в ней что-то такое, чего она не могла разглядеть. Девушка говорила, что глупа, но всячески пыталась показать свой ум.

Линь Юхун одолело любопытство, и она принялась расспрашивать:

– А как вы оказались в комитете жителей?

Та не таясь ответила:

– Я начала работать здесь ради своей семьи. Мы живем в этом районе, поэтому мне удобно добираться на работу. В основном я здесь из-за мамы. Она больна и нуждается в уходе. Если бы я работала дальше, не смогла бы присматривать за ней.

Сердце Линь Юхун смягчилось. Девушка, так раздражавшая своим поведением, перестала ее злить. Возможно, она была так взволнована сломавшейся плитой, что начала сердиться на девушку, которая не смогла немедленно ей помочь. Линь Юхун понимающе вздохнула, сменила тон и отношение к девушке.

Заметив, что Линь Юхун перестала сердиться, та решила взять инициативу в свои руки:

– Точно! Совсем забыла представиться. Меня зовут Чэнь Фэй. Иероглиф «чэнь» пишется так же, как фамилия Чэнь Эрдуна²³, а у иероглифа «фэй» сверху ключ со значением

---

²³ Чэнь Эрдуна – заместитель секретаря городского комитета Чанчжи (пров. Шаньси), мэр города, секретарь городской партийной ячейки. Родился в октябре 1965 года в провинции Шаньси. Вступил в Коммунистическую партию Китая в июне 1999 года, приступил к работе в июле 1987 года. Имеет степени бакалавра

«трава»²⁴. Все меня зовут Сяо Чэнь. Вы тоже можете меня так называть.

Теперь они познакомились. Линь Юхун снова начала сердиться: «Зачем она представилась, если отказалась что-либо делать?» Линь Юхун была настолько растеряна, что не хотела больше разговаривать с Чэнь Фэй. Она развернулась и вышла из кабинета.

Старушка стояла у двери и ждала ее. Увидев, что Линь Юхун выходит, она стала рассыпаться в благодарностях:

– Председатель Цзян, я так вам благодарна! Я знала, что вы будете сопровождать меня.

Линь Юхун неловко улыбнулась. Все кадровые работники комитета отсутствовали, а та девчонка, что родом из 90-х годов, не горела желанием помочь. Линь Юхун не могла заставить пожилую женщину ходить туда-обратно и просить о помощи. К счастью, банк был недалеко. Линь Юхун решила сделать доброе дело и сопроводить старушку.

Операция по снятию наличных прошла гладко, и благодаря сопровождению Линь Юхун старушка смогла получить свои деньги.

и магистра экономики.

²⁴ В китайской традиции принято объяснять свои имена через написание иероглифа, чтобы собеседник понимал, как именно имя пишется, и не подставил туда другие иероглифы с таким же чтением. В данном случае Фэй объясняет разницу между двумя иероглифами ф и Ш которые используются в качестве фамилий. Иероглиф ф, если речь идет о слове, имеет значение отрицания, как частица «не», а иероглиф Ш, как в имени Чэнь Фэй, значит «ароматный, благоухающий»

Когда они вышли из банка, старушка, лукаво улыбаясь, на прощание сказала Линь Юхун:

– Председатель Цзян, я знаю, что вы на самом деле не председатель.

Линь Юхун застыла от удивления, а потом бесцеремонно спросила:

– Тогда зачем вы попросили меня вас сопровождать?

Старушка ответила:

– Потому что мне кажется, что вы немного похожи на председателя Цзян. Я умею читать людей по лицам. У вас мягкие черты лица. Так я поняла, что у вас доброе сердце. Да, определенно так.

Несмотря на гнев, закипающий в глубине души, Линь Юхун веселилась. Заметив, что старушка неотрывно следует за ней и не торопится уходить, Линь Юхун поспешно сказала:

– Вы получили свои деньги. Советую поспешить в больницу, чтобы оплатить расходы на лечение.

Старушка беззаботно сказала:

– Я не тороплюсь. Куда вы пойдете, туда и я пройдуся.

Все это было очень странно. Совсем недавно старушка торопила Линь Юхун, молила о помощи, утверждала, что болезнь мужа – вопрос жизни и смерти, а сейчас она лениво шагала по улице, никуда не торопясь. Линь Юхун не понимала, что сегодня за день: все люди, с которыми она общалась – и зрелые, и молодые, и пожилые, – вели себя очень

странно. Она махнула рукой пожилой женщине и сказала:

– Мне нужно сделать кое-что очень важное. До свидания.

Линь Юхун поспешила домой. Она все еще чувствовала, что что-то не так, и потому невольно оглянулась на старушку, которая стояла на дороге и смотрела ей вслед.

Линь Юхун шла вперед. После всех событий осталось послевкусие от беспомощности и человеческой глупости.

Глава IV. Скандал у дверей

Вскоре после того как Линь Юхун вернулась домой, пришли Сун Лимин и Сун Сяоси. Линь Юхун была расстроена: ее идея приготовить ужин окончательно и бесповоротно провалилась. Ей было грустно, поэтому, увидев мужа, она жалобно спросила:

– Как ты пользовался плитой, если она сломалась? Как ты с ней вообще справляешься? Я сдаюсь. Ничего не могу с этим поделать.

Сун Лимин удивленно ответил:

– Не думаю, что она сломалась. Утром я готовил завтрак.

Сказав это, Сун Лимин подошел к газовой плите, повернул ручку плиты, и огонь радостно вспыхнул.

Линь Юхун посоветовала:

– Попробуй отпустить ручку. Как только ты это сделаешь, огонь потухнет.

Сун Лимин последовал ее совету, но огонь продолжал гореть.

Линь Юхун удивилась:

– Ого! Как странно!

Она решила попробовать еще раз. Повернула ручку плиты и увидела, как заплясали огоньки пламени. Стоило ей отпустить ее, как огонь тут же погас. Линь Юхун раздосадованно

сказала:

– Ничего не получается. Эта плита меня не любит.

Сун Лимин подошел к плите показать, как действовать, чтобы огонь загорелся и продолжал гореть:

– Смотри, нужно сделать рукой вот такое движение. Ты надавливаешь на ручку, проворачиваешь налево. Не торопись, делай это медленно. Огонь загорелся, видишь? Потом так же медленно отпускаешь руку и все.

Линь Юхун несколько раз попробовала повторить действия мужа, но безуспешно. Покраснев от злости, она яростно крутила ручку и громко ругалась.

Сун Сяоси некоторое время наблюдала за этой картиной, потом оттянула мать от плиты, сказав:

– Мама, забудь. Иди отдохни, мы сами справимся. Наша семья всегда так жила. Не пытайся что-либо изменить. Ты вдохновляешь меня и отца, большего и не надо. Зачем тебе возиться на кухне, когда есть мы?

Сун Лимин встрял в разговор:

– Да, все верно. Я говорил тебе дождаться моего возвращения, потому что могу решить эту проблему в два счета.

Сун Лимин беспечно болтал и хлопотал на кухне. Он наполнил рисом рисоварку, вытащил вок и приготовил овощи, чтобы пожарить. Линь Юхун пребывала в растерянности. Ей было на месте на кухне. Она могла лишь признать поражение и плюхнуться на диван, чтобы молча злиться на саму себя. Ее дочь была по-настоящему золотым ребенком. Она

подскочила к матери и попыталась поднять её настроение:

– Мама, мама! Не обижайся на плиту. Иногда вещи могут обидеть человека. Моего одноклассника как-то раз обидели школьная парта и стул. В наш класс из другой школы перевелся новый ученик. В первый же день, как он пришел в школу, его брюки зацепились о крючок на парте. Такая большая дыра получилась! Было видно все-все-все.

Сун Сяоси рассмеялась. Линь Юхун смягчилась. Ей нравился характер дочери и то, какой честной, откровенной и открытой она была. Всем она была известна как Сун Сун Сяоси, но при рождении Линь Юхун и Сун Лимин дали ей красивое имя Сун Чэньси, что означает «утренние лучи солнца».

Как только Сун Чэньси начала учиться писать иероглифы, ей показалось, что в ее имени очень много сложных черт. Решив ни с кем не советоваться, она взяла себе имя Сун Сун Сяоси.

Они сели ужинать. Сун Сяоси испачкалась супом и прокричала:

– Старый Сун! Принеси салфетки, пожалуйста.

Сун Лимин подошел к ней с коробкой бумажных салфеток и протянул одну дочери, а та сказала:

– Старый Сун, не знала, что ты такой жадный! Думаешь, мне хватит одной салфетки, чтобы вытереться? Я вся испачкалась.

Сун Лимин достал еще одну салфетку и усмехнулся:

– Да, папа жадный, а дочурка – проказница и чертенок. Мы стоим друг друга.

Отец и дочь обменивались колкостями. Линь Юхун не умела сдерживаться и спросила:

– Почему меня ты называешь матерью, а отца старым Сунном? Почему не зовешь меня старая Линь?

Сун Сяоси залилась смехом и ответила:

– Мам, дело в том, что ты вовсе не старая Линь, а вице-президент Линь!

Линь Юхун наигранно нахмурилась и спросила:

– Ты прекрасно знаешь, что сейчас я не могу быть вице-президентом Линь. Специально злишь меня?

Дочь не поддалась на уловку и поспешно ответила:

– Мам, ну что ты такое говоришь? Ты всегда будешь вице-президентом Линь. Ты стала такой благодаря не «Ляньцзи», а самой себе. Компании уже нет, но ты все равно остаешься вице-президентом. И не просто вице-президентом Линь, а самым главным вице-президентом из всех, супер-пупер вице-президентом всего-всего!

Дочка болтала без умолку и решила добавить:

– А кто не поверит, тому в глаз дам.

Сун Лимин поспешно поднял руки, словно сдаваясь:

– Эй-эй! Я верю! Я раньше всех поверил в это! И всегда буду верить! Сохрани мой глаз целым и невредимым, пожалуйста.

Линь Юхун знала, что дочь и муж всячески пытаются уте-

шить ее, но все равно ей было неловко. Она понимала, что надумывает себе лишнего, а Сун Лимин и Сун Сяоси искренне превозносят ее и любят. Только им было под силу терпеть ее беспричинные перепады настроения, лишь они могли помочь ей справиться с эмоциями. Им было не важно, кого она обругивает, проклинает или критикует. Многие годы они жили так: Сун Лимин редко рассказывал что-нибудь о своей работе, равно как и Сун Сун Сяоси делилась новостями из школы, и, собираясь вместе, они в основном говорили о «Ляньцзи». Вот только теперь компании больше не было.

После ужина Линь Юхун хотела помыть посуду, но, увидев, как на нее смотрят муж и дочь, отказалась. В глубине души она обижалась на саму себя: «Линь Юхун, неужели ты настолько слабая и беспомощная? Не можешь даже помыть посуду, не говоря уже о том, чтобы включить газ и приготовить ужин?» Она посвятила всю себя работе в «Ляньцзи» и сейчас чувствовала, что упустила многое в жизни. Обвинять в том, что она с головой ушла в работу и не научилась простым вещам, было некого. Линь Юхун можно простить – на ней лежала ответственность, нести которую обычному человеку было бы не под силу.

Мысли роились в ее голове. Станный шум за дверью отвлек Линь Юхун от переживаний. Сначала ей показалось, что шумели соседи, но спустя мгновение раздался стук в дверь. Кто-то ожесточенно молотил по ней руками. Сун Ли-

мин бросился открывать дверь незваному гостю. Самый преданный на свете пес Сяо Сюн помчался за хозяином. Сун Лимин хотел защитить Линь Юхун, а Сяо Сюн – Сун Лимина.

Сун Лимин рывком открыл дверь и увидел людей с искаженными от гнева лицами. Они грязно ругались. Сун Лимин расправил плечи, грозно посмотрел на них и спросил:

– Вы что-то забыли? Думаю, вы ошиблись адресом.

Один из озлобленных на мгновение остолбенел, но быстро пришел в себя и выругался:

– Нет, черт возьми, мы пришли именно к вам, и не ошиблись.

Сун Лимин спросил:

– Кто вы такие?

Незваные гости пришли в ярость. В потоке бессвязной ругани Сун Лимин с трудом различил слова «Ся Мэйчжэнь» и «члены семьи».

Сун Лимин немедленно ответил:

– Вы явно ошибаетесь. Мы не знакомы с Ся Мэйчжэнь.

Люди замерли. На мгновение воцарилась тишина, после чего один из них наконец вышел вперед и четко сказал:

– Мы ищем Линь Юхун. Скажи ей, чтобы она вышла!

Линь Юхун пыталась выглянуть из-за плеча Сун Лимина, но тот толкнул ее внутрь квартиры и сказал:

– Нет, не выходи, оставайся внутри. Ты знаешь их?

Линь Юхун покачала головой. Сун Лимин сразу же высу-

нулся за дверь и прокричал:

– Уходите отсюда! Вам здесь нечего делать!

Сяо Сюн, надрываясь, яростно лаял на незнакомцев. Царила самая настоящая неразбериха. Соседи, которые раньше никогда не интересовались жизнью других, буквально приклеились к дверным глазкам, наблюдая за тем, как люди снаружи громко бранились и метали молнии от злости, но немного поубавили пыл после того, как Сун Лимин приказал им уйти. Кто-то действительно попятился назад, кто-то засомневался:

– Слушай, кажется, мы и правда ошиблись. Не думаю, что они нас обманывают.

Но тут же кто-то возразил:

– Нет, не ошиблись. Мы пришли по адресу. Сейчас кругом одни лжецы. Они маскируются под приличных людей. Лгунов зачастую невозможно разглядеть. Не позволяйте обманывать себя, не думайте, что раз уж вы живете в элитном районе, мошенники здесь не водятся. Они повсюду! Многие живут в роскошных домах и ездят на дорогих автомобилях, и все их богатство получено нечестным путем!

Сун Лимин был так зол, что выругался:

– Следи за языком! Не смей такое говорить о нас.

Незнакомцы замерли на мгновение и украдкой обменялись взглядами, как будто хотели что-то обсудить, но не могли – у группы недовольных не было лидера. Их растерянность позволила Сун Лимину продолжить атаковать:

– Вы ищете Линь Юхун, но при этом не узнаете ее? Что все это значит? Нам вызвать полицию?

Кто-то ответил:

– Если бы в прошлом узнали ее ближе, нас не обманули бы!

Другой добавил:

– Это мы должны вызывать полицию, а не вы!

Все начали наперебой кричать и ругаться. Во всей этой неразберихе невозможно было понять, кто и что говорит. Сун Сяоси затащила испугавшегося пса обратно, закрыла дверь и поспешно выскочила наружу, оставаясь невозмутимой и совсем не похожей на своего разъяренного отца. Она была готова дать отпор, если потребуется, и зачастую действовала спонтанно, если ситуация выходила из-под контроля. В такие моменты ее мысли начинали путаться.

Сун Сяоси спокойно обняла мать и отца и, обращаясь к галдящей толпе, спросила:

– Зачем вы ищете Линь Юхун? Что такого она сделала, что вы так сильно злитесь?

Недовольные люди снова начали галдеть. Кто-то из них открыл рот, чтобы ответить Сун Сяоси, но так ничего и не сказал. Прошло какое-то время, прежде чем они стали отвечать девушке, перебивая друг друга.

Один сказал:

– Можешь сама у нее спросить! Она прекрасно понимает, что натворила!

Другой добавил:

– Чужая душа – потемки!

Третий не удержался и обвинил Линь Юхун:

– Она самый настоящий волк в овечьей шкуре!

Сун Сяоси терпеливо сказала:

– Вас очень много, вы говорите одновременно и даже друг друга не понимаете. Почему бы не выбрать одного человека, чтобы он объяснил ситуацию? Так мы сможем лучше понять, что вас тревожит.

Люди переглянулись между собой и поняли, что предложение Сун Сяоси не лишено смысла, но все еще не спешили выбирать того, кто выступил бы от лица всех. Они приняли друг друга обвинять.

Один сказал:

– А я говорил вам, что нечего бардак устраивать. Вы же меня не послушали, ничего не обсудили и начали галдеть.

Второй не согласился:

– А зачем тебя слушать? Зачем что-то обсуждать? Мы пришли сюда, чтобы поймать обманщицу и вывести на чистую воду. К чему пустая болтовня?

Третий фыркнул:

– Пф! Пока мы закончим обсуждение, обманщица смоется. Так мы ничего не добьемся.

Сун Сяоси смотрела на препирающихся между собой людей и удивительным образом сохраняла терпение. Ровным голосом она сказала:

– Если вы сейчас же не объясните, что происходит, я закрою дверь.

Услышав слова Сун Сяоси, они заволновались и начали выбирать

представителя.

Один сказал:

– Нужно выбрать старшего сына семьи Ся.

Другой сразу же возразил:

– Пф! У него скрытые мотивы, мы не можем его выбирать.

Если же выберем, он получит больше всех и не поделится.

Кто-то решил съехидничать:

– Вы только посмотрите на него! Обвиняет старшего сына семьи Ся, а сам-то только и хочет, что прибрать к рукам как можно больше!

В разговор вклинился еще один человек:

– Вы оба стремитесь исключительно к наживе и потому обманываете даже обманщиков.

Они спорили очень долго, но все-таки выбрали представителя. Вперед вышел рослый крупный мужчина; он гордо задрал голову и держался очень уверенно. Несмотря на свой грозный внешний вид, он заикался:

– Я... Я... я бу... я буду пред... пред... представлять...

Сун Сяоси усмехнулась:

– Это шутка? Сегодня, на секундочку, далеко не 1 апреля! Я попросила вас выбрать представителя, вы же выбрали какого-то зайку.

Тот обиделся:

– Я. Я н-н-не.... Я сов-в-в-сем н-н-е... Заикаюсь!

Все разразились смехом. Сун Сяоси, Сун Лимин, Линь Юхун и те, кто пришел к их дверям возмущаться, хохотали и не могли остановиться. Кто-то решил съязвить:

– Ты уверен, что не заикаешься?

Кто-то поддержал шутку:

– Да ты что? Он точно не заикается! Говорит лучше всех нас!

Все снова засмеялись. Напряжение сошло на нет, обстановка разрядилась. Самый старший из них сказал:

– Он на самом деле не заикается. Как правило, всегда говорит четко и понятно. Мы выбрали его представителем, и он начал заикаться от волнения. Неудачник, каких еще поискать! Я буду говорить.

Однако кто-то тут же возразил:

– А кто это допустит? Мы не соглашались!

Старший сын семьи Ся ответил:

– Мне не нужно ничье разрешение. Я не собираюсь быть представителем. Не стоит вестись на хитрые козни этой семьи. Они только и надеются на наши перебранки друг с другом. Пока мы ссоримся, они думают, как выйти сухими из воды.

Старший сын семьи Ся выдвинул логичное и убедительное предложение, с которым все остальные согласились.

Он сказал:

– Думаю, роль представителя стоит доверить третьему сыну семьи Ся. Из всех нас только он получает зарплату от самого государства. Те, кто живет на бюджетные деньги, более убедительны.

Все согласились и вытолкнули из толпы мужчину, который все время стоял позади и не хотел вклиниваться в разговор. Сейчас же, когда его вытолкнули, он обернулся и сказал:

– В первую очередь я скажу неприятную правду. Нет смысла кричать, правоту этим не докажешь, нужны обоснованные доводы. Кричать без причины тоже бессмысленно и бесполезно. Я буду говорить. Не перебивайте меня, не шумите, не ссорьтесь. В противном случае я не буду представлять наши интересы.

Кто-то не согласился:

– А что, если ты будешь врать?

Третий сын семьи Ся ответил:

– Я скажу только то, в чем точно уверен. Вы тоже можете высказываться. Дождитесь, пока я закончу, и можете говорить по одному.

Так ему удалось заткнуть рты всем присутствовавшим. Третий сын семьи Ся начал говорить. Он кивком поздоровался с Линь Юхун, словно хотел произвести впечатление вежливого и культурного человека, и представился:

– Зовут меня Ся Бицюань. Проблема в том, что...

Старший сын семьи Ся заволновался и перебил его:

– Третий сын семьи Ся, ты зачем представляешься? Мы

не для того сюда пришли!

Ся Бицюань ответил:

– Чтобы добиться своего, нужно действовать разумно и сдержанно, поступать в соответствии с принципами. Только так наш визит увенчается успехом.

Самый старший из всех и остальные громко рассмеялись. Старший спросил:

– Третий сын семьи Ся, зачем ты притворяешься приличным человеком? Любишь следовать правилам? Если бы и поступал как нужно, те мелкие уличные торговцы с улицы закусовых не прозвали бы тебя жадным до денег ослом.

Они снова начали спорить друг с другом, и Сун Лимин вышел из себя:

– У вас что, нет места, чтобы ругаться и решать семейные проблемы? Поэтому вы решили сделать это у нашего порога? Вы что, комитет нашего дома?

Стоило ему упомянуть слово «комитет», как некоторые начали злиться.

Один сказал:

– Да были мы уже в комитете! Они ни черта не сделали.

Другой добавил:

– Тамошний секретарь вообще непонятно где прохлаждается! Даже тени ее и то не видно!

Третий сын семьи Ся рассердился и угрожающе сказал:

– Если вы будете спорить между собой, я уйду.

Все сразу же замолчали.

Ся Бицюань наконец-то дождался тишины. Он кивнул головой и обратился к Линь Юхун:

– Сначала я объясню, что произошло. Вы случайно не сопровождали пожилую женщину в банк, чтобы помочь ей обналичить счет?

Линь Юхун ответила:

– Да, было такое дело. Я сначала попыталась найти сопровождающего в комитете жителей улицы Гуйсян. Она остановила меня на улице, умоляла пойти вместе с ней в банк и помочь снять деньги. Ну я и...

Самый старший из них перебил Линь Юхун и добавил:

– Вот эту старуху зовут Ся Мэйчжэнь. Она наша мать.

Линь Юхун охнула и попыталась возразить:

– Не может этого быть. Она мне сказала, что все ее дети живут далеко за пределами Китая и никто не может сопроводить ее в банк. Ей нужен был ответственный человек, поскольку сотрудники банка не позволяли ей.

Самый старший вышел вперед, загородив Ся Бицюаня, и сказал:

– А зачем вы ей поверили? Вы разве знакомы с ней? Нет! Вас на улице остановил незнакомый человек и навешал лапши на уши, а вы и поверили? Ну и дура!

Несмотря на то что он выражался грязно и оскорбил Линь Юхун, в его словах была доля истины. Сун Лимину это не понравилось, и он сказал:

– Вы не имеете права ее оскорблять. Следите за языком.

Линь Юхун поняла, в чем может быть проблема, и поспешно сказала, указав рукой на Ся Бицюаня:

– Пожалуйста, не перебивайте его. Позвольте договорить.

Старший сын семьи Ся хотел что-то еще добавить, но Ся Бицюань

остановил его:

– Дело в том, что в последнее время у матери в голове крепко засела навязчивая идея обналечить банковский счет, снять все, что накопила за жизнь. Мы всячески пытались уберечь ее от этого. Несколько раз она пыталась снять деньги, и в конечном итоге у нее все получилось.

Старший сын семьи Ся опять вклинился в разговор, указав пальцем на Линь Юхун и сказал:

– В конечном итоге вы ее обманули.

Сун Лимин разозлился так, что вышел вперед, словно намереваясь почесать кулаки. Линь Юхун остановила его и обратилась к членам семьи Ся:

– Я не обманывала ее! Я хотела помочь. Она сказала, что должна оплатить лечение мужа, то есть вашего отца, и что он нуждается в скорой операции, умоляла помочь спасти человека и даже показала историю его болезни и документы, подтверждающие медицинские расходы...

Стоило Линь Юхун сказать это, как все члены семьи Ся пришли в бешенство. Забыв, что от их лица говорит человек, они обрушили свой гнев на Линь Юхун, обвиняя ее во всех грехах. Самый старший, понимая, как следует посту-

пить, вышел вперед и сказал:

– У нас есть только один отец, который скончался пять лет тому назад. Так кого же наша мать собралась спасать?

Линь Юхун казалось, что ее мозг вот-вот взорвется. Она не понимала, во что влипла.

Как могла эта таинственная старуха, которая казалась вполне здравомыслящей, совершить такой поступок? И почему она попросила о помощи именно Линь Юхун?

Она была расстроена до такой степени, что совсем не понимала, к кому можно обратиться за помощью, и злилась на саму себя. Спустя какое-то время она жалобно протянула:

– Почему она меня обманула? Почему? Я совсем ее не знаю. Мы не знакомы. У меня в мыслях не было ничего дурного, я лишь хотела помочь. Почему она нашла именно меня и обманула?

Самый старший заметил, что Ся Бицюань, действуя вяло, не так активно, как, по его мнению, стоило бы. Он оттолкнул его в сторону, намереваясь перехватить инициативу в разговоре. Ся Бицюань разозлился и попытался оттолкнуть самого старшего. Ему казалось, что он единственный, кто сохраняет чистый рассудок. Он упрекнул Линь Юхун:

– Еще непонятно, кто кого обманул. Не будем пока говорить о нашей матери, поговорим о вас. Вот зачем вы это сделали? Сами же сказали, что не знаете нашу мать, что встретили ее на улице. Зачем решили сопроводить ее в банк? Сейчас повсюду одни лжецы и мошенники. Откуда нам знать,

что вы не такая?

Линь Юхун было нечего ответить. Помолчав, спустя какое-то время она попыталась объяснить:

– Она. Она подумала, что я – председатель Цзян. Я говорила ей, что она ошиблась, но она продолжала утверждать и настаивать, что я должна ей помочь.

Третий сын семьи Ся, что поначалу сохранял спокойствие, взорвался. Чем больше он говорил, тем больше злился. Он обвиняющим тоном спросил Линь Юхун:

– Это она вас ошибочно приняла за председателя Цзян или же вы настоящая самозванка, что использует чужое имя?

Линь Юхун возразила:

– Я? Самозванка? Зачем мне представляться председателем комитета жителей? Шутки ради?

Третий сын семьи Ся ответил:

– Вы совершенно не похожи на председателя Цзян. Почему вы не убедили в этом нашу мать? Почему пошли с ней в банк? Если вы не мошенница, я не могу найти объяснения вашим действиям.

Линь Юхун не успела ответить, как Сун Лимин решил встрять в разговор:

– Да какое право вы имеете так говорить? Почему вы решили, что она мошенница? Следите за языком! Она вас не обманывала!

Члены семьи Ся холодно усмехнулись, но решили воздержаться от дальнейших комментариев. Разговор вел Ся Биц-

юань и все, что им оставалось – стоять позади и внимательно слушать. Их брат сказал:

– Я хочу сказать, что матушка исчезла, когда обналичила банковский счет.

Линь Юхун стояла как громом пораженная. Что все это значит?! Раньше она управляла всем, что происходило в компании «Ляньцзи». В ее руках было столько власти, что она могла бы криком вызвать ветер и тучи, подчинить себе гром и молнию, если бы возникло такое желание. Но сейчас она была беспомощна. Ее окружили обычные люди, каких на Земле не сосчитать. Она не могла вырваться из их хватки и даже не представляла, как это можно сделать. Она была беспомощна не только перед соседями, Сун Лимином и Сун Сяоси, но в первую очередь перед самой собой. Стервятники кружились над поверженным львом. Сердце Линь Юхун сжалось, а в глубине души закипел гнев. Она громко спросила:

– Почему ваша мать не пришла сюда сама? У вас есть право представлять ее интересы? Да, ей уже много лет, но разум чист, как у молодого человека. Она действует решительно и потому в состоянии самостоятельно разобраться со своими делами.

Старший сын семьи Ся не выдержал и закричал:

– Она не придет! Она лежит в больнице!

Линь Юхун была так зла, что не удержалась и грязно выругалась. Она решила, что лучшая защита – это нападение:

– Сначала она обманывает людей, а потом ложится в больницу. Да у нее не все дома!

Линь Юхун поняла, что сейчас члены семьи Ся накинутся на нее с обвинениями, но, к ее удивлению, самый старший сказал:

– Да, наша мама душевнобольная.

Третий сын семьи Ся решил немного поправить брата:

– Наша мать страдает от душевного недуга. В медицине это называется психическим расстройством, что очень отличается от более известных форм аномалий развития нервной системы. Это не одно и то же.

Одна из дочерей семьи Ся, что до этого внимательно прислушивалась к разговору, вышла вперед и протянула Линь Юхун медицинские справки. Она сказала:

– Посмотрите внимательно. Это история болезни нашей мамы. Она сбежала из больницы.

Старший сын семьи Ся вновь пришел в бешенство и закричал прямо в лицо Линь Юхун:

– Кто вы такая вообще? Как у вас хватило совести обмануть старую душевнобольную женщину и украсть ее деньги?

Линь Юхун понимала, что дела плохи. Она попала в самую настоящую беду. Пожилая женщина, страдающая от душевного недуга, целая толпа разъяренных родственников... Взывать к их пониманию не имело смысла. В тот момент ей вспомнились слова, сказанные Сяо Чэнь, работавшей в комитете: «Нужно быть осторожным, когда работаешь с жите-

лями. Очень часто они резко реагируют на наши действия, а иногда бывают хитры и коварны».

Линь Юхун на мгновение потеряла дар речи. Сун Лимин тоже не понимал, что сказать. Он хотел посмотреть в лицо Линь Юхун, но бегающие глаза выдавали его чувства – он не решался встретиться с ней взглядом. Сун Сяоси осознавала масштаб бедствия, понимала, что с толпой упертых, злых людей спокойно не поговоришь. Она быстро приняла решение, вышла вперед и нахально сказала:

– Черт! Вы несете просто феерический бред. Все, что вы сказали, – наглая ложь. Моя мать после обеда находилась дома и никуда не выходила. Я свидетель и видела своими глазами, как она сидела на кухне. Даже не пытайтесь оболгать ее!

Сун Сяоси говорила все, что приходило в голову, но ее слова напомнили Линь Юхун, что Ся Мэйчжэнь использовала и обманула ее. Да, старушка не знала, кто такая Линь Юхун, и, возможно, специально назвала ее председателем Цзян, чтобы добиться своего. Даже если и правда была больна, она не потрудилась спросить настоящее имя Линь Юхун и тем более не могла знать, где она живет.

Откуда члены семьи Ся знали, как зовут Линь Юхун? Откуда узнали ее адрес? Как у них получилось с такой точностью найти двери их квартиры? Неужели кто-то заранее подготовился, чтобы заманить Линь Юхун в ловушку?

Линь Юхун сразу же присоединилась к словам Сун Сяоси: – Все, что вы сейчас говорите, – пустые слова. Где дока-

зательства?

Третий сын семьи Ся ответил так быстро, будто был готов к такому

вопросу:

– Мы были в банке, смотрели записи с камер наблюдения. Без всяких сомнений, нашу мать сопровождали вы и помогли ей обналичить счет.

Линь Юхун спросила:

– Допустим, в записях с камер наблюдения и правда была я. Откуда вы узнали мои имя и адрес?

Третий сын семьи Ся сказал:

– Если хочешь, чтобы люди не знали за тобой дурного, сам плохо не поступай. И у стен есть уши! Вы совершили очень плохой поступок. Вы думали, что мы оставим это просто так?

Сун Лимин бросился вперед. Ему так и хотелось ударить кого-нибудь. Линь Юхун преградила ему путь:

– Дорогой, дракой проблему не решишь. Нужно докопаться до истины.

На секунду перед глазами Линь Юхун возникла лицемерная улыбка

Сяо Чэнь. Разум затуманился, но тут же возникла догадка: Сяо Чэнь ее знала!

Линь Юхун принялась лихорадочно соображать. И так, Сяо Чэнь и Линь Юхун учились в одном университете, на одном факультете и той же специальности. С 80%-ной веро-

ятностью Сяо Чэнь знала, что Линь Юхун работала в компании «Ляньцзи», но стоило им встретиться в комитете жителей улицы Гуйсян, как она притворилась, будто не узнала ее! Прикинувшись невинной овечкой, она сразу же продала информацию о ней тем, кто попросил.

Черт возьми! Она говорила Линь Юхун о том, что «жители бывают хитры и коварны», а сама оказалась самой настоящей змеей!

Конфликт продолжал набирать обороты. Линь Юхун и ее семья жили в элитном квартале Лиду Хуаюань. Здесь, как правило, было тихо и уютно. Все соседи жили своими жизнями, но прямо сейчас покой этого места был потревожен. Соседи, заинтересованные происходящим, украдкой выглядывали из окон и дверей – всетаки столь громкие сцены были редкостью в их квартале. Они таращились и не могли насмотреться, вслушивались и не могли послушаться, будучи поглощены конфликтом семьи Ся и Линь Юхун, который казался интереснее многих сериалов.

Линь Юхун без колебаний вызвала полицию. Как ни странно, когда она положила трубку, открылись двери лифта, и из него вышел молодой полицейский, аккуратно держа под руки уставшую престарелую женщину. Лицо старушки было изможденным, выглядела она крайне плохо. Очевидно, что она поднялась на лифте, но выглядело это так, будто она, едва-едва переставляя ноги, ползла вверх по лестнице. Старушка судорожно хватала ртом воздух, но не захотела оста-

новиться и перевести дух, подняла дрожащую руку и указала на членов семьи Ся, а затем на самого старшего из них. Строгим голосом она спросила:

– Старший сын семьи Ся, что за беспорядок вы тут устроили? Думали, я не смогу вас проконтролировать?

Она перевела руку и указала на третьего сына семьи Ся:

– А у тебя, третий сын семьи Ся, как хватило совести явиться сюда? Ты притащил всю семью и устроил скандал. О чем ты вообще думал?!

Члены семьи Ся оторопело уставились на немощную старушку, что говорила слабым голосом и пыталась отдышаться в паузах между словами. Их гнев сразу же утих. Третий сын семьи Ся сказал:

– Старый секретарь, в этот раз скандал устроил далеко не я.

Старший сын семьи Ся, заметив, что брат боится пожилой женщины,

поспешно выступил вперед:

– Старый секретарь, позвольте мне сказать, пожалуйста. Я уважаю вас, однако, на мой взгляд, вы недостаточно хорошо справляетесь со своими обязанностями, некоторые дела и вовсе пускаете на самотек. Что же касается некоторых обманщиц и мошенниц, так...

Старый секретарь перебила его:

– Старший сын семьи Ся, попридержи коней. Я готова решить любые проблемы, что возникают в районе улицы Гуй-

сян, эффективно и полностью.

Старший сын семьи Ся решил немного отступить. Он сказал:

– Хорошо-хорошо-хорошо. Всеми делами заведуете вы. Все проблемы решаете тоже вы. Мать целыми днями только и делает, что помыкает нами. Сейчас ситуация изменилась. Деньги достались мошеннику, и она прекратила доставать нас. Нам очень жаль.

Секретарь сердито сказала:

– Что за вздор ты несешь? О чем вы там сожалеете? Каждый из вас работает и живет припеваючи. Деньги, о которых идет речь, принадлежали вашей матери. Какое вам дело до ее сбережений?

Старший сын семьи Ся ответил:

– Пусть она сама распоряжается ими. Ее право решать, кому они достанутся. Почему нельзя просто наказать мошенницу? Она должна получить по заслугам!

Секретарь раздраженно закатила глаза:

– Советую закрыть рот. Ты все говоришь и говоришь о какой-то мошеннице. Кого конкретно ты имеешь в виду? Прямо сейчас ты несешь несусветный бред. Выражайся осторожнее, а то ведь на тебя можно и в суд подать.

Старший сын семьи Ся фыркнул:

– Пф! В таком случае в этом мире нет справедливости. Нас обманула мошенница, а под суд должен попасть я?

Сун Сяоси назидательно подняла палец вверх и сказала:

– Думаю, вы не разбираетесь в законодательстве. Ставлю вас в известность, что ваши слова – клевета, порочащая честь и репутацию другого человека. У судебных дел, возбужденных по этой причине, бывают тяжкие последствия, например тюремное заключение сроком от трех до восьми лет.

Сроком до сколько-то там лет ... Было очевидно, что время Сун Сяоси брала из головы, но члены семьи Ся действительно не разбирались в законодательстве. Слова девочки сильно их напугали, и некоторые одновременно отступили на шаг назад. На месте остался только старший сын семьи Ся, сжимая кулаки от злости. Было видно, как на его шее проступили вены. Он сказал, выплевывая слова:

– Последствия, последствия. Тьфу ты! Какие еще серьезные последствия? В каком плане?

Сун Сяоси буквально прорычала:

– Хочу сказать вам, что у моей матери серьезное сердечное заболевание. Кроме того, она страдает от повышенного артериального давления. Если сегодня вы заставите ее нервничать, что у нее за секунды подскочит давление, столкнетесь с теми самыми последствиями, о которых я говорю!

Сяо Сюн, что был заперт внутри, по-прежнему захлебывался лаем. Он был слишком мал, и оттого его лай не особенно отличался от пения маленькой девочки.

Секретарь вытянула из толпы третьего по старшинству, Ся Бицюаня, и сурово спросила:

– Третий сын семьи Ся, ты как-никак работаешь в муниципальном управлении. Неужели не знаешь, что с вашей матерью? Раз уж решил без доказательств оклеветать другого человека, тебе придется нести ответственность за свои действия!

Неудивительно, что среди всех членов семьи Ся Бицюань, хоть и не мог похвастаться великодушием, зато лучше остальных умел вести переговоры. Он выражался сдержанно и аккуратно. Может быть, Линь Юхун в его глазах была не лучше мелкого торговца или лоточника с улицы Гуйсян.

Что было странным, так это то, что Ся Бицюань не решался дерзить или возражать секретарю. Появление уважаемой старушки уладило его пыл. Он отступил назад, немного помялся и ответил:

– А как это связано с тем, что я работаю в муниципальном управлении?

Было очевидно, что ему уже не хотелось принимать участие в конфликте у дверей Линь Юхун. Он попятился в сторону лифта, нажал кнопку, чтобы спуститься вниз, и принялся ждать.

Секретарь никак не могла отдышаться. Ее рваные вдохи становились сильнее. Полицейский, что привел пожилую женщину, стал переживать за нее и тихо спросил:

– Старый секретарь, может, вам стоит вернуться и передохнуть?

Секретарь помотала головой, посмотрела на Линь Юхун

и сказала:

– Вице-президент Линь, прошу прощения. Я приношу извинения за то, что отлучилась по делам и не находилась в комитете в момент вашего визита. Мне очень жаль, что они устроили вам такой скандал.

Линь Юхун удивленно поинтересовалась:

– Вы знаете меня? Я...

Старший сын семьи Ся бесцеремонно вклинился в разговор:

– Старый секретарь, вы, как я погляжу, ничего не знаете о моральных принципах. Она обманным путем забрала все деньги нашей матери, а вы перед ней извиняетесь. Какого черта? Она что, крупный кадровый работник со связями в правительстве? Большая шишка?!

Все члены семьи Ся загалдели вслед за самым старшим из них. Они требовали от Линь Юхун, чтобы та вернула им деньги. Старый секретарь рассержено вскинула руку и указала на них. Ее рука дрожала, а голос становился все слабее и слабее. Она собралась с силами и грозно сказала:

– Вы все сегодня лишились своего доброго имени. Толком не разобрались в ситуации и прибежали к дверям квартиры другого человека, чтобы устроить беспредел! Я была у вашей матери. Деньги тоже нашла.

Естественно, никто ей не поверил. Они начали засыпать её вопросами:

– Нашли? Как же так? Это невозможно! Мы искали целый

день, перевернули вверх дном квартиру матери и ничего не нашли! Как же так вышло, что у вас получилось?

Полицейский, что поддерживал под руку старушку, сказал:

– Секретарю Ли даже не пришлось искать. Ваша мать сама ей обо всем сказала. Кроме того, вашей матери стоит поучиться прятать вещи. То, что она спрятала, очень легко найти.

Все члены семьи Ся, не дождавшись вопроса самого старшего, наперебой начали спрашивать:

– Где же деньги? Где деньги?!

Старый секретарь устало ответила:

– Были в одном из ее ботинков.

Они поспешно решили уточнить:

– А сейчас? Где деньги сейчас?

Старый секретарь сказала:

– Я не скажу, где они, и храню деньги вместо нее. Завтра еще раз схожу в банк.

Услышав это, Линь Юхун подумала, что злые, как волки, члены семьи Ся попробуют всеми силами выведать у секретаря, где хранятся деньги. Она не ожидала, что они переглянутся, вздохнут и направятся к лифту. Однако старый секретарь сурово заметила:

– Вы не можете просто так уйти. Вы должны извиниться.

Старший сын семьи Ся взорвался:

– Мы? Извиниться? С какой стати?! Понятно уже, что эта

женщина не обманывала нашу мать, но какого черта она вообще потащилась с ней в банк, чтобы помочь обналичить счет? Деньги нельзя было снимать! Банк не должен был допустить этого. Как это вообще получилось?

Другой добавил:

– Эта женщина любит совать нос в чужие дела. Из-за нее деньги нашей матери могли исчезнуть!

Третий вклинился в разговор:

– Если бы не вмешательство секретаря, мать ни за что не сказала бы, куда положила деньги. Она забыла бы об этом и легко продала свои ботинки, если бы завтра приехал скупщик старых вещей. Какое счастье, что этого не произойдет!

Секретарь пришла в бешенство. Она сказала:

– Я спрашивала у вашей матери, зачем она спрятала деньги в ботинки. Вдруг она забыла бы об этом и продала обувь как ненужную вещь? Что было бы потом? Ваша мать сказала, что в этом не было бы ничего страшного, потому что она не хочет оставлять вам, неблагодарным детям, ничего ценного. Задумайтесь об этом! У вас совсем нет совести!

Секретарю хотелось сказать многое. Тем не менее ей удалось пристыдить членов семьи Ся, которые, понуриив головы, поплелись к лифту. Старый секретарь была так зла, что ее губы дрожали. Она с трудом подошла к Линь Юхун и уже хотела было поклониться ей, но упала от усталости и истощения. Полицейский помог секретарю подняться, и они медленно пошли к лестнице.

Соседи, наблюдавшие за происходящим, разошлись. Воцарилась тишина. Стало так тихо, будто ничего не произошло.

Линь Юхун никак не могла успокоиться. Все произошло слишком неожиданно – быстро началось и так же закончилось. Во всех своих делах, будь то университет, поиск работы или деятельность компании «Ляньцзи», она, конечно же, сталкивалась с определенными конфликтами и противоречиями, это было неизбежным. Однако Линь Юхун всегда поступала в соответствии с законом, стремилась подчинить хаос, взывая к разуму, убеждая своей правотой. Ситуации же, которые она не могла контролировать, ранили ее, как ножом по сердцу. Появление старого секретаря позволило устранить конфликт, восстановить ее репутацию и посрамить тех, кто устроил истерику. Линь Юхун было неприятно осознавать, что она совершенно растерялась и не знала, как реагировать на слова и поступки членов семьи Ся, которые не подчинялись логике, поразили ее и потрясли. Раньше она даже не могла себе представить подобного.

Сун Лимин и Сун Сяоси вошли в квартиру. Увидев, что Линь Юхун все еще стоит у двери, отец и дочь завели ее внутрь. Сун Лимин сказал:

– Дорогая, забудь об этом. Проблема уже решена.

Сун Сяоси ласково погладила Линь Юхун по щеке и попыталась поднять ей настроение:

– Мамуль, не сердись. Эти невоспитанные, некультурные

болваны недостойны твоего внимания.

Линь Юхун разрыдалась. Она стояла в коридоре и громко плакала от обиды, обжигающей сердце. Муж и дочь не хотели мириться с таким финалом конфликта, и Сун Лимин грозно заявил:

– Это никуда не годится! Я завтра же пойду и найду всех, кто носит фамилию Ся, чтобы свести счеты. В противном случае я недостоин фамилии Сун.

В Китае многие носили фамилию Ся. Линь Юхун не знала, каким образом муж собирается найти в этом бесконечном множестве людей именно тех, кто устроил скандал у дверей их дома, но понимала, что он готов это сделать ради нее. Увидев его покрасневшее от гнева лицо, Линь Юхун устыдилась и сказала:

– Мне так жаль! Простите меня, простите! Я опозорила вас перед всеми. Это моя вина. Я совсем не поняла, что хотели от меня эти люди и что вообще случилось.

Сун Сяоси удивилась:

– Мама, ну что ты! Разве ты нас опозорила? Нет, не ты, а они! Это не твоя вина. Ты и эти люди совершенно разные. Ты никак не сможешь их вразумить. Все твои доводы они пропускают мимо ушей.

Сун Лимин добавил:

– Точно-точно! Твое столкновение с этими людьми подобно ситуации, когда сюцай²⁵ приходит к глупым воякам и пы-

---

²⁵ Сюцай – неофициальное разговорное название шэньюаня – первой из трех

тается их без толку вразумить.

Сун Сяоси возразила:

– Старый Сун, ты неправ. Это не вояки, а какие-то бандиты!

Отец с дочерью сделали все возможное, чтобы утешить Линь Юхун. Даже Сяо Сюн подбежал, чтобы поднять ей настроение. Пес ластился к ее ногам, обнюхивал, радостно вилял хвостом и пытался запрыгнуть на руки. Линь Юхун злилась, но постепенно она сменилась спокойствием. Разве может быть иначе, когда вся семья на твоей стороне?

Наконец все успокоились. Сяош легла спать, а пес устроился в своем уютном гнездышке. Когда Сун Лимин и Линь Юхун вошли в спальню, Сун Лимин встал как вкопанный, раскинув руки. Линь Юхун сразу поняла, что он хотел что-то сказать, но все еще пребывала в подавленном настроении и потому не стала спрашивать. Для Сун Лимина было характерно ожидать действий со стороны жены. Сначала он ждал, когда она проявит инициативу и спросит его, но когда Линь Юхун промолчала, ему ничего не оставалось, как внимательно посмотреть на нее и неуверенно сказать:

– Юхун, слушай...

Он не договорил и замолчал.

Линь Юхун знала, что Сун Лимин хочет что-то сказать, но не понимала, хочет ли это услышать. Муж замолчал, потому

что не знал, расстроится ли она, и поэтому решил использовать традиционный метод общения – поймать собеседника в ловушку. Зная характер Линь Юхун, ее было легко заманить недоговорками. Линь Юхун сказала:

– Если тебе есть что сказать, говори. Нечего мямлить и молчать. О чем ты хотел спросить? Почему тебя это так пугает?

Старый Сун выглядел смущенным и слегка покраснел. Если бы продолжал молчать, он еще больше смутился бы. Ему пришлось сказать:

– Все дело в Юй Сяо. Ты должна связаться с ней. Она звонила мне несколько раз.

Линь Юхун хмыкнула и саркастично процедила:

– Значит, Юй Сяо! Так вот почему ты так осторожничаешь. Знаешь ли, старый Сун, я и Юй Сяо учились в одной группе. Так почему же она решила связаться с тобой?

Сун Лимин поспешно объяснил:

– По ее словам, она звонила тебе несколько раз, но ты так и не ответила, а еще проигнорировала ее сообщения. Только поэтому она была вынуждена связаться со мной.

Заметив волнение старого Суна, Линь Юхун решила еще немного подразнить его. Состроив суровое лицо, она сказала:

– Старый Сун, почему ты так волнуешься? У тебя что, роман с ней?

Муж заволновался не на шутку. Он был готов броситься

в ноги Линь

Юхун и поклясться, что у него нет никаких тайных связей с Юй Сяо. Он спросил:

– О чем ты говоришь? Почему ты так вообще подумала?

Линь Юхун фыркнула и, усмехнувшись, ответила:

– Ну раз между вами ничего нет, то чего ты так волнуешься? Не нервничай, не мямли, скажи прямо, что случилось. Неужто Юй Сяо попросила тебя передать мне весточку?

Сун Лимин тихо вздохнул и с облегчением улыбнулся:

– Напугала ты меня. Откуда же мне знать, всерьез ты спрашивала об этом или нет?

Линь Юхун остроумно ответила:

– Нет же. Откуда мне знать, говоришь ты правду или нет...

Заметив, что Сун Лимин опять начинает нервничать, она успокаивающе махнула рукой:

– Все нормально, не переживай. Я свяжусь с ней.

Только тогда Сун Лимин успокоился. Он хотел было пойти в ванную, чтобы помыться перед сном, но его что-то вновь остановило.

Линь Юхун сурово сказала:

– Старый Сун, не зли меня. Скажи, что случилось. Юй Сяо задумала пригласить меня на работу в «Цзиньхун»? Если да, что ты думаешь на этот счет?

Сун Лимин некоторое время переминался с ноги на ногу, прежде чем сказать:

– Ничего не думаю. Решать только тебе. А я пока в душ.

Сказав это, он сломя голову кинулся в ванную комнату.

Отель «Цзиньхун» находился под управлением компании «Цзиньдин». У Юй Сяо ушло чуть больше года, чтобы пройти путь от помощника генерального руководителя до совладельца отеля. Вторым совладельцем и руководителем компании был ее бывший муж Пу Цзяньцю. Ходили самые разные слухи, но, несмотря на многочисленные версии, большинство людей верили, что Юй Сяо охотилась за его богатством.

Пу Цзяньцю был совсем не глупым и маловероятно, что позволил бы женщине вертеть собой, как ей вздумается. Если все и думали, что история Юй Сяо и ее работы в отеле «Цзиньхун» была покрыта мраком тайны, значит, это было как-то связано с браком Юй Сяо и Пу Цзяньцю. Наверняка истину знала только Чжао Цзинцзы.

Опять эта Чжао Цзинцзы!

В санатории, где работала Чжао Цзинцзы, отдыхали заслуженные кадровики, обладавшие или все еще обладающие властью. Когда Пу Цзяньцю приезжал в санаторий, он познакомился с Чжао Цзинцзы, а она его – с Юй Сяо и Линь Юхун. Они не так много общались. Изредка, когда Пу Цзяньцю устраивал званый ужин, он просил Чжао Цзинцзы пригласить Линь Юхун и Юй Сяо, и на этом все заканчивалось.

Когда отель «Цзиньхун» оказался замешан в неприятном инциденте, связанном с массовым отравлением, Пу Цзяньцю находился в США вместе с женой. На тот момент их

отношения дали трещину, и они начали проходить процедуру развода. Когда он вернулся на родину, инцидент уже был улажен. И несмотря на это замешанные в случившемся Цзян Чунъян и Юй Сяо с поразительной скоростью разорвали свои отношения. В то время деятельность отеля была буквально парализована. Генерального директора сместили с поста, вице-президенты попрятались, а единственной, с кем Пу Цзяньцю мог связаться, оказалась Юй Сяо.

В тот день Пу Цзяньцю отправился к Юй Сяо, чтобы потребовать объяснений в случившемся, но вместо этого увидел коллегу, которая безудержно плакала, как маленькая девочка.

Юй Сяо не хотела признавать ошибку или размышлять над тем, чей промах привел к такому ужасному инциденту, что бросил тень на репутацию отеля. Всё, что ей хотелось – это выплакаться Пу Цзяньцю в том, что она нанесла карьере Цзян Чунъяна непоправимый ущерб, выплакаться о том, что они расстались, рассказать о чувствах, которые, несмотря ни на что, испытывала к Цзян Чунъяну.

Пу Цзяньцю подумал, что все это очень странно, не так, как в заморском мире. Неужели они развелись из-за того, что Цзян Чунъяна уволили?

Пу Цзяньцю терялся в догадках, а Юй Сяо безудержно плакала и мотала головой, захлебываясь в слезах, и ничего не могла ответить.

Пу Цзяньцю не мог не заметить, насколько чисты и глубо-

ки были чувства Юй Сяо к Цзян Чунъяну. Именно искренняя и трепетная любовь этой женщины к другому мужчине тронула Пу Цзяньцю до глубины души.

В это мгновение Пу Цзяньцю захотел крепко-крепко обнять Юй Сяо. Результатом этого порыва стала их свадьба.

Однако большая загадка не в том, что они связали себя узами брака, а в том, что менее чем через год они развелись. Свободная Юй Сяо стремительно взлетела по карьерной лестнице, превратившись из незначительной работницы, каких много, в самого настоящего босса.

Неужели Чжао Цзинцзы что-то знала об этом? Если и так, она не сознается даже под угрозой смерти. Интересно, в чем же дело? В том, что они оставили ее в неведении, или же она хотела, чтобы другие люди ничего не знали?

Все интриги, связанные с отелем «Цзиньхун», Линь Юхун решила не принимать близко к сердцу – ее это совершенно не касалось. В то время она уже работала в компании «Ляньцзи», получала хорошую зарплату и имела неограниченные перспективы. Все шло прекрасно, пока не случилось то, что случилось.

Когда компания оказалась замешанной в инциденте с зомби-мясом, первой, кто об этом узнал, была Юй Сяо, она же раньше всех предложила ей работу. Юй Сяо действовала все активнее и, кажется, больше всего на свете хотела переманить Линь Юхун на работу в отель. Она даже связалась с Сун Лимином.

Линь Юхун взяла телефон, чтобы позвонить Юй Сяо, чего ей вообще-то совершенно не хотелось делать. Она сомневалась, звонить или нет. Ее сомнения прервал звук телефона: в очередной раз звонила Юй Сяо.

Услышав, что Линь Юхун ответила, она сразу же оживилась:

– Старшая сестренка Линь, ты дома? Я наконец-то до тебя добралась!

Линь Юхун язвительно усмехнулась и протянула:

– Ну конечно! Всюду твои шпионы. Ты не могла не добраться до меня.

Юй Сяо хихикнула и ответила:

– Сестренка Линь, твой старый Сун такой забавный! Я попросила его передать тебе, чтобы ты связалась со мной, а он заявил, что это очень неудобно. Ха-ха-ха! Что это значит вообще? Неужели старый Сун так боится тебя? Думаю, в чем-то он прав. Извини, сестренка Линь, я несу какую-то ерунду. Пожалуйста, не принимай это близко к сердцу, я шучу. В конечном счете он все-таки помог нам связаться!

Линь Юхун сказала:

– На самом деле ему не очень-то хотелось выполнять твою, скажем так, работу. Кому вообще захочется делать что-то для такого человека, как Юй Сяо?

Юй Сяо удивилась:

– Старшая сестренка Линь, неужели ты обо мне говоришь? Может быть, ты это о самой себе?

Линь Юхун опешила. Она сменила тон и сказала:

– Эй, Юй Сяо, мы бывшие однокурсницы, а не сестренки, поэтому, пожалуйста, даже по-дружески не зови меня сестренкой Линь. Я к такому не привыкла. У меня мурашки по коже начинают ползать, когда я слышу это от тебя.

Юй Сяо решила не сдаваться и упрямо продолжила говорить как привыкла:

– Старшая сестренка Линь, да, мы однокурсницы, и столько вместе пережили, что друг другу как сестры. Неужели ты думаешь иначе?

Линь Юхун хмыкнула:

– Да уж, тебя ничем не прошибешь. Ты младше всего лишь на месяц, а зовешь меня старшей сестрой. Решила на-помнить, что я раньше тебя состарюсь?

Юй Сяо продолжила беспечно болтать:

– Сестренка, разница в возрасте всегда имеет значение. Ты старше меня на месяц, потому приходишься мне старшей сестрой. А раз так, ты обязана мне помочь!

Линь Юхун попыталась осадить собеседницу:

– Юй Сяо, пойми уже наконец что меня зовут Линь Юхун. Я не мужчина, и потому не поведусь на твои заигрывания. Если ты решила кого-то соблазнить, я неподходящая цель.

Юй Сяо хихикнула:

– Эй, старшая сестренка Линь, я специально заигрываю с тобой, потому что понимаю, что иначе не получится. Пожалуйста, помоги мне, я по уши в проблемах. Если ты отка-

жешься, отель «Цзиньхун» обречен. В моих руках его судьба. Старшая сестренка Линь, прошу тебя! Именно твоя рука направляла меня на протяжении всей жизни к лучшему будущему...

Линь Юхун так и подмывало сказать, что именно она толкнула Юй Сяо в объятия Цзян Чунъяна, и это разрушило ее жизнь, потому что подруга украла все, что было дорого сердцу. Но она промолчала.

На самом деле Линь Юхун думала, что Юй Сяо была не такой, какой могла казаться. В первую очередь она вовсе не была тайной любовью Цзян Чунъяна. Все, что произошло, – это плачевный результат действий Линь Юхун и Цзян Чунъяна. Все эти годы Линь Юхун, встречаясь с Юй Сяо или даже просто слыша ее имя в разговоре с кем-то, терзалась от обиды, но прекрасно понимала, что не имеет права винить ту в случившемся.

Прошло более десяти лет. Обида крепкой удавкой сжимает сердце Линь Юхун. Она не знает, когда сможет наконец-то развязать намертво завязанный узел и освободиться от далекого прошлого. Говорят, что отвязать колокольчик от шеи тигра должен тот, кто его привязал. Что касается узла, мертвой хваткой сжимающего сердце Линь Юхун, завязала его далеко не Юй Сяо.

Конечно, Юй Сяо не имела отношения к душевным тяготам Линь Юхун. Потрясения, что Юй Сяо довелось пережить в те годы, кажется, не оставили ни следа в ее душе. Она

пригласила Линь Юхун на свадьбу, и подруга первой узнала о беременности Юй Сяо, об их разводе с Цзян Чунъяном, о начале отношений с Пу Цзяньцю. Линь Юхун всегда самой первой узнавала о горе и радостях, что переживала Юй Сяо во втором браке. Иногда Линь Юхун видела в Юй Сяо стерву и интриганку, готовую на все ради достижения собственных целей, иногда же – непонятную, невинную и ничего не подозревающую бедную овечку. Однажды Линь Юхун спросила Чжао Цзинцзы, что она думает о Юй Сяо, но та ничего не ответила, а лишь уклончиво сказала:

– Не важно, что я о ней думаю. В любом случае она останется Юй Сяо.

На что Линь Юхун сердито ответила:

– О, как философски ты выражаешься! Какая ты великодушная! Какая... невозмутимая!

Чжао Цзинцзы лишь равнодушно улыбнулась. Она действительно была невозмутимой.

На протяжении многих лет Линь Юхун, Юй Сяо и Чжао Цзинцзы всегда поддерживали близкие отношения. Однако Линь Юхун думала, что сердце Юй Сяо ничем и никем не связано.

Юй Сяо донимала Линь Юхун по телефону, продолжая убеждать:

– Сестренка Линь, приглашаю тебя на работу в отель «Цзиньхун». Уверена, ты будешь довольна годовым заработком. Все зависит от тебя. Проси такую зарплату, какую хо-

чешь. Если же она тебя не устроит, я запишу на твое имя столько акций, сколько потребуется!

Линь Юхун перебила Юй Сяо:

– Я слышала, что с тех пор как ты стала председателем совета директоров, тебя обманывали генеральные директора, разводили как на деньги, так и на интим. Это правда?

Юй Сяо не таясь выпалила:

– Да, было такое. Говорят, что человек не может дважды утопиться в реке. Я же утопилась трижды!

Линь Юхун не ожидала, что Юй Сяо честно признается в том, что обманным путем ее принуждали к интимным связям и выплате денег, и она показалась ей еще более непостижимой, чем раньше. Линь Юхун бесцеремонно спросила:

– Ты? Утопилась? Пф! Ты жива и здорова, не так ли? Тебе не нужно бояться утопиться. Кто-нибудь всегда придет на помощь.

Линь Юхун думала, что Юй Сяо слишком легко дался подъем по карьерной лестнице, как будто у нее был волшебный бамбуковый посох, опираясь на который она смогла с легкостью миновать все ступеньки и оказаться на вершине. Юй Сяо сказала:

– Старшая сестренка Линь, ты постоянно спасала меня. Если бы не ты, я и правда утопилась бы. Если ты не хочешь работать под моим началом, я уступлю свою должность, станешь председателем совета директоров. Можешь быть моим боссом, я буду генеральным директором. Впрочем, если бу-

дешь работать в отеле «Цзиньхун», я согласна быть даже вице-президентом.

Линь Юхун хмыкнула и подумала, что даже если бы Юй Сяо была обычной уборщицей, отель «Цзиньхун» все равно принадлежал бы ей. Она чувствовала, что напор Юй Сяо все усиливается: она не хотела опускать руки и отказываться от поставленной цели. Линь Юхун язвительно процедила:

– Какая же ты прилипчивая! Думаю, твои чары лучше работают на мужчинах.

Юй Сяо совсем не рассердилась и рассмеялась:

– Однако сейчас мне не нужны мужчины. Мне нужна ты, сестренка Линь. Если необходимо время, можешь подумать или, если так удобнее, завтра я заеду за тобой, и мы вместе поедem в отель. Подумай над зарплатой и скажи мне, сколько акций ты хочешь.

Линь Юхун не успела отказаться, как телефонный звонок прервался. Юй Сяо сразу же положила трубку. Линь Юхун бросила телефон на кровать и сказала самой себе:

– Даже если ты отдашь мне 51 % акций, я ни за что не стану работать в отеле «Цзиньхун».

В этот момент Сун Лимин вышел из ванной комнаты. Услышав, что бормочет себе под нос Линь Юхун, он внимательно посмотрел на нее, но не осмелился ничего сказать. Линь Юхун была расстроена и решила спросить его в лоб:

– И чего ты на меня смотришь? Вот такая у тебя жена – ограниченная и отказывающаяся от прекрасной работы.

Сун Лимин усмехнулся и возразил:

– Вовсе не ограниченная, а смелая и самая лучшая!

Линь Юхун фыркнула и рассмеялась:

– О, так я смелая? Откуда же во мне смелость, о которой ты говоришь? Во мне есть только злость.

Сун Лимин уже расстелил постель. Дождавшись, когда Линь Юхун выйдет из ванной комнаты, он украдкой посмотрел ей в лицо и осторожно сказал:

– Как давно мы не смеялись...

Линь Юхун не нашлась, что ответить.

Сун Лимин посмотрел ей в глаза и поспешно добавил:

– Все нормально! Так бывает.

В глубине души Линь Юхун чувствовала себя виноватой. Многие годы жизни она отдала компании «Ляньцзи». Можно сказать, в обмен на хорошую работу она продала не только тело, но и душу. Она многого требовала от мужа и находила множество причин: «много работы», «я так устала», «на меня сейчас оказывается большое давление», «встала не с той ноги» и так далее. Сун Лимин никогда не отказывал ей. Он знал, что Линь Юхун уставала на работе, чувствовал, что иногда она заходила в тупик, всегда с уважением относился к чувствам жены и никогда не заставлял ее испытывать неловкость.

Говорят, что в 55 лет человек подобен тигру. Сун Лимин проявил себя только в 40 с лишним. Перед глазами Линь Юхун вновь промелькнул образ Сун Лимина, который отча-

янно пытался защитить ее у порога их дома, как курица-мать птенца. Этот образ тронул и позабавил Линь Юхун. Волна нежности накрыла ее с головой, когда она сказала:

– Старый Сун, иди ко мне.

Сун Лимин, кажется, не мог поверить своим ушам. На его лице застыло удивление. Линь Юхун не могла точно сказать, рад ли он ее предложению или считает его странным. Он осторожно спросил:

– К тебе?

Линь Юхун утвердительно кивнула. Казалось, Сун Лимин колеблется, стесняется ивсячески избегает взгляда жены.

В этот момент они показались друг другу незнакомцами. На французском языке такое состояние называется «жамевю». Линь Юхун мучали угрызения совести. Когда они слились в поцелуе, а их руки сомкнулись в теплых объятиях, Линь Юхун почувствовала, что Сун Лимина что-то тревожит, он хочет быть вместе с ней, но что-то ему мешает. Она не удержалась и заботливо спросила:

– Что с тобой?

Сун Лимин поспешил ее успокоить:

– Все в порядке. У нас впереди целая вечность.

Крупные капли пота скатывались по телу Сун Лимина. Он чувствовал себя крайне неловко и пытался не смотреть на жену. Линь Юхун обняла его и попыталась успокоить. Только тогда Сун Лимин расслабился, долго и протяжно вздохнул. Возможно, ему казалось, что только что он завершил

очень сложную работу.

Глава V. Линь Юхун покупает продукты

Проснувшись утром, Сун Лимин выглядел смущенным и по-прежнему не решался посмотреть жене в глаза. Линь Юхун была готова лопнуть от смеха, но знала, насколько трепетно мужчины относятся к столь близкому взаимодействию с женщинами, и потому подавила смех. Она заявила:

– Я не могу заставить огонь газовой плиты гореть, поэтому не буду готовить.

Сун Лимин усмехнулся в ответ:

– Да тебя никто и не просил.

Линь Юхун сказала:

– Ну теперь я женщина безработная. Неужели мне придется ждать, пока ты вернешься с работы, а дочь из школы, чтобы вы приготовили что-нибудь поесть?

Было очевидно, что Линь Юхун шутит, однако Сун Лимин занервничал и сказал:

– Почему ты так думаешь? У нас ведь есть Сяо Гуй! Кроме того, не важно, что ты сейчас не работаешь. Многие компании жаждут заполучить тебя в свои ряды, работодатели уже выстроились в очередь! Ты вымоталась за годы работы в компании «Ляньцзи». Сейчас тебе нужно хорошо отдохнуть, а,

когда придет время, снова будешь руководителем. Сун Сяоси и я позаботимся о доме.

Линь Юхун не нашлась, что сказать. Ей по-прежнему было очень стыдно. Спустя какое-то время она заявила:

– Я не могу просто так сидеть и бездельничать. Пойду хотя бы куплю продукты.

Сун Лимин поначалу хотел возразить, но, подумав, сказал:

– Ладно. Сходи, развейся немного. Это лучше, чем сидеть дома в одиночестве и тосковать. Не так важно, купишь ты продукты или нет. На мой взгляд, это пустяковое дело, которое можно сделать в любой момент.

Линь Юхун рассмеялась, но в глубине души ей было обидно. Она подумала: «Для него покупка продуктов – пустяк. А для меня? Дело вселенской важности? Неужели я с таким пустяком не смогу справиться?» Мысли крутились в голове, но высказать их она не решилась.

Сун Лимин подошел ко входной двери, остановился, обернулся и на прощание бросил:

– Возможно, Юй Сяо объявится.

Сказав это, он поспешно выскользнул из квартиры.

Как только он ушел, раздался телефонный звонок. Это была Юй Сяо. Она беззаботно сказала Линь Юхун, что ожидает ее в машине. Охрана не впускает сторонние машины на территорию квартала, поэтому она была готова подождать у главного входа.

Линь Юхун, не подумав, спросила:

– С чего ты решила, что я буду сидеть дома и ждать тебя?

Юй Сяо залилась смехом и ответила:

– Эй, ты же сама сказала, что тебя окружают мои шпионы!

Им же надо как-то зарабатывать на еду!

Линь Юхун подумала, что старый Сун – тот еще предатель, который прекрасно знал, что она не захочет видеть Юй Сяо и связываться с ней, но все равно помог ей. Юй Сяо, кажется, поняла, о чем думала Линь Юхун, и поспешно сказала:

– Нет-нет, ты ошибаешься. Дело не в старом Суне, а в твоей дочке. Сун Сун Сяоси честная, правильная девочка, которая мне очень нравится. Было бы неплохо породниться, как думаешь? Мой сын...

Линь Юхун раздраженно перебила ее:

– Ты заходишь слишком далеко, Юй Сяо. Сначала сама выйди замуж за кого-нибудь, потом уже строй планы на наших детей.

Юй Сяо, хихикнув, ответила:

– Я хочу, только пока не получается.

Линь Юхун решила съехидничать:

– Не сомневаюсь, ты добьешься своего! Используй свое обаяние. Ты пытаешься меня всячески соблазнить, так советую направить чары в более подходящее русло.

Линь Юхун, не прерывая разговора, вышла из квартиры, спустилась на лифте и незаметно выскользнула из другого

входа в квартал.

Рынок находился на центральном отрезке улицы Гуйсян. Стоило Линь Юхун ступить на улицу закусочных, как ее охватило странное предчувствие. Атмосфера этого места не похожа ни на одну другую часть района; улица Гуйсян – оживленная и шумная, соблазнительная и хаотичная, и кажется, что в воздухе витает что-то тревожное.

Как только Линь Юхун уловила оттенки атмосферы улицы Гуйсян, тут же услышала громкий шум. Присмотревшись, она увидела группу людей, что галдели и кричали друг на друга. Один из них крикнул:

– Прибыли представители муниципального управления! Да начнется цирк!

Линь Юхун обернулась и увидела, что несколько человек в форме тащат торговца, который продавал хворост на обочине дороги. Линь Юхун сразу же узнала третьего сына семьи Ся, одного из тех, кто осмелился устроить скандал у дверей ее дома. Один из пакетов был наглухо закрыт, а вот другой порвался. Представители муниципального управления открыли оба и обнаружили, что половина хвороста приготовлена качественно, а другая представляла собой обуглившиеся горькие куски слоеного теста.

Третий сын семьи Ся, он же Ся Бицюань, вышел вперед и выругался:

– Вы совсем обнаглели! Разворачиваете свои лотки где ни попадя, препятствуете нормальному движению по улице, да

еще и торгуете некачественным товаром! Из чего вы сделали этот хворост?

На звуки перебранки стянулись зеваки. Лоточник, как только его разоблачили, тут же упал на землю, ухватился за штанину брюк Ся Бицюаня и с пеной у рта кричал:

– Меня пинали ногами, били по пояснице, позвоните журналистам, чтобы снять репортаж, вызовите скорую и полицию!

Кто-то из зевак вытащил из кармана мобильный телефон и притворился, что звонит:

– Алло? Журналисты? Приезжайте скорее...

Кто-то усмехнулся:

– Боюсь, не успеют приехать. Они не такие быстрые.

Мелкий лоточник, что распластался по земле, начал умолять толпу:

– Пожалуйста, снимите этот беспредел на телефоны. Это незаконно! У вас будут железные и кровавые доказательства того, что.

Кто-то из зевак решил пошутить:

– Железные доказательства? А откуда здесь железо? Ты еще и железом торгуешь?

Второй добавил:

– А что насчет крови? Откуда здесь кровь?

Лоточник захныкал:

– Они меня избили, я истекаю кровью. Вы мне не верите?

Все разразились смехом. Кто-то ответил:

– Не верим, не верим. Поверим, если докажешь. Давай, показывай, где там у тебя кровь.

Ся Бицюань хотел вырвать штанину своих брюк из рук провинившегося торговца, но тот вцепился в ткань мертвой хваткой и не торопился отпустить. Третий сын семьи Ся понял, что ему не вырваться, поэтому строго сказал:

– Предупреждаю тебя: не будь дураком и не пытайся оклеветать меня. Я тебя и пальцем не тронул. Все это видели и смогут подтвердить.

Лоточник взревел:

– Кто?! Кто это сможет подтвердить?!

Ся Бицюань спокойно ответил:

– Все это видели и могут подтвердить, что я тебя не трогал.

На самом деле все было не совсем так, как представлял себе Ся Бицюань. Увидев, как жалко выглядит Ся Бицюань с задранными штанами, Линь Юхун глубоко в душе позлорадствовала, но в то же время происходящее казалось ей очень странным. На улице Гуйсян в очередной раз творился настоящий хаос, даже дошло до драки. Почему никто не выступил, чтобы защитить торговца и не озаботился его дальнейшей судьбой? Со стороны казалось, что все, включая самого Ся Бицюаня, веселились и наблюдали за шоу, которое разворачивалось на улице закусочных. Ся Бицюань таинственно улыбался, словно вел потайную игру. Проходившая мимо пожилая тетушка пробубнила себе под нос:

– Опять эти лоточники! Опять эти полицейские! Когда же они уgomонятся?!

Мужчина средних лет поддакнул:

– Абсолютно согласен с вами! На улице закусовых каждый день кого-то чему-то учат. Скука!

Были и те, кто не считал творившийся на улице Гуйсян беспорядок скукой. Один из них, проходя мимо, похлопал третьего по старшинству из семьи Ся по плечу и сказал:

– Ха-ха-ха! Ну и влетит же тебе за это.

Ся Бицюань равнодушно ответил:

– Ничего страшного! Мне каждый день за что-нибудь влетает. Меня уже ничем не возьмешь.

Кто-то встрял в разговор:

– Третий сын семьи Ся, ты так молод! Если плохо справляешься со своими обязанностями, стоит ли тебе и дальше работать в муниципальном управлении?

Ся Бицюань пожал плечами:

– Вот это было обидно. Думаешь, мне хотелось работать в муниципальном управлении? Изначально я вообще этого не планировал, но потом понял, что больше нигде не смогу найти работу.

Его собеседник ответил:

– Ну раз работаешь в муниципальном управлении, работай и дальше, только зачем каждый день бросаешься на лоточников? Они всегда жалуются на тебя, ругаются.

Третий сын семьи Ся презрительно протянул:

– Думаете, мне легко это дается? Если я не буду гонять лоточников и прочих мелких торговцев, за меня возьмется начальство, подумав, что я слоняюсь без дела, за чем последует наказание. Тогда и обычные люди, конечно же, будут недовольны. Они будут критиковать меня за то, что я халатно отношусь к исполнению рабочих обязанностей и позволяю плодиться произволу на улице Гуйсян, будут жаловаться. Поэтому на работе я делаю то, что должен. Однако в таком случае оказываются недовольны лоточники и мелкие торговцы. Лоточники жалуются на меня, в результате начальство так или иначе принимает в отношении меня меры, наказывая за неудачи других. Как это вообще можно назвать? Я как горбун, который упал на спину и не может подняться. Я не могу надеяться на расположение начальства, простых людей или лоточников, не разрушив отношения с кем-либо. Я как мышь в мышеловке. Меня зажали со всех сторон. Неужели я плохо выполняю свою работу? Или я хуже крысы или горбуна? Я мечусь между тремя сторонами и погибаю в попытке сделать как лучше.

Третий сын семьи Ся разыгрывал трагедию, чтобы люди ему посочувствовали. И такие действительно нашлись:

– Молодой человек, разве вы не слышали старинную поговорку? «Когда приходит представитель муниципального управления, ребенок пугается до смерти, а когда представитель муниципального управления уходит, скоропостижно умирает».

Все разразились смехом.

Третьего сына семьи Ся эти слова, кажется, задели. Он насупился и разразился гневной тирадой:

– Одна бабулька решила утром выйти из дома и потренироваться. Она увидела, что выход из ее квартала заставлен лотками и прилавками и вызвала нас, чтобы мы приехали и навели порядок. Мы разогнали всех лоточников, что мешали людям. Старушка закончила тренировку и вернулась домой. Однако, к ее несчастью, все лоточники ушли, и она не смогла купить свежие овощи, а потому пожаловалась опять. Другой случай – продажа живых кур на рынке. Когда мы запретили ее, жители ругали нас, говорили, что правительство не разрешает обычным людям даже кур есть, не заботится о простом народе. Если мы разрешим их продажу, жители будут ругать нас и говорить, что правительству плевать на жизни людей, что оно хочет убить население, заразив птичьим гриппом. Мы делаем то, что требуют люди.

Еще один человек серьезно сказал:

– Если так будет продолжаться, быть беде.

Его слова задели третьего сына семьи Ся до глубины души, и он жалобно протянул:

– Никакой беде не под силу меня удивить. Я всего лишь следую правилам и сделал все, что мог...

Линь Юхун не испытывала к третьему сыну семьи Ся ни капли жалости. Она вспомнила, как вчера вечером Ся Бицюань вел себя у дверей ее дома, и в ней тут же поднялась вол-

на отвращения. Она не хотела больше ни минуты здесь находиться, поэтому поспешила уйти. Сделав несколько шагов, она вдруг увидела мать детей семьи Ся. Старушка сидела под двумя деревьями, ветви которых усыпали цветы османтуса, и беспечно болтала. Неужели она снова сбежала из психиатрической больницы?

Бабушка говорила сама с собой пронзительным ломким голосом:

– Ой-ой-ой! Моя болезнь проявляется, когда я испугана. Я жуткая трусиха, и каждый раз, когда пугаюсь, болезнь захватывает меня.

Застыв от удивления, Линь Юхун не могла оторвать взгляда от старушки. Впервые в своей жизни она видела человека, который во всеуслышание заявлял о том, что он душевнобольной. Она не понимала, что происходит, и не могла поверить в то, что говорит пожилая женщина. Старушка продолжала диалог с самой собой:

– Мой третий сын, Ся Бицюань, служит в муниципальном управлении. В нем так много жизненной силы, которая тратится впустую, потому что того требует работа. Муниципальное управление – это Хуан Шижэнь, а мелкие торговцы и лоточники – это поседевшая Си Эр²⁶.

---

²⁶ Хуан Шижэнь и Си Эр – персонажи первой китайской национальной оперы, известной под названием «Седая девушка». Действие происходит в период японской агрессии. Помещик Хуан Шижэнь принуждает крестьянина-вдовца за долги отдать в наложницы дочь-красавицу Си Эр. Жениху не удается спасти невесту, он уходит служить в Восьмую армию. Си Эр бежит в горы. В конце оперы

Пожилая женщина говорила четко и связно, поэтому совершенно не походила на душевнобольную. Линь Юхун не могла осуждать ни госпожу Ся, ни ее родственников, ни старого секретаря комитета жителей улицы Гуйсян, что в последний момент все-таки появилась и вызволила ее из передраги. Линь Юхун не могла понять, какими людьми были все участники случившейся истории. Ей почему-то казалось, что их мышление и отношение к миру кардинально отличались от ее свойственного.

Неужели между ними и правда лежала громадная пропасть?

Линь Юхун боялась семьи Ся. Внезапно ей захотелось сбежать отсюда. Несмотря на возраст, госпожа Ся могла похвастаться острым зрением. Она уже давно увидела Линь Юхун и потому позвала ее:

– Председатель Цзян! Председатель Цзян!

Линь Юхун притворилась, что не услышала, но кто-то из людей неподалеку сказал ей:

– Вас зовет госпожа Ся.

Линь Юхун ответила:

– Она обозналась. Я не председатель Цзян.

Человек рассмеялся:

– Она никогда никого не узнает.

измученную и седую Си Эр находят солдаты Восьмой армии, в числе которых был ее жених. Помещика с женой убивают, их имущество раздают бедным, Си Эр выходит замуж за возлюбленного, и оба становятся активистами Коммунистической партии Китая.

Старушка заметила, что Линь Юхун не горит желанием подойти ближе, и решила не настаивать. Она широко улыбнулась ей и продолжила говорить сама с собой:

– Вы не подумайте ничего плохого. Я очень не люблю пугаться до такой степени, что болезнь дает о себе знать. Мой третий сын каждый день противостоит мелким торговцам и лоточникам. Они его ненавидят, ругают, иногда бьют, оскорбляют, проклинаят, угрожают. Больше всего на свете они хотят пырнуть его ножом. Но третий сын семьи Ся ничего не боится! Чего не скажешь обо мне, его трусливой матери, что каждый раз пугается так, что сходит с ума. Ха-ха-ха!

Все засмеялись вместе со старушкой. Госпожа Ся, услышав смех других людей, воодушевилась и продолжила свой монолог:

– Вот вы удивляетесь, как можно готовить еду на масле из сточных труб? Такую еду нельзя есть взрослым, и уж тем более нельзя кормить ею детей. Однако эти гады, что захватили улицу закусочных, каждый божий день используют масло из сточных труб. Их штрафуют, а они все равно продолжают травить людей. Они обнаглели настолько, что мой третий сын был вынужден с ними разобраться. Он решает проблемы так, как умеет. За это его лишили премии. Лоточники и мелкие торговцы только и хотят отомстить моему сыну.

Линь Юхун смотрела на госпожу Ся и не могла понять, действительно ли та была душевнобольной, или, быть может, у нее расстройство на нервной почве, или, что тоже возмож-

но, она просто притворялась сумасшедшей? Она не могла не вспомнить девушку из комитета жителей улицы Гуйсян, которая делала вид, что с головой погружена в книгу. Если та была маленькой чертовкой, бабушка была старой ведьмой. Линь Юхун не ожидала, что весь микрорайон и одна улица в частности окажутся местом сборища сумасбродных людей. Вот уж точно – в тихом омуте черти водятся. Не стоит об этом забывать!

Она мысленно высмеивала всех, с кем успела познакомиться за два дня, когда позади нее раздался странный шум. Линь Юхун обернулась и увидела, как представители муниципального управления тащат куда-то арестованного продавца хвороста, а тот что есть сил упирается.

Лоточник закричал:

– Имейте в виду, я никуда с вами не пойду! Я скорее умру!

Кто-то решил дать совет:

– Отведите его в комитет жителей улицы Гуйсян. Там ему вправят мозги! У них, кстати, есть специальная комната для усмирения слишком буйных жителей и даже настоящий профессионал!

Все опять залились смехом.

В конечном итоге лоточник был вынужден сдаться. Он сказал:

– Ладно, ведите меня в комитет. Посмотрим, кто кого.

Кто-то из зевак удивился:

– Какие вы странные! Конфликт между лоточником и

представителями муниципального управления не в компетенции комитета жителей улицы Гуйсян. Необходимо обратиться в комитет микрорайона или же в городской совет.

Лоточник взревел:

– Можно, да толку нет! Комитет микрорайона оказался ничем не лучше комитета жителей улицы Гуйсян! Мы так и не нашли кадрового работника, способного решить нашу ситуацию!

Люди принялись друг друга перекрикивать. Кто-то кричал, что нужно пойти в комитет жителей улицы Гуйсян, кто-то возражал против этого и говорил, что в последнее время там творится что-то неладное – председателя Цзян не видно, старый же секретарь шастает не пойми где...

Наконец воцарилась тишина. Люди прекратили ругаться. Никто не понимал, как следует поступить.

В этот момент госпожа Ся поднялась, указала пальцем на Линь Юхун и сказала:

– Как вы могли ее не узнать? Она – председатель Цзян. Вы искали именно ее. Она поможет вам урегулировать ситуацию.

Линь Юхун была в бешенстве. Она совершенно забыла о том, что старушка душевнобольная. Вернее, она сомневалась в этом и думала, что у старушки с головой все в порядке.

Вот старая карга! Она делала все для того, чтобы сеять хаос и злить людей. Линь Юхун холодно сказала:

– Госпожа Ся, вчера вы устроили прекрасное шоу. Сего-

дня хотите повторить свой успех?

Старушка громко рассмеялась и ответила:

– Ой, председатель Цзян, откуда у вас такая точная информация? Все верно! Откуда вы узнали, что я изучаю актерское мастерство?

Линь Юхун подумала, что бабушка где-то упала и ударилась головой. Она незамедлительно ответила:

– О, я высоко оцениваю ваш актерский талант. Отличные спектакли устраиваете!

Старушка затряслась, медленно подошла к Линь Юхун, нащупала в сумочке какой-то документ, вытащила, осторожно открыла и протянула Линь Юхун:

– Председатель Цзян, вот мой студенческий билет.

Линь Юхун не хотела смотреть, но краем глаза увидела, что на документе и правда было написано «Институт искусств Наньчжоу». Госпожа Ся продолжила настойчиво ее убеждать:

– В том году я была настоящей звездой института искусств!

Все засмеялись:

– Да вы и сейчас настоящая звезда!

Старушка честно признала:

– Увы, сейчас я стара, как цветы на следующий день после Праздника хризантем, но в те годы я блистала на сцене. Кроме того, я прекрасно владею музыкальными инструментами! Можно сказать, я была мастером на все руки!

Линь Юхун хмыкнула и съязвила:

– О, не сомневайтесь, ничего не изменилось.

Сказав это, она ускорила шаг и пошла вперед. Она услышала, как кто-то позади сказал:

– Бабушка, она не председатель Цзян. Да, она попалась на вашу уловку вчера, но сегодня вы ее не обдурите.

Старушка хихикнула и сказала:

– Ее достаточно легко уговорить. Если вы с ней как следует поговорите, она согласится.

Линь Юхун поспешила уйти подальше от этого дурдома.

Ее эмоции потихоньку улеглись, разум обрел былую ясность. Она поняла, что больше никогда не пойдет покупать продукты – улица Гуйсян ей не по душе. Она почти добралась до дома, когда услышала звук входящего сообщения. Писала Юй Сяо. Линь Юхун пробежалась по тексту глазами – оказывается, Юй Сяо по-прежнему ждала ее у главного входа в квартал. Однако стиль сообщения кардинальным образом отличался от заискивающей манеры речи Юй Сяо, что раздражала Линь Юхун в ходе вчерашнего разговора. Она внимательно прочла сообщение: «Линь Юхун, настоятельно прошу тебя еще раз подумать над моим предложением. Не стоит полагать, что работа в отеле „Цзиньхун“ подразумевает подчинение мне и исключительно в моих интересах. Это совершенно не так. Ты сама это прекрасно понимаешь. Никто не работает ради другого, все работают для себя, и уж тем более мы с тобой. Если бы ты не преследовала собственные

интересы, не смогла бы за короткое время пройти путь от председателя комплексного отдела до вице-президента компании „Ляньцзи“. Если бы не тот инцидент, в скором времени тебя называли бы президент Линь».

Намерения Юй Сяо вполне очевидны: она хотела вытянуть Линь Юхун на работу в отель «Цзиньхун». Однако Линь Юхун терзали смутные сомнения: она не понимала, какую цель преследовала Юй Сяо. Дело было в том, что, как гласило распространенное мнение, Юй Сяо не годилась для этой работы или же были другие причины?

Линь Юхун погрузилась в раздумья. Она пыталась придумать, как узнать настоящий замысел Юй Сяо и разобраться в ситуации, что только путала ее. Из мыслей ее вырвал звук очередного входящего сообщения. Линь Юхун раздраженно открыла его и прочитала: «Я буду ждать тебя у порога и не уйду до тех пор, пока ты не сядешь в мою машину. Линь Юхун, прошу тебя, давай поедem вместе в отель „Цзиньхун“, чтобы ты осмотрелась и приняла решение. Почему ты так боишься работать в отеле? Пожалуйста, выходи. Я не шучу. В противном случае мне придется украсть тебя посреди белого дня».

Линь Юхун не смогла сдержаться и широко улыбнулась. Ее сердце смягчилось. Она решила согласиться на уговоры Юй Сяо, поехать с ней в отель и посмотреть, как там обстоят дела. По крайней мере, это была отличная возможность сбежать подальше от этой сумасшедшей улицы Гуйсян.

Линь Юхун шла вперед, смотрела в экран мобильного телефона и думала, стоит ли позвонить Юй Сяо или хотя бы написать сообщение. Внезапно она услышала, как человек, что шел рядом, обратился к ней:

– Эй, девушка, будьте осторожны. Врежетесь.

Линь Юхун испугалась и поспешно подняла голову. Она обнаружила, что нечаянно зашла на строительную площадку. Окружавшие ее строительные леса были покрыты слоем грязи и пыли. Линь Юхун вздрогнула и отскочила в сторону. Она нашла относительно безопасное место и только тогда смогла разглядеть старое многоэтажное здание, которое, судя по всему, находилось на реконструкции. Несмотря на то что работа в компании «Ляньцзи» не позволяла Линь Юхун в редкие свободные минутки прогуливаться по району, она смутно помнила, что возвышающееся перед ней здание когда-то было самым первым в истории Наньчжоу универсамом.

Его построили в 80-х годах XX века. Тогда сердца и умы всех жителей Наньчжоу захватила модернизация, и универсам был пределом мечтаний и стремлений каждого горожанина.

Потребовалось всего 30 лет, чтобы одно из самых современных зданий своего времени оказалось выведено из коммерческой деятельности. Концепция универсама не соответствовала требованиям времени, а управленцы не умели эффективно и качественно вести бизнес.

Множество раз реструктуризация обрушивалась на универмаг, но с каждым разом становилось все хуже и хуже. В конце концов управленцы были вынуждены продать здание, от которого не осталось прошлого лоска и былой славы первого универмага в Наньчжоу.

Человек, который напомнил Линь Юхун о необходимости смотреть под ноги, был одет в серую рабочую одежду. На его голове красовалась защитная каска с ободком до самых глаз, поэтому его лица практически не было видно. Линь Юхун собралась поблагодарить его, как тот сдвинул каску и лучезарно улыбнулся.

Линь Юхун остолбенела, как только увидела его лицо. Она пребывала в полной растерянности и смогла, заикаясь, выдать из себя одно слово:

– Т-т-т... т-ты!

Кроме злосчастного местоимения «ты» она больше ничего не могла сказать.

Цзян Чуньян стоял перед ней и широко улыбался. Усмехнувшись, он ответил:

– А что я? Я даже не в средневековой броне, а в обычной строительной каске, а ты меня не узнала!

Линь Юхун по-прежнему смотрела на него, широко открыв рот от удивления, и чувствовала, как грудь сдавило от боли. На мгновение ей показалось, что она не может дышать.

Цзян Чуньян продолжал ехидничать:

– Ого! Надо же! Где это видано, где это слыхано, чтобы

знаменитая Линь Юхун, железная девчонка из университета, гроза пищевой промышленности, не могла сказать и слова?

Со стороны могло показаться, что он специально насмеяется над Линь Юхун, чтобы выудить из нее такой же саркастичный ответ. Неужели спустя столько лет он по-прежнему любит над ней подтрунивать, злить ее и слушать полные едкого сарказма ответы?

Линь Юхун давно уже отвыкла от такого. Она не знала, что ответить Цзян Чунъяну и потому в надежде не встречаться с ним взглядом схватилась за мобильный телефон. Она почувствовала, как пластик устройства скользит в ее мокрых от пота руках.

Цзян Чунъян дразняще приблизился, посмотрел ей в глаза и спросил:

– Что-то не так? Ты так тяжело дышишь и нервничаешь. Неужели дело во мне?

Линь Юхун не могла справиться с нахлынувшими чувствами. Ей хотелось сбежать отсюда как можно скорее, но ее ноги словно приросли к земле и пустили корни. Накричать бы на Цзян Чунъяна, но не могла издать ни звука. На мгновение ей показалось, что она навсегда утратила дар речи.

Цзян Чунъян немного отступил назад и ехидно протянул:

– Ох, извини, что так близко подошел. Тебя это явно смущает. Я даже отсюда слышу, как тяжело ты дышишь. Я понял! Дело не в этом. Помню, во времена, когда мы стояли друг к другу еще ближе, чем несколько секунд назад, ты со-

вершенно не смущалась и дышала полной грудью. Думаю, дело в твоём настроении. Ты подавлена из-за краха компании «Ляньцзи». Её больше нет в стране, а ты потеряла любимую работу. Дай угадаю? В тот проклятый год, когда я влип в похожий инцидент, ты злорадствовала и думала: «Поделом ему!» Сегодня проклятие пищевой промышленности обрушилось и на тебя. Однако я совсем не рад этому и не думаю, что ты получила по заслугам. Я не такой мелочный, как ты. Могу предложить тебе поработать под моим началом. Забудем о ссорах, будем работать вместе. О, это будет полезно! Для взаимного контроля.

Цзян Чунъян говорил и говорил, когда к нему подошел молодой человек в такой же строительной каске. Поправив на переносице очки, он сказал:

– Босс, та стена, кажется, немного кривая. Можете посмотреть?

Цзян Чунъян указал пальцем на Линь Юхун и, обращаясь к молодому человеку, сказал:

– Не зови меня боссом! Если ты будешь так делать, моя девушка подумает, что я из мафии. Ха-ха-ха!

Его собеседник тоже усмехнулся:

– Вы вроде как говорили, что ваша девушка умерла? В тот день вы перебрали с алкоголем и буквально захлебывались в слезах. Неужто она ожила?

Цзян Чунъян ответил:

– Я был пьян до полусмерти.

Сердце Линь Юхун лихорадочно стучало в груди. Она не выдержала, резко развернулась и попыталась уйти, но споткнулась о свою же ногу. Цзян Чунъян протянул руку, чтобы помочь ей, снова посмотрел ей в глаза и заметил:

– Ты плачешь?

Линь Юхун ожесточенно терла кулаками глаза.

Цзян Чунъян продолжил ее расспрашивать:

– Ого! Ты и правда плачешь? Почему? Неужели у тебя ко мне остались какие-то чувства? В глубине души ты по-прежнему хочешь быть со мной?

Линь Юхун мысленно надрывала горло и кричала: «Заткнись, Цзян Чунъян, заткнись!», но в действительности ничего не сказала. Ей казалось, что горло сдавливает тугой узел, а острая боль иглами впивается в тело. Линь Юхун могла бы развернуться и сбежать, спрятаться далеко-далеко, но ее сердце и мысли остались бы здесь. Линь Юхун развернулась и побежала, а перед глазами все маячила строительная каска Цзян Чунъяна. Как такое может быть? Многие годы она ничего о нем не слышала, и вот он внезапно врывается в ее жизнь. Ее терзали вопросы. Что он вообще забыл на этой стройке? Снизолел до работы штукатурщиком? В лучшем случае он был руководителем фирмы-подрядчика. Линь Юхун совершенно не волновало, на какую строительную площадку она умудрилась зайти, ей было все равно, что за здание возвышалось за спиной Цзян Чунъяна. Она не по-

нимала, почему, увидев его, испугалась так сильно, словно увидела приведение, и почему не придумала ничего лучше, кроме как убежать.

Линь Юхун разъяренно шагала вперед, чеканя каждый шаг. Она подняла голову и увидела Юй Сяо, которая смотрела на нее, замерев от удивления. Спустя какое-то время Юй Сяо спросила:

– Что случилось? У тебя такое бледное лицо, как будто увидела призрака!

Линь Юхун невольно оглянулась назад. К счастью, никого не было видно. Она собралась с мыслями и поспешно придумала отговорку:

– Пф! А какое у меня еще может быть лицо, если ты весь день меня преследуешь? Я скоро обделаюсь от страха.

Юй Сяо почувствовала что-то неладное. Она посмотрела туда, куда оглянулась Линь Юхун, но ничего интересного не увидела. Юй Сяо успокоилась. К ней вернулась былая безмятежность. Она шагнула вперед, обхватила плечи Линь Юхун и, словно кокетничая, сказала:

– Старшая сестренка Линь, пойдем. Я целый день тебя ждала!

Линь Юхун подозрительно спросила:

– Откуда ты узнала, что меня нужно искать именно здесь?

В глазах Юй Сяо мелькнула паника, но она сразу же собралась и, хихикнув, сказала:

– У меня нет никаких суперсил или экстраординарных

способностей. Я ничего особенного не сделала, только отправила к тебе своих шпионов.

Линь Юхун, сомневаясь, ответила:

– Тебе старый Сун сказал, да?

Юй Сяо улыбнулась и ответила:

– Ох, сестренка Линь, ты обманом заставила меня ждать тебя у главного входа в квартал! Я всматривалась в каждого человека, надеясь, что это ты, и только потом до меня дошло, что ты ускользнула другим путем! Конечно же, я спросила у своего шпиона! Сестренка Линь, не вини старого Суна. Он заботится о тебе, волнуется, переживает, что тебе будет скучно одной дома. Он хочет, чтобы ты...

Линь Юхун перебила ее и едко процедила:

– О, так это старый Сун попросил тебя наглým образом притащиться ко мне домой?

Юй Сяо сказала:

– Конечно, нет. Старый Сун никогда не осмелился бы делать что-то, не уведомив тебя. Кроме того, мне кажется, что он недолюбливает отель «Цзиньхун» и думает, что Линь Юхун должна быть настоящим премьер-министром, а не каким-то там генеральным директором.

Линь Юхун почти рассмеялась – так насмешили ее слова Юй Сяо. Несмотря на то что Юй Сяо преувеличивала, Линь Юхун хорошо знала мужа. Она сдержала смех и нарочито сурово сказала:

– Я знаю, что вы всегда высмеиваете старого Суна за его

же спиной. Напоминаю, это равносильно тому, чтобы смеяться надо мной.

Юй Сяо удивилась:

– Сестренка Линь, ну что ты такое говоришь? Кто смеется над старым Суном? Неужели ты думаешь, что старый Сун – это человек, над которым можно насмехаться? Не стоит смотреть в котел, пока не доел пиалу риса. Где ты еще найдешь такого надежного, честного, преданного человека?

Линь Юхун наконец позволила себе рассмеяться. Она сказала:

– Поделом ему! Вот что бывает, когда кто-то занимается шпионажем.

Машина Юй Сяо была припаркована неподалеку. Она вцепилась

в Линь Юхун и потянула ее к ней. Садясь на пассажирское сиденье, Линь Юхун увидела Чжао Цзинцзы, сидевшую рядом. В ее душу закрались смутные сомнения. Она спросила:

– Вы что, сговорились схватить меня? Чжао Цзинцзы, с каких это пор ты в одной лодке с Юй Сяо?

Юй Сяо звонко рассмеялась:

– Чжао Цзинцзы просто ошиблась лодкой и потому вынуждена следовать за мной. Подумаешь, большая трагедия!

Чжао Цзинцзы мягко улыбнулась и сказала:

– Все в порядке, не воспринимай ее слова всерьез. Просто я частенько забегала к Юй Сяо, чтобы выпить чашку чая, поболтать о том о сем. Это то же самое, как если бы ты при-

бегала ко мне, чтобы выпустить дух и обругать всех на чем свет стоит.

Услышав ответ Чжао Цзинцзы, Линь Юхун подумала, что действительно перегнула палку. Мысленно она признала, что была неправа, но сказала другое:

– Если бы я не воспринимала вас двоих всерьез, вы давно бы уже продали меня кому-нибудь.

Юй Сяо хмыкнула:

– Ой, да кому ты нужна? Не спорю, ты привлекательна, но возраст уже не тот...

Линь Юхун состроила кислую мину и процедила:

– А ты, молодая и красивая Юй Сяо, немного сбилась с пути. Советую больше не давить на жалость, – и тут же принялась передразнивать Юй Сяо: – Старшая сестренка Линь, я дважды выходила замуж и разводилась, пожалуйста-пожалуйста, не бреди мои раны, иначе я не вынесу того, что ты раскопаешь, и заплачу!

Линь Юхун нравился сарказм. Она высказала, что думала, и замолчала. Внезапно ее сердце обожгла невыносимая боль. Неожиданное появление Цзян Чунъяна выбило из колеи. Она не понимала, что делать и куда идти. Ей было приятно сидеть в машине и препираться с Юй Сяо и Чжао Цзинцзы. Это было как укол анестезии. Она сделала это в полубессознательном состоянии, и к тому времени, когда действие анестезии прошло, боль в сердце только усилилась.

Наконец они добрались до кофейни, что располагалась в

отеле «Цзиньхун», и заказали чай. Юй Сяо перестала ходить вокруг да около и напрямую сказала:

– Старшая сестренка Линь, сначала мы выпьем чаю, а потом я тебе подробно расскажу о текущей ситуации в отеле. Ты поймешь, насколько все плохо. Во-первых, из отеля уходят высококвалифицированные сотрудники и персонал. Даже ассистент, что был со мной многие годы, покинул компанию.

Не успела Юй Сяо начать рассказывать, как ей позвонили. Она взяла трубку и резко изменилась в лице:

– Черт возьми. Опять что-то где-то случилось. Я пойду разберусь, а вы пейте чай. Дождитесь меня!

Юй Сяо поспешно выскочила из кофейни, но спустя мгновение вернулась и сказала, обращаясь к Линь Юхун:

– Я ни с чем не могу справиться. Сейчас возникла проблема, а я совершенно не представляю, как ее решить.

Юй Сяо ушла. Линь Юхун выждала какое-то время, ожидая ее возвращения, и сказала Чжао Цзинцзы:

– Ну что, тебе все еще хочется пресмыкаться перед ней?

Чжао Цзинцзы, как всегда, с равнодушной улыбкой ответила:

– Линь Юхун, ты слишком остра на язык. Будь снисходительнее, ладно? Я ни перед кем не пресмыкаюсь, не занимаю ничью сторону, всего лишь делаю то, что меня попросили, не больше и не меньше. Мне неважен результат. Для меня главное, что я приложила усилия, и все.

Линь Юхун спросила:

– Что? Ты делаешь то, что тебя попросили? Ну допустим, ты не пресмыкаешься перед Юй Сяо. А у кого, кроме нее, могут быть тогда скрытые мотивы? Кто может строить хитроумные планы?

Чжао Цзинцзы сохраняла спокойствие и безмятежно ответила:

– Линь Юхун, ты ошибаешься. Сегодня я приехала с вами не потому, что помогаю Юй Сяо затянуть тебя на работу в отель. Скажем так, у меня есть свои задачи...

Линь Юхун усмехнулась:

– Ого! В какой же момент Чжао Цзинцзы стала жить по принципу «я сама себе начальница»?

Та проигнорировала её колкость и прямо заявила:

– У меня есть поручение от Пу Цзяньцю. Господин Пу хочет сегодня с тобой встретиться и поговорить.

Услышав имя Пу Цзяньцю, Линь Юхун озадаченно нахмурилась:

– А зачем? Насколько я знаю, существует множество компаний, подконтрольных Пу Цзяньцю? Неужели он следит за деятельностью каждой из них? Какие еще обязательства у него есть перед Юй Сяо? Он действует из лучших побуждений, по доброй памяти, так сказать?

Чжао Цзинцзы ответила:

– Нет. То, что Юй Сяо приглашает тебя на работу в «Цзиньхун», не имеет никакого отношения к Пу Цзяньцю.

Аналогично желание господина Пу поговорить с тобой никак не связано с Юй Сяо или деятельностью отеля.

Линь Юхун недоверчиво поинтересовалась:

– Пф. Это невозможно, поскольку отель «Цзиньхун» находится под контролем компании «Цзиньдин».

Чжао Цзинцзы измученно улыбнулась. Казалось, это далось ей с большим трудом. Она сказала:

– Линь Юхун, все эти годы ты всю себя посвящала работе в компании «Ляньци» и совершенно не обращала внимания на то, что творилось под носом. Тогда Пу Цзяньцю передал отель Юй Сяо, компания «Цзиньхун» вышла из-под управления компании «Цзиньдин». Именно поэтому Юй Сяо круглыми сутками работает и не видит белого света. Если бы отель «Цзиньхун» по-прежнему имел надежную крышу в лице компании «Цзиньдин», ей не пришлось бы так страдать на работе.

Линь Юхун удивленно спросила:

– Почему же отель вышел из-под управления компании «Цзиньдин»? Быть может, это связано с их стремительным браком и разводом? В чем дело, Чжао Цзинцзы? Ты же их сваха!

Чжао Цзинцзы помедлила, прежде чем ответить:

– Я не знаю точно, что произошло. Однако вопрос независимости отеля, скорее всего, связан с проблемой раздела имущества.

Линь Юхун раздраженно сказала:

– Не уходи от темы, ладно? Никто не знает, что произошло между Юй Сяо и Пу Цзяньцю, но только не ты!

Чжао Цзинцзы устало сказала:

– Не спорю, я свела Юй Сяо и Пу Цзяньцю, но не знаю, как разворачивались события после их знакомства. Я не принимала участия в их отношениях.

Линь Юхун не удержалась и съязвила:

– Ох, подозреваю, что на самом деле Пу Цзяньцю – богатый жених, которого ты сама хотела прибрать к рукам, а потом до него дошло, что ты ему не подходишь. Он, должно быть, подумал, что вы слишком похожи, и потому ушел без зазрения совести.

Чжао Цзинцзы ответила:

– Все не так просто, как ты думаешь, – и сразу же невозмутимо перевела разговор: – Господин Пу ждет тебя. Я немного осведомлена, зачем ты ему понадобилась. Сейчас он занят реконструкцией старого здания, в котором планирует открыть новую гостиницу. Он хотел услышать твое мнение на этот счет. Когда тебе удобно с ним встретиться?

Линь Юхун терзали вопросы. Какие отношения связывали всех этих людей? Все это было очень... странно. Как и сказала Чжао Цзинцзы, в прошлом все ее внимание было сосредоточено на деятельности «Ляньцзи». Линь Юхун совершенно не волновало происходившее за ее пределами. Теперь же она возвращается в мир, который не переставал существовать, пока она была поглощена работой, в атмосфере,

чье имя – истинный хаос.

Линь Юхун – самоуверенная и прямолинейная и почти никогда не сомневается в своей правоте. Такие люди не любят неведения. Линь Юхун поняла, что Чжао Цзинцзы что-то скрывает, и бесцеремонно заявила:

– Чжао Цзинцзы, отвечай, потому ты пытаешься договориться со мной о встрече от имени Пу Цзяньцю? Обычно людям, несущим самую большую ответственность, доверяют. Как ты, женщина, которой Пу Цзяньцю доверяет как себе, можешь не знать всего? Не пытайся меня одурачить!

Чжао Цзинцзы попыталась возразить:

– Линь Юхун, разве я могу обманывать тебя? Да, господин Пу поручил мне договориться с тобой о встрече, но это не означает, что я пытаюсь тебя обмануть.

Линь Юхун категорично сказала:

– Ты опять пытаешься уйти от разговора! Я говорю не о том, что ты врешь мне, а о том, что что-то скрываешь.

Чжао Цзинцзы закатила глаза и спросила:

– Что ты хочешь знать?

Линь Юхун ответила:

– Во-первых, почему Юй Сяо и Цзян Чунъян развелись? Не говори, что дело в характере Юй Сяо, я не поверю. Во-вторых, как Юй Сяо умудрилась выскочить замуж за Пу Цзяньцю сразу же после развода с Цзян Чунъяном? Почему они развелись спустя год совместной жизни? Что, черт возьми, происходит? Не говори мне, что Юй Сяо такой человек,

я не поверю в эту чушь!

Чжао Цзинцзы вздохнула:

– Ох, Линь Юхун, прошло столько лет, а ты все так же любишь лезть не в свое дело. Твое любопытство стало только сильнее. Это не доведет до добра. Ты слишком... необычная. Слишком!

Она сделала паузу, как бы обдумывая, стоит ли говорить дальше, и после секундной паузы все же произнесла:

– Линь Юхун, твое поведение заставляет меня думать, что ты до сих пор не отпустила Цзян Чунъяна!

Сердце Линь Юхун пронзила боль. Ей не хотелось больше спорить, но таков был ее характер. Из последних сил она сказала:

– Не пытайся водить меня за нос. Что происходит между тобой и Пу Цзяньцю? Один из вас разведен, другой всегда был свободен.

Внезапно она все поняла. Она выждала время, чтобы обдумать догадку, и спросила, показывая пальцем на подругу:

– Чжао Цзинцзы, все эти годы ты совсем одна! Ждешь кого-то особенного?

Та сразу покраснела, но взяла себя в руки и сказала так спокойно, как только могла:

– Думай и говори, что хочешь. Я должна выполнить поручение господина Пу. Мне нужен твой четкий ответ, увидишься с ним или нет? Если нет, так и скажи, чтобы я передала ему...

Линь Юхун недоверчиво посмотрела на Чжао Цзинцзы и проворчала:

– Напоминаю: несмотря на отсутствие возлюбленной, он богатый, завидный холостяк. Ты уверена, что он – твоя судьба? Не повторяй ошибок Юй Сяо! Ей пришлось нелегко.

Чжао Цзинцзы совсем не задела неприятная правда, и она рассмеялась, понимая, что такова Линь Юхун – у нее острый язык и доброе сердце. Ей не хотелось спорить с подругой, поэтому она невозмутимо вернулась к теме разговора:

– Линь Юхун, неужели тебе так сложно встретиться с Пу Цзяньцю? Твое сердце полно тщательно скрываемых чувств. Ты не устала от этого?

Линь Юхун поднялась, чтобы уйти и сердито сказала:

– Если не хочешь сказать мне правду, значит, я не буду слушать тебя и уж тем более встречаться с Пу Цзяньцю. Пока-пока!

Чжао Цзинцзы сказала в спину уходящей Линь Юхун:

– Лучше всего ты умеешь убегать. Однако убегая, остаешься ни с чем. Линь Юхун совершенно не волновали ее слова. Ей было неважно, чем

все закончится. Она стремительно выскользнула из дверей отеля, взяла такси и умчалась подальше от этого места.

Глава VI. Пропавшая лапша

Следуя внезапному порыву, Линь Юхун решила вернуться на улицу закусочных. Таксист мог остановить машину прямо у главного входа в квартал Лиду Хуаюань, но, проезжая мимо улицы Гуйсян, Линь Юхун краем глаза заметила ларек, где продавалась холодная лапша лянпи – любимое блюдо дочери. Сердце Линь Юхун дрогнуло, и она попросила таксиста остановиться.

Холодная лапша лянпи приготовлена просто изумительно: тонкие нити были чистыми и почти прозрачными, а пряный аромат кружил голову. Выглядело все весьма аппетитно. Линь Юхун взяла порцию лапши и направилась домой. В этот момент кто-то окликнул ее:

– Председатель Цзян, здравствуйте.

Линь Юхун решила не откликаться и упрямо пошла вперед, и тут же ее заметил другой человек:

– Председатель Цзян решила купить еды?

В разговор вклинился еще один человек:

– Председатель Цзян, вы, как я помню, живете прямо на улице Гуйсян? Наверняка вам очень удобно добираться на работу.

Линь Юхун не знала, смеяться или плакать. Она вошла в свой квартал, дошла до дома и увидела стоявшего неподалеку

ку седовласого старика, который, заметив Линь Юхун, сразу же расплылся в широкой улыбке и спросил:

– Вы вернулись?

К большому счастью Линь Юхун, старик не назвал ее председателем Цзян. Он понял, что она его не узнала, и потому поспешил представиться:

– Моя фамилия Пань. Я кадровый работник комитета жителей улицы Гуйсян, занимаюсь профилактическим ремонтом. Мне передали, что с вашей газовой плитой что-то случилось. Я прибыл, чтобы решить вашу проблему.

Неподалеку от старика стояла нянечка средних лет, которая вышла во двор с ребенком соседей прогуляться. Она обратилась к Линь Юхун:

– Уважаемый мастер прождал тебя целый день!

Линь Юхун замерла на мгновение. Действительно, вчера Сяо Чэнь говорила, что мастер Пань занимается ремонтом. Ей не хотелось иметь никаких дел с комитетом жителей улицы Гуйсян, но раз уж мастер пришел, да еще и прождал ее целую вечность, она могла лишь пригласить его войти. Когда они оказались в квартире, Линь Юхун сказала:

– Кажется, газовая плита на самом деле не сломана, но, раз уж вы пришли, пожалуйста, посмотрите ее.

Мастер Пань подошел к плите, попробовал зажечь огонь и спросил:

– Огонь перестает гореть, как только вы отпускаете ручку?

Линь Юхун ответила:

– Да, верно. Когда члены моей семьи пользуются плитой, у них не возникает такой проблемы. Это немного странно.

Мастер Пань хмыкнул:

– Ничего странного. У механизма зажигания действительно есть какие-то неполадки.

Линь Юхун удивилась:

– Тогда почему же мой муж или дочь не сталкиваются с такой проблемой, когда готовят?

Мастер Пань пожал плечами:

– Думаю, дело в том, что они часто пользуются плитой, вот и привыкли к характеру плиты, так сказать.

Линь Юхун поинтересовалась:

– А что, у плиты может быть свой характер?

Мастер Пань широко улыбнулся:

– Конечно! Если бы эта плита была человеком, она была бы спокойной, даже немного меланхоличной. У вас же характер взрывной, вы отпускаете ручку, как только огонь зажегся, что не совсем правильно. Нужно набраться терпения. Когда огонь зажжется, не торопитесь убирать руку, сначала слегка нажмите на ручку, а затем медленно расслабьте пальцы. Попробуйте.

Линь Юхун неуверенно подошла к плите и сделала так, как ей посоветовал мастер. Успешно! Огонь зажегся и не погас. Линь Юхун удивилась и решила попытаться еще раз. И снова успешно! Она не удержалась и протянула:

– Ого!..

Мастер Пань сказал:

– Думаю, вы быстро привыкнете к характеру плиты. Но если быть честным, в механизме зажигания действительно есть некоторые изъяны. Проблема незначительная, но, боюсь, лично я не смогу ее решить.

Линь Юхун наконец-то научилась самостоятельно зажигать огонь. Она была безумно рада и стала рассыпаться в благодарностях:

– Спасибо, спасибо большое вам, мастер Пань!

Сначала она задумалась, откуда он узнал о ее проблеме, а потом догадалась, что, скорее всего, Сяо Чэнь рассказала. Линь Юхун немного недолюбливала ее и не хотела верить в то, что та сделала хоть что-то хорошее. Она достала кошелек и спросила мастера:

– Уточните, пожалуйста, сколько я должна вам?

Мастер Пань рассмеялся:

– Бесплатно! Комитет жителей оказывает услуги ремонта совершенно бесплатно!

Одновременно с этим мастер Пань достал из своей сумки толстенную тетрадь, обложку для которой он, очевидно, сделал вручную, протянул ее Линь Юхун и попросил:

– Поставьте, пожалуйста, оценку. Таково требование комитета.

Линь Юхун бросила взгляд на пожелтевшие листы тетради. Это был журнал записей технического обслуживания. Около трид-

цати страниц, испещренных столбцами и строчками: «состояние технического обслуживания», «имя и фамилия», «место жительства», «содержание технических работ», «описание неполадок», «заказчик», «комментарии», «статус работ и предоставления услуг». В самом последнем столбце собственник указывал оценку: «хорошо», «средне» и «плохо». Линь Юхун перевернула страницу и увидела свое имя, рядом с которым указано содержание технических работ – «гаснет огонь при включении плиты...» и примечание: «...если перестать держать ручку». Судя по всему, жители весьма подробно заполняли журнал, а работники комитета внимательно анализировали записи. В столбце «способ оказания услуг» было написано «ремонт на дому», а в последнем нужно было поставить оценку. Линь Юхун внимательно просмотрела предыдущие записи. Все жители, которым пришлось обратиться к мастеру Паню, остались довольны его услугами, а кто-то и вовсе подписал от руки «очень хорошо». Линь Юхун поставила галочку в графе «хорошо» и передала тетрадь мастеру. Положив ее в сумку, он попрощался и ушел.

Линь Юхун невольно вспомнила о Сяо Чэнь, противной молодой девушке из комитета жителей, которая вела себя так, словно не имела к ее проблемам никакого отношения. Первое впечатление трудно изменить. Быть может, Линь Юхун слишком критично отнеслась к Сяо Чэнь? После визита мастера волнение Линь Юхун постепенно улеглось, и она поняла, что проголодалась. Линь Юхун бросила взгляд

на часы: почти час дня. Она достала из холодильника обед, который Сун Лимин приготовил для нее утром, и собралась разогревать еду, как вдруг заметила, что холодная лапша лянпи, купленная ею для Сун Сяоси, куда-то исчезла. Линь Юхун помнила, что, придя домой, поставила коробочку в холодильник, но та таинственным образом испарилась. Линь Юхун присмотрелась внимательнее и поняла, что лапша превратилась в черную жижу. Она долго рассматривала в коробочке нечто черное, что образовалось на месте когда-то кристально чистой лапши, и не понимала, как такое могло случиться. Сердце бешено колотилось в груди. Хорошо, что она купила лапшу утром. Если бы это случилось вечером, любимое блюдо дочери оказалось бы смертельным ядом.

Она задумалась о беспределе, творившемся на улице Гуйсян. Да, она славилась своими закусками и лакомствами, но лоточники умудрялись продавать некачественный товар. Судя по всему, муниципальное управление препятствовало только мелким торговцам, которые ставили лотки посреди улицы. Конечно же, продовольственная безопасность гораздо важнее, чем стычки с лоточниками! Качество продуктов – это буквально вопрос жизни и смерти. Линь Юхун погрузилась в раздумья, из которых ее вывел звонок в дверь. Она посмотрела в глазок и увидела Юй Сяо – видимо, она решила преследовать ее до дома. Ну и надоедливая же особа! Линь Юхун приоткрыла дверь и спросила:

– Откуда ты узнала, что я дома? Ты не думала, что можешь

не застать меня?

Линь Юхун всегда была крайне красноречива. Юй Сяо не желала уступать и сразу же начала тараторить:

– Ой, старшая сестренка Линь, ты осталась без работы, где же еще можешь быть... Я хотела застать тебя врасплох и посмотреть, чем ты занимаешься дома?

Линь Юхун ответила:

– Ну, как ты говоришь, я безработная. Чем я могу, по твоему, заниматься?

Юй Сяо наигранно надула щеки и смерила Линь Юхун с ног до головы изучающим взглядом:

– Хм-хм-хм! Ты прекрасно знаешь, как важно мне было поговорить с тобой и как сложно договориться. В очередной раз ты сбежала! Это не похоже на тебя. Я была обязана лично приехать и разведать обстановку, вдруг что-то случилось.

Линь Юхун совершенно не интересовало, что говорила Юй Сяо. Она направилась к холодильнику и достала коробочку с черной жижей, в которую превратилась некогда прозрачная холодная лапша лянпи. Протянув ее Юй Сяо, Линь Юхун заявила:

– Вот что действительно страшно. Раньше я слышала о том, что на улице Гуйсян творится настоящий беспредел, но не приходилось с подобным сталкиваться. Я не могу поверить, что все настолько плохо. Почему рынок не регулируется, а бизнес улицы не контролируется? Каждый день сотни людей что-то покупают на улице, чтобы выпить или съесть.

Это же просто ужас какой-то!

Немного помолчав, Линь Юхун добавила:

– Кто вообще должен контролировать улицу Гуйсян? Управление промышленно-торговой администрации? Муниципальное управление? Санитарно-эпидемиологические службы? Комитет жителей?

Юй Сяо звонко рассмеялась:

– Почему ты подумала про комитет жителей? Какое отношение он может иметь к продовольственной безопасности улицы Гуйсян?

Линь Юхун сказала:

– В любом случае она подконтрольна комитету. Вчера мне нужно было зайти туда по своим делам. На одной из стен я увидела табличку с именем человека, в чьей компетенции регулирование деятельности улицы закусочных. В комитет меня привела проблема с газовой плитой. В тот день там не было мастера, который мог бы мне помочь, и я решила забыть об этом. Не думала, что сегодня комитет отправит его ко мне для устранения неполадок.

Вспомнив, что вчера вечером старый секретарь лично прибыла к дверям квартиры Линь Юхун, чтобы урегулировать конфликт, Линь Юхун растроганно добавила:

– Да уж, кадровым работникам комитета приходится нелегко...

Юй Сяо перебила ее:

– Старшая сестренка Линь, я полдня терпела твои выход-

ки; кажется, тебя совершенно не волнуют мои проблемы. Ты, наверное, думаешь, что я крупная начальница, которая умирает от скуки на работе и потому готова слушать твои рассказы о комитете жителей. Я пригласила тебя поехать в отель, ты же пообщалась со мной немного и сбежала. Я пришла к тебе домой, а ты даже не извинилась! Не предложила мне ни сесть, ни стакан воды, а сразу же начала говорить про какой-то комитет. Думаешь, именно он предложит тебе новую работу?

Линь Юхун пришла в себя и сказала:

– Я знаю, что ты не работаешь в комитете жителей и я тоже. Однако меня не так легко провести, как ты думаешь. Скажи, почему ты так отчаянно пытаешься зазвать меня на работу в «Цзиньхун»? Какую цель ты преследуешь? Если не расскажешь подробности, я даже думать о работе в отеле не стану.

Юй Сяо вздохнула с облегчением:

– Старшая сестренка Линь, я даже рада, что ты так говоришь. Значит, ты хоть немного думаешь об отеле. Однако что ты сказала, когда я вошла в дверь твоей квартиры?

Линь Юхун не думала, что вела себя как-то странно, и поэтому спросила:

– А что я сказала?

Юй Сяо ответила:

– Знаешь, старшая сестренка Линь, правду говорят, что со стороны всегда виднее. Ты совсем ничего не понимала. Ты

просто... Просто... сама не своя! Давай вернемся к нашему разговору. Сегодня ты побывала в отеле «Цзиньхун». Думаю, что в основном ситуация тебе ясна. Что думаешь?

Линь Юхун сказала:

– Да ладно тебе! Не так давно я проводила своего прежнего начальника на родину и решила хоть несколько дней отдохнуть, побыть с семьей.

Юй Сяо начала тараторить:

– Старшая сестренка Линь, разве это то, в чем ты нуждаешься? Я тебя слишком хорошо знаю, не пытайся притворяться! Всей душой ты любишь работу. Думаю, что помимо семейных дел тебя тревожит что-то еще! Мне кажется, ты пытаешься усидеть на нескольких стульях сразу.

Линь Юхун бесцеремонно спросила:

– Тебе какое дело?

Юй Сяо сказала:

– Потому что ты пытаешься усидеть не на стульях, а на самых настоящих бомбах, которые рано или поздно взорвутся и разнесут тебя на клочки!

Линь Юхун, конечно же, поняла, на что намекала Юй Сяо. Она догадалась, что, скорее всего, подруга давно поняла, что Чжао Цзинцзы – посредник Пу Цзяньцю. Линь Юхун никак не могла понять, как Юй Сяо и Пу Цзяньцю втянули Чжао Цзинцзы в свою игру. Что за хаос царил в отношениях трех людей? Ими двигали любовь и ненависть? Или притворные страдания? Или же дело было в тактике открытых городских

ворот²⁷?

Подруги были на грани ожесточенной ругани, когда телефон Линь Юхун резко зазвонил. Обычно приятная мелодия звонка ударила по ушам. Линь Юхун взяла телефон и увидела, что звонок с незнакомого номера, поэтому тут же прервала его и продолжила разговор с Юй Сяо.

Через некоторое время телефон зазвонил вновь. Линь Юхун раздраженно посмотрела на экран: все тот же неизвестный абонент. Незнакомец был настойчив, но Линь Юхун была еще упрямее. Она снова прервала звонок. Юй Сяо пристально всматривалась в лицо подруги, словно надеясь уличить ее в непростительном проступке, и с вызовом сказала:

– Тебе неудобно при мне ответить?

Линь Юхун процедила:

– Я не отвечу на звонок с неизвестного номера, даже когда ты уйдешь.

Юй Сяо сказала:

– И правда. Не так давно я получила урок. Несколько дней тому назад мне позвонил незнакомый абонент. Он звонил и звонил, а я не отвечала. После трех звонков я все-таки не выдержала и взяла трубку. В итоге я нарвалась на мошенника, который не остановится, пока не получит что хочет.

---

²⁷ Здесь речь идет о случае из биографии известного китайского полководца и государственного деятеля эпохи Троецарствия Чжугэ Ляна, когда он, оказавшись в осажденном городе с горсткой воинов перед лицом огромной армии, приказал им открыть все ворота, взять метлы и подметать улицы, сам же уселся на городской стене и заиграл на лютне. Противник, заподозрив неладное, отступил.

Юй Сяо не успела договорить, как телефон зазвонил снова. Линь Юхун ехидно сказала, обращаясь к владельцу незнакомого номера, который ее не услышит:

– Звони, звони! Я не возьму трубку.

Юй Сяо решила подсказать:

– А вдруг это курьер? Ты не берешь трубку, а он не может найти получателя. Если это надежная компания экспресс-доставки, товар сразу же вернут на склад.

Линь Юхун возразила:

– Невозможно. Я никогда ничего не покупаю в интернете.

Юй Сяо спросила:

– А вдруг кто-то из членов семьи что-то заказал?

Линь Юхун не удержалась и съязвила:

– А ты, я так посмотрю, просто гуру интернет-покупок! У тебя много опыта.

Они не смогли продолжить разговор, потому что телефон вновь зазвонил. Линь Юхун прервала входящий вызов, но тишину снова нарушил пронзительный писк телефона. На экране высветился незнакомый номер, но не тот, что раньше, а другой. Ей поступило три звонка с нового незнакомого номера.

Линь Юхун раздраженно включила режим полета. Воцарилась тишина – никто не мог до нее дозвониться. На душе было беспокойно: кажется, звонки с незнакомых номеров совершались, чтобы проверить ее. Решив избавиться от неприятного чувства, Линь Юхун возобновила разговор с Юй Сяо:

– Давай, говори уже. Ты так жалобно просишь меня начать работать в отеле «Цзиньхун», и все ради чего? С кем я должна справиться? Чем заниматься? Ты прекрасно знаешь, какой у меня характер. Неужели ты думаешь, что я влезу в сомнительную авантюру, если держать меня в неведении? Рассказывай все как есть.

Не дожидаясь ответа, Линь Юхун выключила на телефоне режим полета. Увидев это, Юй Сяо протянула руку, чтобы на что-то показать, как на экране высветилось сообщение. Линь Юхун открыла его и прочла: «Здравствуйте, вас беспокоит Сяо Чэнь из комитета жителей улицы Гуйсян. У меня для вас срочное дело. Очень срочное! Пожалуйста, как можно скорее перезвоните мне. Вы также можете связаться с учителем Юй или мастером Панем. Номера указаны ниже». Сообщение заканчивалось несколькими эмодзи покрасневшего лица в поту. Все это показалось Линь Юхун очень странным.

В порыве гнева Линь Юхун удалила сообщение и снова перевела телефон в режим полета. Настроение окончательно испортилось.

Юй Сяо недоумевающе посмотрела на Линь Юхун и сказала:

– Почему ты так быстро удалила это сообщение?

Линь Юхун пожала плечами:

– Не захотела его читать.

Юй Сяо многозначительно протянула:

– Очень интересно, кто умудрился тебя так разозлить.

Линь Юхун честно сказала:

– Маленькая чертовка из комитета жителей.

Юй Сяо замерла от удивления и недоверчиво спросила:

– Маленькая чертовка? А кто это? Неужели... Если ты кого-то назвала чертовкой, значит, старый Сун...

Линь Юхун рассерженно и в то же время взволнованно перебила ее:

– Фу! Что ты несешь? Не каркай мне тут! Мой Сун Лимин, вообще-то, в отличие от некоторых.

Полные яда слова не успели сорваться с губ Линь Юхун – ее полную едкого сарказма тираду прервал чрезвычайно важный звонок на телефон Юй Сяо. Она сорвалась с места и помчалась к выходу из квартиры, но, остановившись в дверях, обернулась и бросила:

– Не радуйся, что я ухожу, сестренка Линь. Подожди, я до тебя обязательно доберусь!

Линь Юхун долгое время смотрела на дверь, за которой скрылась Юй Сяо. В голове роились различные мысли. Ей казалось, что девушка, которая когда-то приходилась ей однокурсницей, становится все более незнакомой и непонятной. Телефон запищал и вырвал Линь Юхун из размышлений.

Она бросила быстрый взгляд на экран – очередной звонок с того самого незнакомого номера. Очевидно, звонила Сяо Чэнь. Линь Юхун чувствовала, что на дух ее не переносит, но несмотря на это решила принять вызов. Поняв, что соедине-

ние наконец-то установилось, абонент сразу же затараторил:

– Вице-президент Линь, это Сяо Чэнь!

Линь Юхун недовольно поинтересовалась:

– Откуда у вас мой номер телефона?

Сяо Чэнь не ответила на ее вопрос и продолжила говорить:

– Я целую вечность прождала вас на первом этаже вашего дома, не хотела тревожить. Увидев, что ваша гостья ушла, я решила позвонить и.

Линь Юхун бесцеремонно перебила ее и спросила:

– Что вам надо?

Сяо Чэнь ответила:

– Я позвоню в ваш подъезд, пожалуйста, запустите меня, и я поднимусь.

Не успела она договорить, как видеодомофон механическим голосом сказал:

– У вас гости. Пожалуйста, откройте дверь.

Маленькая чертовка, что просто протирала штаны в комитете жителей и выводила людей из себя, сидела у Линь Юхун в печенках. Она была в бешенстве от того, что Сяо Чэнь хватило наглости явиться к ней домой. Линь Юхун злилась и чувствовала, что происходит что-то неладное, поэтому поспешно сказала:

– Не нужно подниматься. Я сама спущусь.

На что Сяо Чэнь возразила:

– Все в порядке! Не хочу беспокоить вас, потому подни-

мусь.

Да уж, наглости Сяо Чэнь не занимать! Ее совершенно не волновало, как к ней относятся другие люди и что прямо сейчас она была нежеланным гостем. Или девушка ничего не понимала, или же намеренно строила из себя дурочку. Линь Юхун решила больше ничего не говорить и спустилась на лифте.

Когда Линь Юхун вышла, Сяо Чэнь и охранник о чем-то беспечно болтали. Увидев Линь Юхун, Сяо Чэнь стремительно пошла к ней, широко улыбаясь, но это лишь раздражало. Она совершенно не походила на Сяо Чэнь, что бездельничала вчера на рабочем месте в комитете жителей.

Линь Юхун не смогла удержаться от соблазна съехидничать:

– Надо же! Кадровый работник почтил меня визитом. Стало быть, вы готовы выполнять свою работу?

Сяо Чэнь сказала:

– Пожалуйста-пожалуйста, не стоит благодарности!

Линь Юхун безапелляционно отрезала:

– Я не собиралась вас благодарить. Все, что мне нужно, – узнать причину вашего визита. Сначала вы, прикидываясь заботливой, направили ко мне мастера для починки газовой плиты. Мастер Пань ушел не так давно, а теперь вы нарисовались на пороге моего дома. Все было заранее спланировано, ведь так?

Выражение лица Линь Юхун становилось все суровее.

Она потребовала:

– Говорите, зачем пришли. Неужели я опять кого-то обманула на деньги?

Улыбка исчезла с лица Сяо Чэнь, и она испуганно ответила:

– Нет-нет, что вы. Старый секретарь попросила меня принести вам визит...

Линь Юхун, не церемонясь, перебила ее:

– Что за старый секретарь? Не припоминаю такого человека.

Несмотря на то что старый секретарь помогла Линь Юхун выпутаться из вчерашнего конфликта, она не горела желанием общаться со всеми этими людьми. Ей была противна сама мысль об этом. Линь Юхун резко добавила:

– Да что там старый секретарь? Я и вас не припоминаю. Моя семья не примет визитов от незнакомцев. Уходите.

Заметив, что Сяо Чэнь никуда не собирается уходить, Линь Юхун грозно заявила:

– Предположим, старый секретарь уже заходила ко мне и даже принесла извинения. Что дальше?

Линь Юхун многое хотелось ей высказать, но сдержалась и, сменив тон голоса, сказала:

– На самом деле ей не нужно было извиняться. Она не тот человек, который должен просить у меня прощения. В том конфликте виновны другие люди.

Сяо Чэнь беззаботно поинтересовалась:

– Вы думаете, что я должна перед вами извиниться? В таком случае приношу свои извинения. На самом деле мне все равно. Все совершают ошибки. Не я сказала вчерашним зачинщикам скандала ваши имя и адрес. Честно, не я. Жители улицы Гуйсян и примыкающего к ней района, особенно живущие в старых домах, в большинстве своем знают вас.

В это было невозможно поверить. На протяжении стольких лет работы в компании «Ляньцзи», переезда в квартал Лиду Хуаюань Линь Юхун передвигалась исключительно на машине. У нее никогда не было ни времени, ни возможности прогуляться по району улицы Гуйсян, заглянуть на рынок. Откуда же тогда люди знали, кто она такая? Заподозрив, что маленькая чертовка сейчас продолжит стоять на своем, Линь Юхун решила атаковать первой:

– Вы ошиблись. Мы точно не знакомы. Надеюсь, вы не планируете разыграть очередной спектакль, как госпожа Ся? Сяо Чэнь, сохраняя спокойствие, сказала:

– Я вас не обманываю. Вы почти не общаетесь с жителями района улицы Гуйсян, но ваш муж, Сун Лимин, знает почти всех в округе.

Линь Юхун поняла, что ей нечего возразить. Сун Лимин и правда был открытым человеком, мог найти общий язык с кем угодно, любил поболтать с соседом. Не важно, чем он занимался, покупал ли продукты или же продавал старье, всегда находил собеседника по душе. Однако Сун

Лимин – это Сун Лимин, а Линь Юхун – это Линь Юхун.

Они не могли представлять друг друга.

Заметив, что Линь Юхун начинает уступать, Сяо Чэнь продолжила:

– Сун Лимин часто упоминает вас в разговорах с другими людьми. Он безумно гордится вами.

Чем больше Линь Юхун слушала доводы Сяо Чэнь, тем лучше понимала, что теряет преимущество в разговоре. Язык у Сяо Чэнь был без костей, девушка зачастую начинала говорить, не подумав. Однако сейчас Линь Юхун верила всему, что Сяо Чэнь говорила о Сун Лимине, и чувствовала себя крайне неловко и сконфуженно. Тем не менее она не хотела сдаваться и, собравшись с мыслями, твердо заявила:

– Все, что вы сказали, не имеет ко мне никакого отношения.

Сяо Чэнь звонко рассмеялась, но Линь Юхун заметила, что смех наигранный. Здесь и сейчас девушка совершенно не была похожа на вчерашнюю Сяо Чэнь, которая искренне веселилась на рабочем месте.

Линь Юхун прекрасно умела держать неугодных на расстоянии. Если Сяо Чэнь и правда хотела снискать ее расположение, она была обречена на провал.

– Сун Лимин прекрасно ладит с людьми. С ним приятно иметь дело. Он знаком не только со многими жителями улицы Гуйсян, но и с медицинским персоналом, что работает в районной больнице, и со всеми в хороших отношениях.

Линь Юхун была очень чувствительна по отношению к то-

му, что говорили другие, и поинтересовалась:

– А, то есть вы хотите сказать, что я вообще не умею ладить с людьми?

Договорив, она почувствовала, что Сяо Чэнь не это имела в виду, поэтому, сменив тон, продолжила:

– Дело в том, что в прошлом году моя матушка была на лечении в районной больнице.

Сяо Чэнь улыбнулась:

– Да! Все думали, что она вам приходится бабушкой...

Линь Юхун казалось, что она от удивления проглотила язык. Сяо Чэнь заставила ее замолчать всего лишь одним предложением!

Прошлой зимой мать Линь Юхун поскользнулась и сломала кости. Врачи прописали ей постельный режим – она совершенно не могла пошевелиться. Отец Линь Юхун уже был слишком стар, чтобы позаботиться о жене, и она наняла сиделку, которая помогала матери справляться с ежедневными нуждами – кормить, поить, разминать затекшее тело.

Однако действия сиделки сыграли злую шутку: кости неправильно срастались. Состояние матери Линь Юхун ухудшилось, и единственным выходом стала госпитализация. В больнице, куда семья обратилась, не хватало свободных мест, и потому принимались только пациенты, нуждавшиеся в операции., а тем, кому предстояла реабилитация, не могли найти места. Линь Юхун обошла несколько больниц, которые могли бы помочь с восстановлением после болезни, но

безуспешно – коек везде не хватало. В конечном итоге Сун Лимин решил обратиться в больницу района улицы Гуйсян. Как только он связался с клиникой, матери Линь Юхун сразу же предоставили место. Вполне очевидно, что все хлопоты легли на плечи Сун Лимина. В то время компания «Ляньцзи» улучшала производство продукции, и Линь Юхун была занята так, что не видела ни дня, ни ночи. Работа отнимала все ее время, и она не могла должным образом позаботиться о матери. Лишь спустя неделю после госпитализации матери Линь Юхун смогла выкроить время и навестить ее. Тогда пациент, лежавший в одной палате с матерью, заметил:

– Ваша дочь, судя по всему, очень занята, раз смогла прийти лишь спустя неделю...

Мать Линь Юхун не сказала ни слова, а сама она залилась краской от стыда – возразить было нечего. Когда настало время прощаться, мать сказала:

– Не переживай, спокойно работай. Я в порядке. У меня три соседа по палате, совсем не скучно. Каждый день меня навещает Сун Лимин и приносит бульон. Здесь очень вкусно и разнообразно кормят, я скоро потолстею. Кроме того, врачи и медсестры хорошо ко мне относятся, а медсестра Хэ особенно. Не волнуйся. У меня всего лишь перелом, а не смертельная болезнь. Я скоро поправлюсь. Потребуется три или четыре месяца, чтобы полностью прийти в норму.

Линь Юхун нашла медсестру Хэ и протянула ей конверт с деньгами в качестве благодарности. Та смутилась и отказалась.

лась принять подарок, объяснив, что всего лишь выполняет свою работу. Линь Юхун не стала настаивать.

Мать Линь Юхун выписали раньше. Именно тогда Сун Лимин познакомился со всеми медработниками больницы. Когда кто-то из семьи сталкивался с легким недомоганием, не было никакой необходимости занимать очередь в госпитале и ждать приема – врачи районной больницы всегда с удовольствием давали рекомендации, что было весьма удобно.

Линь Юхун не могла определить, насмехается над ней Сяо Чэнь или нет. Ее настроение стремительно испортилось. Чем больше они говорили, тем больше она злилась. Важно помнить, что Линь Юхун не любила уступать. Она решила не бросаться пустыми словами и безапелляционно заявила:

– Раз уж Сун Лимин хорошо ладит с людьми, советую обратиться к нему. Вы же сами сказали, что с ним приятно иметь дело.

Сказанные Линь Юхун слова были совершенно ей не свойственны. Она удивилась самой себе. Неужели она ревновала Сун Лимина?

Несмотря ни на что, Линь Юхун так и не смогла выдворить Сяо Чэнь за пределы своего дома. Девушка изо всех сил пыталась достучаться до Линь Юхун, но та оставалась каменной стеной, через которую даже воде не под силу просочиться. Сяо Чэнь растеряла весь свой боевой дух. Ее взгляд потускнел, а от былой хитрости и колкости не осталось и следа.

Она опустила глаза и спустя время сказала:

– Видимо, вы совсем не хотите меня выслушать... Значит, я ничего не могу поделать. Старый секретарь комитета жителей при смерти. Ей хотелось бы встретиться с вами, перед тем как.

Линь Юхун настороженно посмотрела на Сяо Чэнь и недоумевающе спросила:

– При смерти? Как это возможно? Вчера вечером она приходила сюда. Да, она выглядела уставшей, но не походила на человека, который вот-вот умрет.

Сяо Чэнь объяснила:

– Старый секретарь долгое время страдает от тяжелой болезни. Никто об этом не знает – ни кадровые работники комитета, ни сами жители. Она скрывает это ото всех. Не так давно она отпросилась в отпуск на полмесяца, чтобы лечь в больницу, где ей сделали операцию. Вчера вечером, когда она пришла разбираться с конфликтом, ей стало плохо. Мы поспешно отправили ее в больницу, и врачи рассказали нам правду. Так мы узнали, что в последнее время она, превозмогая болезнь, продолжала упорно трудиться на благо комитета. В моменты, когда я не могла найти её в комитете, она на самом деле проходила в больнице курсы химиотерапии, по окончании которых сразу же возвращалась на работу.

Линь Юхун была поражена. Она долгое время молчала, прежде чем спросить:

– Почему?.. Почему она не получила должного лечения и

отдыха?..

Сяо Чэнь удрученно сказала:

– Ох, даже не спрашивайте. Такой уж у нее характер. Если не хотите идти, так и скажите. Я вернусь в больницу и передам ей это.

Линь Юхун не знала, как реагировать на просьбу старого секретаря. Ей казалось необъяснимым и даже странным то, что она не могла отказать Сяо Чэнь, и в то же время не считала нужным пойти вместе с ней в больницу. У Линь Юхун был удивительный характер. Как в рабочих делах, так и в событиях повседневной жизни она никогда не пасовала перед трудностями, ведь нужно было либо двигаться вперед, либо отступить. Линь Юхун никогда не паниковала, принимала решения быстро, действовала твердо и четко, но, столкнувшись с совершенно необъяснимой просьбой представительницы поколения 90-х, не понимала, как поступить.

Телефон Сяо Чэнь пиликнул, оповещая о входящем сообщении. Она мельком прочитала его, опустила голову и сказала:

– Мне нужно идти.

Линь Юхун замерла на мгновение и окликнула уходящую Сяо Чэнь:

– Мне нужно кое-что спросить. Вы не знаете, почему старый секретарь хочет меня видеть?

Сяо Чэнь остановилась и, помедлив, ответила:

– Прошу прощения. Я обманула вас. Старый секретарь не

просила вас прийти.

Линь Юхун сердито сказала:

– Очаровательно! Вы целую вечность вешали мне лапшу на уши и наконец-то соизволили начать говорить правду. Вы настоящая лгунья.

Сяо Чэнь поспешила объяснить:

– Мне показалось, что старый секретарь хочет вас видеть. Я так чувствую. Но я знала, что вы не слушаете меня, и потому могла лишь попробовать надавить на жалость, сказав, что старый секретарь попросила привести вас. Не думала, что даже ее болезнь не тронет вашего сердца.

Линь Юхун язвительно процедила:

– Как же вы почувствовали, что старый секретарь хочет видеть меня, если она вам ничего не сказала?

Сяо Чэнь грустно ответила:

– Старый секретарь больше не может говорить.

Сердце Линь Юхун упало, но она продолжила стоять на своем:

– Вы знаете, зачем она хотела меня видеть? Быть может, она хотела что-то сказать?

Сяо Чэнь ответила:

– Не знаю. Если она и хотела что-то сказать, это явно что-то, связанное с делами комитета...

Едкие слова сорвались с языка Линь Юхун:

– Дела комитета меня.

Однако она сразу же замолчала. Конец фразы, «никак не

касаются», Линь Юхун не осмелилась произнести.

Сяо Чэнь посмотрела на Линь Юхун глазами, в которых погас огонек надежды, и сказала:

– Возможно, это касается председателя Цзян.

Линь Юхун диву давалась, как невидимый и неуловимый «председатель Цзян» умудрялась появляться повсюду, а потому не могла не спросить:

– Все постоянно говорят о председателе Цзян. Что с ней случилось?

Задав вопрос, Линь Юхун тут же разозлилась на саму себя. Ей вспомнились слова, которые она часто слышала в свой адрес: «Если собака ловит мышей, значит, занимается не своими делами».

Сяо Чэнь направилась к выходу и сказала:

– Я не знаю, что случилось с председателем Цзян. Если вам интересно, можете самостоятельно попытаться узнать.

Линь Юхун пришла в ярость и сердито бросила в спину уходящей Сяо Чэнь:

– С какой стати мне должно быть интересно?! Почему меня должны интересовать дела комитета? Зачем мне знать, что не так с председателем Цзян? Вы думаете, что я настолько люблю лезть не в свое дело?

Она не знала, услышала ее Сяо Чэнь или нет. Та ушла и даже не обернулась.

Глава VII. И снова председатель Цзян

Линь Юхун заварила себе чашку чая и зажгла палочку сандалового дерева, чтобы успокоиться и прийти в себя. Она дала себе время отдохнуть и стала заниматься тем, чем давно планировала – разбирать запасы одежды, косметики и книг. За годы работы в компании «Ляньцзи» у нее практически не было времени для самой себя и возможности привести в порядок комнату, принадлежавшую только ей. Она не могла представить, какая колоссальная работа ей предстояла. Казалось, что одежда Линь Юхун способна вытеснить из шкафов одежду мужа и дочери.

Линь Юхун обнаружила, что Сун Лимин заранее купил множество коробок. В одном из телешоу Линь Юхун видела рекламу тканевых коробок разного размера. Теперь они оказались перед ней – Сун Лимин заботливо сложил их в углу шкафа, поместив маленькие коробочки в большие. Одежда Сун Лимина и Сун Сяоси, как и остальные их вещи, уместилась в эти коробки.

Линь Юхун решила выудить из шкафа грудку новой одежды, которую так ни разу и не надела. Ей было и весело, и грустно. Она не знала, что делать с ненужными вещами, и

решила избавиться от них. Линь Юхун спустилась вниз, намереваясь позвонить человеку, который собирал и утилизировал старые вещи, как вспомнила о женщине, которая рассказывала, что работники решили устроить забастовку. Она решила в этот раз быть осторожнее и внимательнее. Тем не менее пока ничего сверхъестественного не происходило. Все сотрудники службы охраны работали, как обычно: одни стояли у ворот, другие патрулировали дорогу. Один из патрульных подошел к Линь Юхун, и она увидела, что на его значке написано слово «начальник охраны». Он поприветствовал Линь Юхун и вдруг неожиданно заявил:

– Я помню, что ваша фамилия – Линь.

Женщина на мгновение задумалась, не понимая, что он имеет в виду, и полушутя сказала:

– Все верно. И в прошлом, и сейчас я ношу фамилию Линь.

Начальник охраны почесал голову и, улыбнувшись, ответил:

– Вот и я о том же! Я сказал им, что ваша фамилия Линь, но они утверждают, что Цзян.

Услышав фамилию Цзян, Линь Юхун почувствовала, что ее голова вот-вот взорвется. Она непонимающе уставилась на начальника охраны.

– Кажется, они сказали, что вы председатель комитета жителей улицы Гуйсян. Я же напомнил им, что ваша фамилия Линь.

Линь Юхун поспешно спросила:

– Вы лично знакомы с председателем Цзян?

Начальник охраны, покачав головой, сказал:

– Нет, я не знаком с ней. Никогда ее не встречал. Из всех кадровых работников комитета я знаю только старого секретаря.

Линь Юхун напряглась и невольно поинтересовалась:

– Говорят, что в эти дни старый секретарь помогает решать вопросы, возникающие у жителей квартала Лиду Хуаюань. Что насчет конфликта между работниками домоуправления и жильцами квартала? Что-нибудь уже решилось?

Начальник охраны усмехнулся и ответил:

– Ну тут даже говорить нечего. Если за дело берется старый секретарь, значит, все будет решено в лучшем виде. Сами видите: сегодня мы вышли на работу в обычном режиме.

На самом деле сегодня утром работники домоуправления не вышли на работу, но Линь Юхун это не заботило. Через какое-то время все приступили к своим обязанностям. Для женщины это не имело значения: если бы не проблема с газовой плитой, она ничего и не заметила бы.

Однако кое-что все-таки случилось. К большому несчастью, старый секретарь страдала от тяжелой болезни.

Линь Юхун не собиралась продолжать разговор с начальником охраны – ей было нечего сказать. Все эти годы она практически не ходила по району и ни с кем не общалась. Она слегка кивнула мужчине, намереваясь уйти, но он ска-

зал:

– К сожалению, старый секретарь очень больна. Говорят, ей осталось жить несколько дней. Помню, как она пришла сюда, чтобы помочь нам урегулировать конфликт, и почти в конце встречи упала в обморок.

Он сделал паузу на мгновение, а затем, словно успокаивая себя, добавил:

– Хорошо, что старый секретарь, зная, что скоро уйдет, заранее позаботилась обо всем. Она давно нашла подходящего человека, чтобы доверить ему комитет. Да, я говорю о председателе Цзян, с которой вас почему-то всегда путают.

И снова председатель Цзян! Линь Юхун не понимала, почему она постоянно фигурирует во всех событиях? Она не удержалась и спросила:

– А вы случайно не знаете, что не так с председателем Цзян?

Заметив, что Линь Юхун встревожена, начальник охраны покачал головой и сказал:

– На самом деле мы не знакомы с председателем Цзян и никогда не встречались с ней, просто слышали, что есть такой человек.

Никто не был знаком с председателем Цзян и в то же время все слышали о ней. Это было очень странно.

Линь Юхун направилась к выходу из квартала и не заметила женщины, собиравшей старые вещи; та каждый день сидела на одном и том же месте. Она спросила у охранника во-

рот, а тот, указав на место неподалеку, сказал:

– Кажется, она пошла на рынок.

Линь Юхун побрела к рынку, но внезапно засомневалась: неужели она и правда хотела найти эту женщину? Можно подождать до воскресенья и попросить Сун Лимина разобраться с этим. С каких это пор Линь Юхун стала так серьезно относиться к домашним хлопотам? Или она пошла на рынок вовсе не для того, чтобы найти тетушку? Тогда что же ею двигало? Быть может, кто-то ждал ее там?

Сердце Линь Юхун дрогнуло. Она замерла на месте, как вкопанная, но было поздно – госпожа Ся уже заметила ее...

Как обычно, женщина сидела в тени двух деревьев, усыпанных цветами османтуса. Каждую осень они источают аромат, насладиться которым могут не только жители улицы Гуйсян, но и люди из других районов.

В прошлом это местечко было частью просторного прохода посреди улицы. С тех пор как деревья пересадили, здесь стал собираться комитет жителей улицы Гуйсян; место облагородили: установили скамейки и столы, спортивный инвентарь и стенды для рекламы. Место естественно превратилось крохотный сквер.

Госпожа Ся сидела под деревьями. Женщина и деревья гармонично дополняли друг друга – их старость была преисполнена жизни. Линь

Юхун в какой-то степени побаивалась пожилую женщину, что страдала от душевного расстройства, а может быть, и нет.

Это оставалось тайной. Линь Юхун хотела как можно скорее убраться отсюда, но госпожа Ся уже заметила ее и, махнув рукой, крикнула:

– Председатель Цзян, подойдите сюда, мне нужно вам кое-что сказать...

Линь Юхун решила не обращать внимания на старушку. Ей не хотелось снова попасться в ее ловушку, поэтому она поспешила уйти.

До нее долетели слова госпожи Ся:

– Председатель Цзян, я должна сказать, что ваш старый начальник, директор фабрики игрушек Лю, просил передать вам привет. Думаю, это значит, что.

Слова сумасшедшей женщины остановили Линь Юхун. Ее сердце лихорадочно забило. Что за старый начальник? При чем тут вообще фабрика игрушек? Быть может, госпожа Ся пыталась ей что-то сказать? Линь Юхун не понимала смысла ее слов. Был ли это бред сумасшедшей или же старушка сказала именно то, что хотела? Если так, стало быть, госпожа Ся намекает ей, что председатель Цзян работала раньше на фабрике игрушек? Почему в последние дни абсолютно все сводилось к председателю Цзян? В Линь Юхун проснулся интерес. Она была слишком прямолинейной и непреклонной и потому не любила, когда люди понимали ее неправильно. Линь Юхун направилась в комитет жителей улицы Гуйсян. Ею двигало желание найти председателя Цзян, привести ее к госпоже Ся и наконец-то заставить ту понять, что Линь

Юхун и председатель Цзян – совершенно разные люди.

Перед глазами Линь Юхун сразу же замаячила раздражающая приторная улыбочка Сяо Чэнь. Помотав головой, чтобы отогнать видение, и натянув маску безразличия, она направилась в комитет.

К ее счастью, Сяо Чэнь не оказалось на месте. Из всех кадровых работников комитета присутствовала лишь молодая девушка. Она сидела в приемной, уставившись в компьютер, и что-то печатала. Линь Юхун поинтересовалась, где все остальные работники. Девушка широко улыбнулась и промолчала, как будто слова были на вес золота, и она не хотела ими разбрасываться.

Житель улицы Гуйсян, что стоял в очереди, рассказал Линь Юхун о том, что старого секретаря госпитализировали, и все отправились в больницу навестить ее. Он добавил, что Сяо Цзинь тоже должна была пойти вместе со всеми, но поскольку сегодня обычный рабочий день, который предполагал многочисленные визиты жителей по различным вопросам, ей пришлось остаться на месте. В противном случае, жители, увидев закрытые двери комитета, наверняка стали бы ругаться. Житель улицы Гуйсян честно сказал, что и сам обругал бы всех на чем свет стоит, если бы не нашел в рабочий день ни одного кадрового работника. Он так открыто говорил о своих действиях, словно давал сам себе пощечину. Линь Юхун не знала, как отнестись к такому откровению.

Девушка, работавшая за компьютером, подняла глаза на

Линь Юхун и наконец-то сочла нужным заговорить:

– Вице-президент Линь, вы все-таки пришли. Моя фамилия Цзинь.

Краткое приветствие девушки сбило с толку Линь Юхун: во-первых,

откуда она знала, что к ней можно обращаться как к вице-президенту? Во-вторых, она сказала «вы все-таки пришли», словно ожидала ее. И, наконец, зачем-то назвала свою фамилию, хотя в этом не было никакой необходимости. Линь Юхун напрямую спросила:

– Вы знаете полное имя председателя Цзян?

Сяо Цзинь лишь помотала головой из стороны в сторону, словно говоря «нет».

Линь Юхун рассердилась:

– Серьезно? Не знаете, как зовут председателя вашего комитета? Вы издеваетесь!

Сяо Цзинь напряглась, но так и не сказала ничего в ответ.

Линь Юхун продолжала настойчиво расспрашивать:

– Где председатель Цзян? Где я могу ее найти? Что происходит?

Девушка по-прежнему молчала и качала головой.

Мужчина средних лет, что стоял в очереди, занервничал: его визит в комитет жителей затягивался. Он недовольно воскликнул:

– Вы болтаете или работаете?

Сяо Цзинь поспешно уставилась в компьютер и принялась

заниматься делами. Линь Юхун прекрасно понимала, почему мужчина сердится, и ответила:

– Иногда болтовня – это и есть работа.

Тот пришел в ярость:

– Но мы сюда пришли не болтать, а решить свои проблемы. Именно комитет жителей помогает нам в этом!

Сяо Цзинь, кажется, заволновалась, что Линь Юхун может резко отреагировать на слова мужчины, поэтому поспешила заговорить:

– Вице-президент Линь, пожалуйста, не обращайтесь внимания. Они всегда грубят и не умеют вежливо общаться.

Линь Юхун бесцеремонно заявила:

– Я больше не вице-президент Линь, поэтому не зовите меня так. Это поможет избежать дальнейших недоразумений.

Сяо Цзинь залилась краской и испуганно прошептала:

– Но... Но... Я могу называть вас... только вице-президентом Линь.

Девушка замолчала, не осмелившись закончить предложение. Она

сидела молча, словно набрала в рот воды. Линь Юхун решила больше не тратить время на пустые разговоры. Не важно, с кем она разговаривала, ей была не по душе их манера речи. Линь Юхун решительно повернулась и уже собралась уйти, как путь ей неожиданно преградили. Линь Юхун замерла как вкопанная, а незнакомый рослый мужчина окинул

ее взглядом с ног до головы и сурово спросил:

– Вы наш новый председатель?

Линь Юхун поспешно замотала головой из стороны в сторону и, подняв руки в примирительном жесте, сказала:

– Нет-нет-нет! Это не имеет ко мне никакого отношения.

На что мужчина ответил:

– Тогда что вы здесь забыли? И где все остальные?

Мужчина заглянул в кабинет, огляделся и продолжил:

– Почему сегодня работает только один человек?

Мимо дверей комитета проходил еще один житель, который, услышав разговор, остановился и заглянул в помещение. Он сказал:

– Ци Санью, не возмущайся, сегодня здесь правда почти никого не будет.

Мужчина взорвался и громко закричал, грязно ругаясь:

– *****! Почему комитет так халатно работает? Все работники свалили куда-то, совершенно наплевав на жителей! *****! И кто тогда будет решать мою проблему?

Линь Юхун слушала его нецензурную брань, от которой вяли уши, и чувствовала отвращение. Ей совершенно не хотелось слышать его грязные слова, но она не сдержалась и сердито сказала:

– Все ушли в больницу навестить старого секретаря. Чем вы недовольны?

Ци Санью, кажется, обезумел окончательно. Он продолжил кричать и материться:

– Ох, какая прелесть, они пошли навестить старого секретаря! Тьфу ты! Я волновался, когда узнал, что она тяжело больна, и надеюсь, что поправится как можно скорее, потому что справиться с моими проблемами под силу только ей. Однако сейчас у меня срочное дело. Кто, ****, поможет мне разобраться с забившейся трубой? Дело не в том, что она просто забилась, а в том, что в ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ! ****! Я где живу? В лачуге? Какого черта мои трубы забиваются почти каждый день?! Дома находиться из-за этого невозможно! Вонь стоит невероятная! Жена уже сходит с ума!

В Линь Юхун проснулась ее любовь лезть не в свое дело. Казалось бы, забившаяся труба незнакомого мужчины ее совершенно не касается, но она рассердилась:

– Ну так найдите сантехника или трубопроводчика, в чем проблема-то? На кой черт вы пришли в комитет?

Ци Санью, кажется, не ожидал столь яростного отпора, и потому бесцеремонно заявил:

– О, спасибо за вашу идею! А то я сам до этого не додумался! Я давно нашел уже сантехника, но, ****, он попытался содрать с меня столько денег, сколько я за месяц не зарабатываю! Моя семья помрет с голоду, если я позволю себе два раза вызвать сантехника.

Линь Юхун потеряла дар речи. Она знала, что если канализация засорилась, необходимо обратиться к профессиональному сантехнику. Так почему же мужчина пришел в комитет жителей? Женщина сказала:

– А вы думаете, что работники комитета жителей умеют управляться с трубами, да?

Ци Санью грубо заявил:

– Да, черт возьми, комитет должен уметь делать все, что нужно, **** *. в противном случае эта шарашкина контора не имеет права так называться! Я говорю о том, что даже если бы у меня были деньги, не стал бы вызывать сантехника, потому что, **** *, этим должен заниматься комитет жителей. Если не он, кто еще поможет? Вы, судя по всему, появились тут недавно, и ничего не знаете о комитете. Всегда, когда возникает необходимость, я обращаюсь сюда, а вы, **** *, не имеете права пренебрегать своими обязанностями. Раньше, когда здоровье старого секретаря было в порядке, она приходила на помощь сразу же, как только ее об этом просили.

Он стоял, упираясь толстыми руками в стену, и смотрел прямо в глаза Линь Юхун, ожидая, что та согласится и пойдет с ним. Она же сделала шаг назад и сказала:

– Во-первых, я давно здесь живу. Во-вторых, я не кадровый работник комитета жителей улицы Гуйсян. В-третьих, я не могу помочь вам разобраться с канализацией. Всего хорошего. Мне пора.

Ци Санью не хотел понимать этого и продолжил нагло давить:

– Ну, знаете ли, никто не рождается с талантом к прочистке труб. Старый секретарь, хоть и в возрасте, всегда помога-

ла мне с этой проблемой.

Линь Юхун вышла из себя и бесцеремонно спросила:

– О, неужели совесть позволила вам заставлять секретаря, что стара и больна, помогать с трубами?

Ци Санью продолжал стоять на своем:

– Старый секретарь всегда добровольно приходила на помощь, даже когда я ее не звал...

Линь Юхун окончательно рассердилась:

– Да вы вообще понятия не имеете, что такое совесть! Вы, мужчина в расцвете сил, который, черт возьми, больше коня, и при этом заставляли старушку помогать вам?! Да как вы вообще посмели?! Я не председатель комитета жителей, но даже если бы занимала эту должность, точно не пошла бы к вам домой разбираться с трубами!

Линь Юхун готова была идти до конца, лишь бы достучаться до человека, сыпавшего проклятиями. Она не ожидала, что мужчина, который злился так, что глаза налились кровью, внезапно сдастся, услышав ее слова. Всю его спесь, заносчивость и злость как рукой сняло. Оцепенев и широко открыв рот от удивления, он оторопело смотрел на нее и, кажется, не понимал, что она говорит. Какое-то время он стоял, словно окаменев, а потом пришел в себя и, не проронив больше ни одного грязного слова, рухнул на колени перед Линь Юхун.

Женщина даже представить не могла, что человек может за секунду кардинально измениться, и не знала, как реаги-

ровать на случившееся: мужчина упал к ее ногам. Не просто встал на колени, а жалобно закричал:

– Председатель! Секретарь! Прошу вас, помогите мне. Пожалуйста, сходите вместе со мной.

Линь Юхун задрожала от испуга и поспешно отскочила назад, но, несмотря на бушевавшие эмоции, сурово заявила:

– Нет. Я не секретарь, не председатель, и ничего не смыслю в починке труб. Устранять засоры должны люди, которые специально этому учились.

Ци Санью продолжал умолять:

– Пожалуйста! Прошу вас, идите за мной! Вы сразу поймете, как только придете в мой дом. Я не прошу вас помочь устранить засор, просто умоляю пойти ко мне домой и посмотреть.

Линь Юхун была непреклонна:

– Нет.

Ци Санью не хотел сдаваться:

– Если вы не пойдете, я так и буду стоять на коленях и не поднимусь!

Линь Юхун подумала, что сегодня ей не посчастливилось столкнуться

с, пожалуй, одним из самых наглых, жалких и отвратительных людей. Здоровенный мужик растирал по лицу сопли и слезы и, стоя на коленях перед ней, на самом деле унижался перед самим собой. Его поведение не на шутку встревожило Линь Юхун, и та в порыве гнева сказала:

– Хорошо, пойдёмте.

Линь Юхун выскочила из комитета жителей, словно за ней гнался разъяренный тигр. Ци Санью старался не отставать. Он поплелся за ней, бесконечно повторяя:

– Спасибо, председатель! Спасибо! Спасибо, председатель! Вы меня спасли.

Ци Санью мгновенно перестал быть тем грубияном, каким был всего несколько минут назад. Услышав, что он называет ее председателем, Линь Юхун обернулась и строго сказала:

– Не смейте называть меня председателем. Еще раз так скажете, и я с вами никуда не пойду.

Ци Санью раболепно залепетал:

– Да-да, хорошо, я больше не буду называть вас председателем.

Кто-то из семенивших мимо прохожих решил подшутить над Ци

Санью:

– Ци Санью, твоя женушка сбежала, а ты так быстро нашел новую! Причем такую красивую и светлокожую!

Ци Санью сделал несколько широких шагов, чтобы догнать Линь Юхун, и сказал:

– Не слушайте этот бред! Все они бескультурные и необразованные идиоты, *****!

Его заявление и разозлило, и рассмешило Линь Юхун. Та ехидно заявила:

– А с чего вы решили, что вы можете судить других людей? Вы, стало быть, воплощение манер и культуры?

Ци Санью, как болванчик, закивал головой:

– Нет-нет, что вы, мы все – бескультурные и необразованные дураки. Председатель, прошу вас, не опускайтесь до нашего уровня!

Линь Юхун закатила глаза. Они незаметно дошли до центральной части переулка Ляньхуа. Ци Санью сделал несколько шагов вперед, указал на один из старых домов на обочине дороги и сказал:

– Председатель, вот мы и пришли, там мой маленький ресторанчик.

Вдоль улицы выстроились многочисленные магазинчики и семейные рестораны. В Китае подобное не редкость: различные заведения часто объединялись с жилыми домами. Вывеска ресторанчика Ци Санью была старой и грязной. «Лапшичная Ци Санью» – гласили крупные иероглифы. По соседству располагался крохотный магазин, на вывеске которого было написано «Сладости из злаков и цветов османтуса». Линь Юхун неторопливо шла вдоль улицы и, пользуясь случаем, заглядывала в окна магазинов и ресторанов, что примостились у обочины дороги. Ци Санью заметил это и тут же начал ворчать:

– Эй, председатель... Ой, извиняюсь. Госпожа-не-председатель, не отвлекайтесь на другие магазины и рестораны, вы пришли сюда, чтобы помочь решить мою проблему.

Не успел он договорить, как из магазина, в котором продавались сладости, выскочила женщина средних лет. Увидев ее, Ци Санью сразу же сказал:

– Ло Гуйчжи, пожалуйста, только не устраивай скандал. Я позвал председателя. Твои проблемы подождут. Как только разберемся с моими трубами, председатель сразу же поможет тебе.

С Ло Гуйчжи шутки были плохи. Она не верила Ци Санью и всячески старалась не попасть в его ловушку, а потому, уставившись широко открытыми глазами на Линь Юхун, спросила:

– Вы председатель? Если так, почему только сейчас соизволили явиться? Неужели вы приходите только тогда, когда у жителей все плохо?

Ло Гуйчжи, хоть и была женщиной, выражалась так же резко и грубо, как Ци Санью. Линь Юхун была в недоумении от того, что совершенно незнакомый человек обрушился на нее с ругательствами и обвиняет в бездействии. Она сердито заявила:

– Запомните раз и навсегда: я вам не мишень для ругани, понятно? Не смейте так со мной разговаривать.

Ци Санью услышал ее слова и поспешно добавил:

– Да-да! Кроме того, она даже не председатель комитета жителей. Ло Гуйчжи, тебе незачем с ней разговаривать.

Ло Гуйчжи холодно усмехнулась и спросила:

– Раз она не председатель, что тогда здесь забыла? Ко-

му вообще, за исключением кадровых работников комитета, нужно приходить сюда?

Линь Юхун не могла совладать с гневом и резко ответила:

– Раз сюда приходят только кадровые работники комитета, почему же вы тогда так себя ведете? Они заботятся о вас, а вы не знаете благодарности и ведете себя по-хамски!

Ло Гуйчжи на мгновение помрачнела, смерила Линь Юхун оценивающим взглядом и презрительно процедила:

– О, да вы, судя по всему, большая шишка, пресловутая интеллигенция, возомнившая себя не пойми кем! Разумеется, вам будут неприятны наши манеры, вы будете смотреть свысока и считать нас идиотами. Вот только настоящие кадровые работники комитета общаются с нами на равных...

Разве могла Линь Юхун уступить Ло Гуйчжи в обмене колкостями? Нет! Она закатила глаза и сказала:

– Общаются? На равных? Неужели такое возможно? Думаю, что нет, потому что вы привыкли поливать других грязью и считать это общением.

Противостояние Линь Юхун и Ло Гуйчжи нарастало. Ци Санью, наблюдавший за спором со стороны, заволновался и, подпрыгнув к Линь Юхун, спросил:

– Так, какого черта? Вы зачем начали ругаться? *****! Почему вдруг моя проблема превратилась в конфликт двух женщин? *****! А кто мне тогда поможет?

Из магазинчика Ло Гуйчжи вышел приятный молодой человек. Он шагнул к ней и сказал:

– Мама, не надо их упрашивать. Никто не поможет нашей семье. Мы можем рассчитывать только на себя.

Ло Гуйчжи, что буквально мгновение назад рассыпалась в проклятиях, отвела взгляд. Непрошенные слезы покатались по щекам. Всклипнув, она жалобно протянула:

– Рассчитывать только на себя? Это невозможно. Ло Ли, что же нам делать.

Сын постарался успокоить ее:

– Мама, не волнуйся. Я обязательно что-нибудь придумаю.

Шепча успокаивающие слова, Ло Ли завел мать в магазин. Линь Юхун, заметив, что Ци Санью застыл от удивления, спросила:

– Что случилось с их семьей? С чем они столкнулись?

Тот цокнул языком, задумался, покачал головой и попытался объяснить:

– В далеком прошлом семья Ло открыла кондитерскую, где продавала сладости из злаков и цветов османтуса. Дела шли хорошо, их лакомства разлетались, как горячие баоцзы поутру. Появились постоянные клиенты, которые всегда были довольны вкусом пирожных, печенья и всего, что продавалось в кондитерской. Бизнес семьи Ло процветал. Однако потом муж Ло Гуйчжи ввязался в азартные игры, накопил огромный долг, поэтому бросил жену и сына и сбежал.

Ци Санью тут же осекся, осознав свою ошибку, нахмурился и сказал:

– ***** Нечего говорить об их трудностях, пока моя проблема не решена!

Он проводил Линь Юхун до дверей своей лапшичной. Заглянув внутрь, она поняла, каким маленьким было помещение: всего три или четыре столика. Все стены от пола до потолка, столы, скамеечки и горы невымытой посуды были покрыты жиром и маслом. Тошнотворный запах проникал в легкие еще на улице. Страшно представить, как воняло внутри. В лапшичной была небольшая дверь, что вела внутрь дома. За темнотой ничего нельзя было разглядеть.

Не успела Линь Юхун привыкнуть к бардаку, в котором оказалась, как внезапно из темноты выскочила бледная, как смерть, женщина, волочившая за собой тяжеленный чемодан, и кинулась к выходу. В этот момент из темноты появился молодой человек, который бросился за ней. Он догнал женщину и, схватив ее за руку, закричал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.